

ГУМАНИТАРНЫЙ ТРАКТАТ

научный журнал о гуманитарных науках

Публикации для студентов, молодых ученых и научно-преподавательского состава на www.gumtraktat.ru

ISSN 2500-1159 Издательский дом "Плутон" www.idpluton.ru

Выпуск №153

КЕМЕРОВО 2026

12 январь 2026 г.

ББК Ч 214(2Рос-4Ке)73я431

ISSN 2500-1159

УДК 378.001

Кемерово

Журнал выпускается ежемесячно, публикует статьи по гуманитарным наукам. Подробнее на www.gumtraktat.ru

За точность приведенных сведений и содержание данных, не подлежащих открытой публикации, несут ответственность авторы.

Редкол.:

П.И. Никитин - главный редактор, ответственный за выпуск.

Н.В.Обелюнас - кандидат филологических наук, экс-преподаватель кафедры журналистики и русской литературы 20 века КемГУ, ответственный за финальную модерацию и рецензирование статей.

А.Е. Чурсина – редактор, ответственный за первичную модерацию и рецензирование статей.

С. А. Уталиев – доктор философских наук; Казахско-Русский Международный университет (КРМУ)

С. С. Жубакова - кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и самопознания, Евразийский Национальный университет имени Л.Н. Гумилева

В.А. Макеев - кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин филиала Воронежского государственного технического университета в г. Борисоглебске

Е. В. Суровцева - кандидат филологических наук; Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова.

З. М. Мухамедова - доктор философских наук, кафедра социально-гуманитарных наук Ташкентский государственный стоматологический институт.

А. А. Бейсембаева - кандидат педагогических наук, профессор кафедры Педагогики и психологии Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана

Х. Б. Норбутаев - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой начального образования Термезский государственный университет

Г. М. Сыдыкова - кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Кыргызского Национального университета имени Жусупа Баласагына

Д.Х. Исламова – доктор философии, Ташкентский государственный технический университет

С. С. Байсарина - кандидат педагогических наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н.Гумилева, профессор РАЕ.

А.О. Сергеева - ответственный администратор[и др.];

Научный журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат», входящий в состав «Издательского дома «Плутон», был создан с целью популяризации гуманитарных наук. Мы рады приветствовать студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников. Надеемся подарить Вам множество полезной информации, вдохновить на новые научные исследования.

Издательский дом «Плутон» www.idpluton.ru e-mail:admin@idpluton.ru

Подписано в печать 12.01.2026 г.

Формат 14,8×21 1/4. | Усл. печ. л. 6.2. | Тираж 300.

Все статьи проходят рецензирование (экспертную оценку).

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей и за сам факт их публикации.

Редакция не несет ответственности перед авторами и/или третьими лицами и организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

При использовании и заимствовании материалов ссылка обязательна.

Содержание

1. FUNDAMENTAL CHARACTERISTICS OF POWER IN MICHEL FOUCAULT'S CONCEPTION...4
Bui Quang Hung, Bui Thi Lien, Mai K Da
2. KARL MARX'S CONCEPTION OF THE ROLE OF PHILOSOPHY IN SOCIAL LIFE IN HIS EARLY WRITINGS 11
Pham Ngoc Anh, Le Thi Hong Phuong
3. ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ ИБН СИНЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ИХ МОДЕРНИЗАЦИИ.....15
Мухамедова З.М.
4. ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ (HEILIGENKREUZ) – МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО КРЕСТА ПОД ВЕНОЙ.....24
Суровцева Е.В.
5. ПРИРОДА СПРАВЕДЛИВОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО.....31
Мухамедьяров Т.С., Кашеев С.И.
6. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКЕ.....34
Авдеева Т.Г.
7. ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОЛЛЕДЖА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА.....38
Кейзер Е.С.
8. ПЕСНИ И ТАНЦЫ ИНГУШЕЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....44
Бузуртанова Я.А., Шакриева Р.З., Кокорхоева Д.С.
9. ЦИФРОВАЯ МЕДИЦИНА И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ.....49
Аллаберганов А.
10. МЕДИЦИНСКАЯ ГУМАНИСТИКА КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКОГО КАРКАСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВРАЧА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....53
Худайбергенова П.Т.
11. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ).....57
Муханова М.В., Борисова Т.Д.
12. ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ 66
Пуцкин Д.А.
13. РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И СКЛОННОСТИ К РИСКУ В УЯЗВИМОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ФИШИНГОВЫМ АТАКАМ.....69
Волокитина Т.С., Таныгин М.О.
14. THE IMPORTANCE OF USING MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING PHYSICS IN PUBLIC SCHOOLS.....76
Saytdjanov Sh.N., Khusniddinov F.Sh.
15. А.П.ЧЕХОВ В ЭССЕИСТИКЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (И.Г.ЭРЕНБУРГ, С.П.ЗАЛЫГИН, А.И.СОЛЖЕНИЦЫН).....79
Суровцева Е.В.

Bui Quang Hung

Master's degree, Lecturer

Political Theory Group, Department of Soft Skills FPT University, Hanoi, Vietnam

Bui Thi Lien

Master's student

Faculty of Philosophy, VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, Vietnam

Mai K Da

PhD in Philosophy, Lecturer,

Faculty of Philosophy, VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi, Vietnam

УДК 316.277.5

**FUNDAMENTAL CHARACTERISTICS OF POWER IN MICHEL FOUCAULT'S
CONCEPTION**

Abstract. This study undertakes a systematic analysis of Michel Foucault's theory of power through three principal axes. First, the author will conduct a structural analysis of Foucault's theses by examining the four fundamental characteristics of power as he conceptualized it: its ubiquity, its dual nature as both intentional and non-subjective, its productive function, and its intrinsic relationship with resistance. Subsequently, the research will focus on analyzing Foucault's central thesis concerning the constitutive relationship between power and knowledge, a concept that has become a theoretical cornerstone for post-structuralist studies. Finally, to evaluate the applicability and enduring relevance of these concepts, we will apply them to the analysis of contemporary phenomena—including digital surveillance, biopolitical governance, and corporate management—while also engaging in critical dialogues with other theorists.

Keywords: Power/Knowledge, Discipline, Resistance, Biopower, Discourse

Introduction

In contemporary philosophical thought, few thinkers have so profoundly transformed the understanding of power as Michel Foucault. From his early studies on madness and clinical medicine, Foucault gradually forged a new theoretical apparatus of power—one that breaks decisively with the traditional Western fixation on sovereignty, domination, and repression. Rejecting “top-down” models that treat power as a possession to be accumulated or exercised, he reconceptualized it as a dynamic network of relations, a diffuse field of forces, and a productive mechanism intimately bound to knowledge.

Foucault's breakthrough consists not only in redefining power, but in demonstrating that power and knowledge form an indissoluble unity [4]. The notion of *power-knowledge* (*pouvoir-savoir*), one of post-structuralism's most radical contributions, provides a powerful lens for analyzing modern societies as constituted through regimes of knowledge. It functions as a rigorous analytical apparatus for uncovering the subtle mechanisms by which power shapes subjectivity, governs conduct, and structures the social field.

Against the Western political-philosophical tradition—from Plato to Marx—which largely conceives power in binary terms (ruler/ruled, dominant/oppressed) and often presupposes its centralization, Foucault shows that modern power no longer operates primarily through sovereign command. Instead, it circulates through dispersed networks of disciplinary power and biopower. This shift entails not merely an epistemological reorientation, but a reconfiguration of political implications: when power is no longer a tangible object to be seized or overthrown, strategies of resistance must be fundamentally rethought.

Foucault's decisive insight lies in revealing that modern power is not solely repressive but productive: it constitutes subjects, generates knowledge, and organizes even the forms of pleasure. Through genealogical analyses of madness, medicine, punishment, and sexuality, he demonstrates that so-called “objective” knowledge is produced within specific configurations of power, which in turn are reinforced by these epistemic frameworks. This mutual entanglement does not imply total domination, but opens a new understanding of how social reality itself is constituted.

The relevance of these analyses has only intensified in the contemporary digital landscape. Foucauldian concepts of surveillance, discipline, and biopower illuminate phenomena ranging from data extraction to algorithmic governance, where disciplinary mechanisms reappear in increasingly refined and

pervasive technocratic forms. Accordingly, a Foucauldian examination of power and power-knowledge is not merely historical, but an urgent analytical necessity—one that enables the rethinking of freedom, subjectivity, and political agency in a society where individuals may also become nodes of resistance and autonomy.

From this perspective, Foucault identifies four fundamental characteristics of power: its omnipresence within the social fabric; its intentional yet non-subjective nature; its productive rather than purely repressive character; and its intrinsic coextensivity with resistance.

1. Power is everywhere

One of Michel Foucault's most revolutionary contributions to contemporary thought lies in his radical reconceptualization of the problem of power. When we evoke the notion of "power," what imagery typically predominates? Perhaps it is a sovereign enthroned, a government enacting legislation, or a global corporation imposing its will upon the market. We tend to envision power as an object—a tangible asset possessed by some and denied to others. According to this traditional paradigm, rooted in juridical thought and the conception of sovereignty, power is understood as something that can be owned, bestowed, or forfeited. From the social contract theories of Hobbes, Locke, and Rousseau to Marx's analyses of class struggle, power has almost invariably been conceived as a locatable, possessable, and transferable entity.

However, the French thinker calls for a complete inversion of this static understanding. He proposes a conceptual revolution: to cease viewing power as a noun and to begin analyzing it as a verb. For Foucault, power is not something one has, but something one does; it is "exercised from innumerable points, in the interplay of nonegalitarian and mobile relations" [3. p. 94]. It is not a privileged possession but a strategy exercised; not a fixed, top-down structure, but a dynamic network of relations, continuously shifting and permeating the entire social fabric.

Foucault dismantled these foundational assumptions by demonstrating that power in modern societies does not operate according to a centralized sovereign model, but rather through dispersed, heterogeneous, and intertwined networks of relations. He argued that power is not concentrated at a single point or within a central entity; instead, it permeates social relations and infiltrates every crevice of everyday life [3]. Consequently, power cannot be "possessed" as a fixed asset. On the contrary, it exists only in the form of specific strategies, techniques, and practices deployed to influence, control, and shape human conduct.

Foucault's conceptualization of "power as a verb" becomes particularly profound when situated within the concrete analyses deployed in his seminal works. In *The History of Sexuality, Volume I*, Foucault meticulously illustrates how power penetrates and governs the realm of sexuality through a complex nexus of discourses, practices, and institutions. He reveals that power does not merely prohibit or repress sexuality in the traditional sense; rather—and more significantly—it actively produces knowledge, theories, and techniques aimed at managing, shaping, and exploiting sexuality for broader economic and political objectives. In this process, power manifests as a set of operations, modes of intervention, and strategies through which new "sexual subjects" are constituted.

Medicine, law, and education, therefore, do not merely reflect or represent power; they become the very mechanisms through which power is exercised with regularity and continuity. Physicians, lawyers, and educators are not simply "holders of power"; rather, they are the agents through which power is operationalized. They do not own power as a property but participate in its exercise through professional practices, specialized discourses, and specific techniques of intervention. Power, in this context, is not what they *possess*, but what they *perform*—an activity that is incessantly enacted and reproduced within the very fabric of their daily labor.

Foucault's analysis of the carceral system in *Discipline and Punish* provides another quintessential exemplar of how power functions as a verb. Here, power is not manifested in the mere act of incarceration, but in an entire sequence of continuously executed operations: the unceasing surveillance facilitated by the Panopticon model, the categorization of inmates into distinct taxonomic groups, the imposition of a temporal regime rigorous to the minute, and the molding of bodies and conduct through disciplinary regulations [2]. These "verbs"—monitoring, classifying, imposing, and molding—do not merely seek to punish a past transgression. Their deeper objective is the production of a novel type of subject: a docile, manageable, and useful individual designated as the "prisoner."

In this instance, power does not simply exist; it acts—continuously constituting and shaping its own object. Through this, Foucault demonstrates that power does not operate in a linear, top-down fashion but infiltrates and circulates within all social relations, from seemingly private domains like the family and

marriage to public interactions within the workplace or broader social life. Power is invariably present in the form of strategies, techniques, and practices aimed at controlling, directing, and producing specific modes of behavior, thought, and lifestyles.

In this sense, power functions as a verb—an incessant process of exercise and reproduction within daily social interactions, ranging from micro-gestures and trivial habits to macro-level institutions and policies. This leads to a fundamental realization: power cannot be understood as a static entity or a possessable object; it must be viewed as a dynamic process, always operationalized through strategies and techniques that influence, shape, and generate specific social realities. As Foucault himself asserted: "Power must be analyzed as something which circulates... as something which only functions in the form of a chain... It is never localised here or there... power is employed and exercised through a net-like organisation" [4, p. 98].

Power is no longer the crown upon a sovereign's head, but rather the invisible yet resilient filaments that weave the complex web of social life. It constitutes an incessant process—a continuous flow of operation that is exercised, reproduced, and occasionally resisted in every fleeting moment of daily existence. This conceptualization offers a novel and profound perspective on the essence of power, which Foucault encapsulated in his assertion: "Power is not an entity but a relation" [3, p. 94].

The transition from understanding power as a noun to analyzing it as a verb transcends mere theoretical significance, entailing far-reaching practical implications. It compels us to rethink political strategies, forms of social organization, and the very notions of freedom and emancipation. When power is perceived as a process that perpetually operates and self-reproduces through everyday practices, social transformation can no longer be predicated solely on moments of rupture or the seizure of power at the center. Instead, it must be conceived as a process of continuous intervention within the very networks of relations where power is operationalized.

2. Power is Invariably Intentional and Non-subjective

The problem of power in Foucault's thought is invariably tethered to a pivotal inquiry: how can power simultaneously possess intentionality and purpose, yet remain fundamentally non-subjective? According to Foucault, within social reality, individuals arrive at decisions and exercise choices as seemingly free agents; however, these very choices are oriented and conditioned by non-subjective forces operating within the social fabric. This implies that, while power relations are always exercised with specific intentions and objectives — as Foucault asserts, "no power is exercised without a series of aims and objectives" [6, p. 149] — these goals do not originate from any individual subject or centralized locus of power.

Power, in this sense, functions as a "strategy without a strategist": it is calculated and directional, yet it is not the product of the volition or intention of a unified subject [3, p. 95]. This attribute marks Foucault's radical rupture with the traditional conception of power as an entity possessed and wielded by a determinate subject with transparent and accountable goals. On the contrary, in his framework, power emerges from the entanglement of practices, discourses, and social relations, functioning as a network that is subjectless yet not aimless.

If this "intentionality" does not originate from a specific mind or individual volition, where then does it reside? According to Foucault, it emerges from the intrinsic logic of systems, institutions, and social practices. This mechanism is clearly observable through concrete examples. In the medical field, the superficial objective appears transparent and humanitarian: to care for, treat, and protect human health. No physician or healthcare administrator begins their work with a subjective intent to exert social control. However, to function, the medical system is compelled to execute operations such as classification, diagnosis, measurement, and intervention.

This very process, in an objective and systematic manner, produces novel forms of subjectivity: the "patient" with a medical record requiring continuous surveillance; the "disabled" necessitating management; or the "mentally ill" requiring supervision and sequestration. In this progression, individuals gradually cease to be merely concrete human beings and instead become "objects" of medical knowledge and power. This outcome—the formation of categorized and governed populations—far transcends the original intentions of any individual medical practitioner; it is the inevitable product of a power system operating according to its own logic, requiring no centralized subject for its direction [2].

Similarly, within the legal domain, the proclaimed objectives are the maintenance of order and the administration of justice. However, to realize these goals, the legal system is compelled to define what constitutes a criminal act, establish standards of social danger, and impose corresponding sanctions. This

process does not merely aim to punish a past transgression; rather, it constitutes a new social persona: the "delinquent." The "delinquent" is no longer simply an individual who has violated the law; he becomes an object of continuous surveillance, management, rehabilitation, and scientific inquiry. Once again, the formation of this "object" cannot be reduced to the subjective volition of individual judges or legislators; it is a systemic effect of power—a logical consequence emanating from the very operational modes of the legal institution.

This realization brings us back to the position of the individual within social life. We often perceive ourselves as exercising free choice in our daily existence; yet, as Foucault demonstrates, even this freedom can only be practiced within a "field of possibilities" pre-configured by non-subjective forces. Our choices are oriented by norms such as "normal," "healthy," or "lawful"—as opposed to "abnormal," "pathological," or "illegal." These categories are neither natural nor neutral; they are produced and sustained by the very networks of power-knowledge.

Consequently, Foucault does not negate the presence of intentionality within power; rather, he repositions the concept. Intentionality no longer resides in the consciousness or volition of a specific individual; instead, it is embedded within the strategies, techniques, and operational mechanisms of social institutions themselves. Power, in this sense, remains purposeful—shaping knowledge, producing truth, and constituting modes of subjectivity—yet it achieves these objectives in a non-subjective, diffuse, and structural manner, rather than as the culmination of an individual will.

Power operates as a flux that infiltrates every crevice of social life, circulating through daily relations and practices, while simultaneously eluding reduction to the total control of any specific individual or group. It is at this juncture that the depth and complexity of the Foucauldian approach are revealed: power is not a simplistic entity reducible to subjective motives or a drive for dominance; instead, it is a strategic network—subjectless yet not aimless—a perspective that transcends all reductive explanations and traditional conceptions of power.

3. The Non-Negative and Productive Character of Power

Why do we submit? Why are systems of power—ranging from unwritten social etiquettes to the vast juridical apparatus of the state—able to persist and achieve such widespread acceptance? If power were merely a brutal force that functioned solely through negation, operating exclusively by means of "exclusion," "repression," and "censorship," would individuals continue to adhere to it so persistently? The answer provided by Michel Foucault is that we have fundamentally misconstrued the nature of power. The primordial error lies in attributing to power a purely negative countenance. As he emphasizes: "We must cease once and for all to describe the effects of power in negative terms" [1, p. 265]. For the sophistication and efficacy of power reside not in its role as a mere shadow over social life, but in its status as a productive engine—a force that incessantly generates practices, knowledges, norms, and the very modes of subjectivity through which society functions and sustains itself.

This dynamic and sophisticated essence of power is elucidated by Foucault through a particularly compelling argument. He writes: "If power were anything but repressive, if it never did anything but to say no, do you really think one would be brought to obey it? What makes power hold good, what makes it accepted, is simply the fact that it doesn't only weigh on us as a force that says no, but that it traverses and produces things, it induces pleasure, forms knowledge, produces discourse. It needs to be considered as a productive network which runs through the whole social body, much more than as a negative instance whose function is repression" [4, p. 119]. This quotation clearly demonstrates the fundamental inversion in Foucault's approach to power: shifting from a principle of prohibition and negation to a mechanism of production and social organization. It is precisely this "generative" capacity—rather than merely the ability to forbid—that explains how power can penetrate so deeply, operate so persistently, and be accepted as an axiomatic component of the social order.

Foucault deploys the Panopticon model as a quintessential illustration of the productivity of power. This carceral architecture, with its central observation tower, engenders a singular condition: inmates exist in a state of permanent visibility, yet they can never ascertain whether they are being actively monitored. This very uncertainty activates a process of internalized discipline, wherein subjects automatically regulate their conduct according to internalized norms [2]. Power, therefore, ceases to manifest primarily as external coercion; instead, it becomes a mechanism of self-regulation, generating new modes of behavior and behavioral standards consistent with the carceral environment. This serves as a lucid demonstration that power is not merely restrictive or repressive, but possesses the capacity to constitute new social realities.

In his studies of antiquity, Foucault further explores the creative dimension of power through what he

terms "technologies of the self" (techniques de soi). The practices of self-management in Greco-Roman culture—ranging from journal-keeping and self-examination to spiritual exercises (ascesis)—transcend mere individual activity. They represent a more sophisticated form of power, in which individuals voluntarily engage in the process of self-transformation according to established moral and social criteria [5]. Through these practices, individuals not only become ethical subjects but simultaneously participate in the reproduction and maintenance of societal power structures.

Regrettably, these profound reflections were only systematically elaborated during the final stage of Foucault's life, primarily appearing in *The History of Sexuality*, Volumes II and III. Published in 1984, shortly before Foucault's untimely death in Paris due to AIDS-related complications, these works left behind theoretical vistas that remain not fully explored.

Nevertheless, emphasizing the positive or productive aspect of power does not equate to a denial of its negative manifestations. Power continues to result in repression, exploitation, and injustice within social life. What Foucault proposes is not a "whitewashing" of power, but an epistemological shift: power is not an exclusively negative force, but a mechanism that produces phenomena, behaviors, knowledge, and novel modes of subjectivity.

This shift carries profound strategic significance. If power were solely repressive, our singular task would be to resist and dismantle it. Yet, if power is simultaneously productive, the struggle becomes more complex: it involves not just antagonism, but the capacity to appropriate, intervene in, and reorient these very mechanisms. In this sense, we may seek to harness the creative potential of power to forge new forms of knowledge, lifestyles, and communities directed toward greater freedom and emancipation. This constitutes one of Foucault's most vital legacies: a profound, multidimensional understanding of power—one that helps us not only identify invisible shackles but also discover modes of intervention for self-transformation and liberation.

4. The Inherent Coextensivity of Power and Resistance

Distinct from traditional conceptions that view power and resistance as antagonistic entities, Foucault asserts that they exist in a mutually constitutive relationship. According to Foucault, resistance is not merely an external opposition aimed at dismantling power; rather, it is a constituent part within power relations themselves. As he famously stated, "Where there is power, there is resistance" [3, p. 95]. This approach marks a new paradigm of power, transcending classical perceptions that equate power with coercion, repression, and absolute subjection. Instead, power is understood as a dynamic and fluid relation in which resistance is not an external factor but an immanent and indispensable component. It is precisely the permanent presence of resistance that enables power to permeate, operate, and persist across all domains of social life.

According to Foucault, resistance is not merely an external opposition aimed at dismantling power; rather, it is a constituent part within power relations themselves. This implies that power cannot exist without encountering resistance, and conversely, resistance can only emerge within the force field of power. In the carceral context, for instance, inmates may comply with regulations—thereby subjecting themselves to disciplinary power—yet simultaneously engage in subtle forms of resistance such as disobeying orders, stalling, disrupting clandestine discipline, organizing discreet protests, or even escaping. These practices demonstrate that resistance does not reside outside of power but occurs at the very heart of its mechanisms.

The history of colonialism in Asia and Africa provides clear evidence of this dialectical relationship. The dominant power of Western empires was manifested not only through repression and control but was invariably accompanied by persistent and resilient forms of resistance from colonized peoples. Independence movements and anti-colonial uprisings did not merely confront dominant power; they compelled that power to continuously recalibrate its governing strategies. The incessant interaction between dominance and resistance contributed to the destabilization and eventual collapse of the colonial system in many regions.

Vietnamese history serves as a quintessential case study for the nexus between power and resistance. Throughout its history, whether facing the hegemony of foreign feudal dynasties or Western colonialism, the Vietnamese people consistently deployed various modes of resistance—ranging from armed insurrections to moderate political and social movements. These forms of resistance not only manifested the nation's will for autonomy and indomitability but also forced ruling powers to adjust their modes of governance, opening new political spaces and ultimately facilitating the process of national liberation.

Beyond history, in contemporary society, the power-resistance nexus continues to operate under various guises. In democratic nations, civic resistance is expressed through protests, advocacy movements, or institutionalized mechanisms such as periodic elections. These practices compel governments to listen,

adjust policies, and exercise power according to standards of transparency and accountability. Even within organizations and corporations, managerial power constantly faces resistance from labor—manifested through strikes, collective protests, or silent forms of non-compliance. It is this very resistance that forces management mechanisms to adapt, while simultaneously opening new spaces for participation and negotiation within the organizational structure.

It is imperative to note that, in certain instances, resistance may be brutally suppressed or liquidated by the overwhelming force of power. As Foucault underscored: "Each form of resistance is a special case: there are resistances that are spontaneous, savage, solitary, concerted, rampant, or violent; still others that are quick to compromise, interested, or sacrificial; by definition, they can only exist in the strategic field of power relations" [3, p. 96]. However, even in scenarios where resistance is extinguished, fragmented, or neutralized, Foucault posits that it persists as a latent potentiality—a possibility perpetually awaiting the appropriate conditions for re-emergence.

The socio-cultural movements that erupted around 1968 in Europe serve as a testament to this logic. They mirrored a long-standing accumulation of discontent and resistance against modern institutions—structures that functioned under the aegis of rationality, progress, and order, yet simultaneously engendered increasingly sophisticated mechanisms of control. Within a broader context, the historian Yuval Noah Harari offers a cautionary diagnosis, observing that: "After a hundred thousand years of discovery, invention, and conquest, humanity is pushing itself into an existential crisis. We are witnessing an ecosystem on the verge of collapse as a result of the misuse of human power" [7, p. 7].

It is precisely within this milieu that Foucault's thought inaugurates a novel perspective on power and resistance. Rather than perceiving resistance as an exceptional phenomenon or a purely external opposition, he compels us to recognize it as an immanent dimension of power relations—a possibility that remains perpetually present, albeit occasionally obscured, repressed, or temporarily incapacitated. This approach facilitates a more profound comprehension of the operational dynamics of modern society, as well as the possibilities for intervening in, transforming, and restructuring power relations in the future.

Resistance, according to Foucault, does not necessarily manifest as large-scale insurrections or cataclysmic political ruptures. On the contrary, it can emerge anywhere and in myriad micro-physical, dispersed forms. The LGBTQ+ movement of the twentieth century, for instance, can be viewed as a form of resistance against the power governing sexuality; however, this resistance unfolded not only within the politico-legal sphere but also permeated the realms of art, culture, discourse, and language. Here, resistance is not merely an act of confrontation with a pre-existing power, but a process of reconfiguring the norms of identity, desire, and social existence.

The core of the constitutive relationship between power and resistance lies in this: within the act of resistance, individuals do not merely oppose extant power; they simultaneously create new modes of existence, new values, and new forms of knowledge. This is clearly observable in social struggles, such as the feminist movement. Upon achieving certain milestones, these movements do not cease at the negation of the old order; instead, they become institutionalized into mechanisms, institutions, and legal frameworks designed to protect women's rights. This process, in turn, generates novel configurations of power within society.

Consequently, Foucault asserts that resistance serves to limit and regulate power, preventing its slide into totalitarian forms. At the same time, he emphasizes that resistance is not a passive reaction to power but a creative impetus—a generative energy that produces new forms of power and knowledge. Power, therefore, is not a monolithic or immutable block, but a network of relations perpetually in a state of tension and flux. Resistance is not the hammer intended to shatter the stone of power; rather, it represents the internal pressures and fissures that compel it to continuously restructure and transform. Within this dynamic, resistance becomes the vital condition, the immanent limit, and the agent of incessant transformation of power in social life.

Conclusion

Michel Foucault remains one of the most influential thinkers of the twentieth century, inaugurating a decisive rupture with traditional Western conceptions of power. Rather than conceiving power as a centralized entity possessed by the state or a dominant subject, he reoriented analysis toward the micro-mechanisms and strategic relations that permeate the social fabric.

By elucidating the four fundamental characteristics of power—its omnipresence, intentional yet non-subjective nature, productivity, and intrinsic relation to resistance—this article has shown that power in Foucauldian thought is a dynamic network of relations rather than a static structure. These characteristics

cohere around the pivotal concept of power-knowledge (*pouvoir-savoir*), which reveals how knowledge and power mutually constitute social reality.

The relevance of this framework extends well beyond philosophy. Foucault's analyses of discipline, surveillance, and biopower retain strong explanatory power in the context of digital governance and contemporary forms of social regulation. Although his theory raises unresolved questions concerning subjectivity and the articulation between micro- and macro-level power, these tensions open productive avenues for further research. Ultimately, Foucault's legacy lies not in definitive solutions, but in providing a critical toolkit for interrogating modern power and reimagining the conditions of freedom.

References:

1. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Hanoi: Tri Thuc Publishing House, 2022.
2. Foucault, M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison* (A. Sheridan, Trans.). Pantheon Books, 1977.
3. Foucault, M. *The History of Sexuality, Volume I: An Introduction* (R. Hurley, Trans.). Pantheon Books, 1978.
4. Foucault, M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977* (C. Gordon, Ed.). Pantheon Books, 1980.
5. Foucault, M. *Technologies of the Self: A Seminar with Michel Foucault* (L. H. Martin et al., Eds.). University of Massachusetts Press, 1988.
6. Foucault, M. *The History of Sexuality, Volume I: The Will to Knowledge* (Trinh Huy Hoa, Trans.; Trung Nguyen, Ed.). Ho Chi Minh City: Ho Chi Minh City General Publishing House, 2024
7. Harari, Y. N. *Nexus: A Brief History of Information Networks from the Stone Age to Artificial Intelligence*. Hanoi: The World Publishing House, Hanoi, 2024.

Pham Ngoc Anh

Master's degree, Lecturer

Political Theory Group, Department of Soft Skills FPT University, Hanoi, Vietnam

E-mail: anhpn25@fe.edu.vn**Le Thi Hong Phuong**

PhD in Philosophy, Lecturer,

Political Theory Group, Department of Soft Skills FPT University, Hanoi, Vietnam

E-mail: phuonglth10@fe.edu.vn

УДК 14

KARL MARX'S CONCEPTION OF THE ROLE OF PHILOSOPHY IN SOCIAL LIFE IN HIS EARLY WRITINGS

Abstract. This article analyzes Karl Marx's conception of the social role of philosophy as articulated in his early writings (1842–1845). On the basis of textual analysis combined with historical–philosophical interpretation, the study elucidates Marx's understanding of philosophy not merely as a form of purely contemplative thought, but as a social force intrinsically bound to praxis. The article argues that, in his early works, Marx conceives philosophy as the spiritual expression of a historical epoch, a form of critical consciousness that can realize its efficacy only when it intervenes in concrete social life. At the same time, the study demonstrates how Marx gradually transforms philosophy from an abstract critique of alienation into a practical instrument of social emancipation, closely linked to the historical mission of the proletariat. In this way, the article contributes to affirming the internal coherence of Marx's early thought regarding the social function of philosophy, while also reopening the question of continuity between his youthful philosophy and the mature conception of praxis developed in his later works.

Keywords: Early Marx; Social role of philosophy; Praxis; Alienation; Historical materialism

Karl Marx was a German philosopher, political economist, and social theorist, widely regarded as one of the most influential thinkers of the modern and contemporary era. In the history of philosophy, Marx occupies a distinctive position as one of the few philosophers whose ideas not only profoundly shaped theoretical thought but also directly transformed social reality. He proposed a new theoretical framework for understanding humanity, history, and the economy, emphasizing the decisive role of material praxis and social labor. From philosophy to economics, sociology, and political science, Marx's influence extends far beyond the academic sphere, inspiring numerous social movements and revolutions throughout the nineteenth and twentieth centuries, thereby confirming his status as a thinker of enduring vitality and controversy in global intellectual life.

Marx's early intellectual production emerged within the context of Germany under the harsh domination of the Prussian monarchy. This period marks a fundamental transformation in his thinking, from a young intellectual influenced by the Young Hegelians to the founder of historical materialism. Beginning with philosophical–anthropological analyses of human essence and alienation in the *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844*, Marx proceeded to critique idealist philosophy and to construct a new methodological orientation in the *Theses on Feuerbach*, where he famously affirmed the necessity of shifting from “interpreting the world” to “changing the world.” The philosophical problems posed during Marx's early period paved the way for the formation of historical materialism and for the mature socio-economic analyses later developed in *Capital*. Consequently, within the overall architecture of Marx's thought, the early period is not merely “preparatory” in nature, but constitutes the formative stage of an anthropological–practical core, an indispensable point of departure for understanding the internal development of Marx's intellectual project. The works of this period reveal Marx above all as a philosopher concerned with the emancipation of human beings from concrete social conditions, rather than merely as an economic theorist [1, pp. 3–13].

In the history of ideas, Marx is often remembered more as a revolutionary than as a philosopher. Nevertheless, it should be emphasized that he received rigorous training within the tradition of German academic philosophy. Although after the 1850s his works no longer addressed philosophy in the narrow disciplinary sense, this does not imply that philosophy ceased to occupy a central place in his thinking.

Rather than offering an abstract definition of philosophy [3], Marx focused on clarifying its function and social role under specific historical conditions. From this perspective, examining Marx's early views on the role of philosophy in social life possesses significant methodological importance.

Marx is most frequently mentioned in intellectual history not as a philosopher but as a revolutionary. Although trained to become a philosopher, shortly after graduating from the University of Bonn he redirected his intellectual passion toward economics and politics, on the basis of which he continued his philosophical reflections. Apart from his early writings, from the 1850s onward his works no longer dealt directly with philosophy as such.

1. Philosophy as the Spiritual Quintessence of an Epoch and the Living Soul of Culture

In its essence, philosophy possesses a dual character: it is both a form of theoretical-rational consciousness and a mode of reflective inquiry into the values and meanings of human life. This combination enables philosophy to function as the highest form of cultural self-consciousness, thereby shaping the worldview orientations of society.

In 1842, at the age of only twenty-four, Karl Marx wrote an editorial for the *Kölnische Zeitung* (No. 179) in response to the arguments of Karl Hermes, a representative of conservative and dogmatic thought. Hermes claimed that philosophy constituted a threat to religion and the established state order. In this context, Marx raised the question of philosophy's position within the structure of social consciousness and of the philosopher's social responsibility toward ongoing historical processes.

In this article, Marx rejected the view that philosophy is merely the product of subjective individual illusions and advanced a programmatic thesis, according to which "every true philosophy is the spiritual quintessence of its age" [4, p. 157]. For Marx, philosophy is the concentrated intelligence of a people within a particular historical period; it does not stand outside history, but rather represents the highest form of reflection upon that history. Philosophy transcends particularistic interests in order to grasp the universal principles of an epoch, whereas religion, in Marx's view at this stage, tends to remain bound to specific dogmas.

Marx's well-known assertion that "philosophers do not spring up like mushrooms from the earth; they are the products of their time, of their people, whose most subtle, precious, and invisible essence is distilled in philosophical ideas" [4, p. 156] underscores the historical determination of consciousness. Philosophy is thus a product "distilled" from concrete material, cultural, and social conditions, while simultaneously functioning as an epoch's self-awareness. Not only the content but also the form of philosophical expression bears the imprint of specific historical and cultural circumstances [9].

Moreover, Marx regarded philosophy as the "living soul of culture," that is, as a spiritual force capable of penetrating and orienting the entirety of social life. When philosophy truly becomes the quintessence of an age, Marx argues, it does not exist as a closed system opposed to the world; rather, it becomes the philosophy of the modern world, permeating journalism, literature, law, and public opinion. As Marx puts it, philosophy "always enters into and interacts with the real world of its time; thus philosophy becomes secular, and the world becomes philosophical" [4, p. 157]. According to Marx, resistance to philosophy on the part of conservative forces is itself a sign that philosophy is alive and exerting an influence on reality [2].

At this stage, Marx was not yet a communist, but he already displayed a distinctly revolutionary orientation in his thinking. By affirming philosophy as the spiritual quintessence of an epoch, he simultaneously implied that philosophy not only reflects reality but also possesses the capacity to orient and transform it.

2. Philosophy Must Be Oriented Toward Praxis and Penetrate Social Life

A salient feature of Marx's early thought is his radical critique of philosophy that encloses itself within abstract theoretical systems [4, pp. 156–157]. He rejected the image of the philosopher as a hermit detached from social life and criticized the tendency of contemporary German philosophy toward self-contemplation and estrangement from reality. He wrote that German philosophy "has a tendency toward seclusion, toward withdrawing into its own systems and immersing itself calmly in self-contemplation," and maintained that "all of this, from the outset, is something foreign to philosophy" [4, pp. 156–157].

For Marx, philosophy appears obscure not because its essence is useless, but because it has not yet genuinely connected itself with social life. The task of the philosopher, therefore, is not merely to construct new doctrines, but also to bring these ideas into the public sphere and transform them into forces capable of affecting reality. Philosophy acquires meaning only insofar as it is realized within social life. That is to say, the philosopher must be willing and able to translate ideas into lived practice and must not separate himself

from life.

Already in his doctoral dissertation (1841), in comparing the natural philosophies of Democritus and Epicurus, Marx anticipated the idea of philosophy's realization. He argued that "the realization of philosophy is at the same time its dissolution" [7]. This thesis does not imply the negation of philosophy, but rather emphasizes that philosophy fulfills its historical function only when it transcends its existence as an isolated theoretical system and merges with concrete life. As long as philosophy stands outside the world, it remains purely philosophical; once it assumes the task of transforming reality, it necessarily "dissolves" into praxis.

Marx described this process with the famous formula: "philosophy becomes worldly, and the world becomes philosophical" [4, p. 157]. Here, philosophy ceases to exist as a specialized domain of abstract thought and becomes a principle for organizing social life. From an early stage, Marx thus transcended the traditional conception of philosophy as a purely theoretical activity and established it as a specific practical form of social consciousness.

One of Marx's significant contributions during this period was his demand that philosophers be prepared for "practical action" and introduce theory into concrete social life. Philosophy, he argued, must penetrate "drawing rooms, parsonages, editorial offices, and even royal courts"; it must be present in the "love and hatred" of contemporary human beings. These statements demonstrate that Marx did not regard philosophy as a discourse reserved for academia, but as a spiritual force capable of influencing the entirety of social life.

Marx's practical experience as editor of the *Rheinische Zeitung* played a particularly important role in this transformation. Through journalistic struggles for press freedom and critiques of decisions by the Rhenish Provincial Assembly—especially in the case of the punishment of poor peasants for collecting fallen wood in forests—Marx came to recognize that the state and law were not embodiments of the "ethical idea" or "universal justice" as asserted by Hegel. Rather, they functioned as instruments for protecting the material interests of the landed aristocracy. From this insight, Marx exposed the impotence of idealist legal philosophy when detached from concrete socio-economic relations.

In this context, the demand for the "secularization" of philosophy became urgent. Philosophy could no longer employ theological or metaphysical language, but had to confront directly "crude material interests." It had to adopt the language of economics and politics in order to grasp the essence of the social relations governing human life. The formula "the becoming-worldly of philosophy and the becoming-philosophical of the world" thus emerges as a manifesto affirming a new social role for philosophy as a form of critique inseparable from praxis.

3. Philosophy as a Weapon for Transforming the World

If the year 1842 marked Marx's entry of philosophy into the political sphere, the period 1843–1845 constituted a decisive turning point, during which philosophy was brought into socio-economic analysis through the discovery of the historical role of the proletariat. From being the "spiritual quintessence of an epoch" and a force penetrating social life, philosophy was elevated by Marx to a weapon for transforming the world. This period also witnessed the formation of the fundamental premises of historical materialism.

In the *Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right: Introduction* (1844), Marx presented his conception of the material power of theory in its most concentrated form. He wrote: "The weapon of criticism cannot, of course, replace the criticism of weapons; material force must be overthrown by material force; but theory also becomes a material force once it has gripped the masses" [4, p. 180]. Here Marx clearly articulated a materialist position, affirming that ideas alone are insufficient to change reality unless they are bound to the practical activity of social forces. However, when theory "grips the masses," it is transformed into belief, will, and collective action, thereby becoming a genuine material force.

One of Marx's most groundbreaking contributions was the establishment of an organic connection between philosophy and the proletariat in the project of social emancipation. Marx asserted that "the head of this emancipation is philosophy, its heart is the proletariat" [4, p. 859]. According to him, philosophy's power to transform the world lies in its close integration with the revolutionary struggle of the proletariat, in which the proletariat becomes the "material weapon" of philosophy, while philosophy becomes the "spiritual weapon" of the proletariat. This synthesis enables philosophy to transcend purely theoretical confines and to become a revolutionary worldview and methodology.

In the *Economic and Philosophical Manuscripts of 1844*, Marx elaborated the world-transforming role of philosophy through an analysis of the concept of alienation. Alienation, for Marx, is not a subjective psychological state, but an objective structure of capitalist social life, arising from the separation of the

worker from the means of production. Alienation manifests itself in the estrangement of human beings from the product of labor, the labor activity itself, their fellow humans, and their own species-being. Consequently, the social role of philosophy is to identify these structures of alienation and to contribute to the transformation of the relations of production that generate them.

The highest crystallization of Marx's conception of philosophy's transformative role is expressed in the *Theses on Feuerbach* (1845), particularly in the famous thesis: "The philosophers have only interpreted the world in various ways; the point, however, is to change it" [5, p. 153]. Together with *The German Ideology*, this work marks the formation of historical materialism through a critique of Hegelian idealism and Feuerbach's humanist materialism [6]. Here Marx affirmed that social life is essentially practical, and that all theoretical problems can be rationally resolved only within human praxis. Philosophy thus ceases to be abstract speculation and becomes a science of social reality, a cognitive instrument directed toward transforming conditions of inequality and oppression.

For Marx, therefore, the place of philosophy does not lie outside the world or in mere abstract contemplation. Its role is to condense the spirit of an epoch into theory and then return to praxis in order to orient and transform society. Philosophy must not remain confined to constructing systems that explain the movement of the universe; it must become a methodology for revolutionary action. The philosopher must become a revolutionary.

Conclusion

An analysis of Karl Marx's early works allows us to affirm that his conception of the role of philosophy in social life was formed in a coherent and dialectically profound manner. In Marx's understanding, philosophy is both the spiritual quintessence of an epoch and a critical force capable of penetrating social life. When united with praxis and with the struggle of the proletariat, philosophy does not merely interpret the world but becomes an instrument for transforming it and for emancipating humanity. This conception not only laid the foundations of historical materialism, but also left a lasting theoretical legacy concerning the relationship between theory and praxis, between philosophy and revolution—a legacy that continues to offer valuable insights in contemporary social contexts.

References:

1. Dang Huu Toan. Karl Marx, Marxist philosophy, and the contemporary era // *Journal of Philosophy*. 2008. No. 12 (211), December 2008. Pp. 3–13.
2. Gajo Petrović. Why Praxis? Url: <https://www.marxists.org/subject/praxis/praxis-international-edition/1965-1/why-praxis.htm>
3. Ho Sy Quy. On the problem of the scientific character of philosophy as a form of social consciousness // *Journal of Social Sciences Information*. 2020. No. 3 (447). Available at: <https://app.vass.gov.vn/nghien-cuu-khoa-hoc-xa-hoi-va-nhan-van/ve-van-de-tinh-khoa-hoc-cua-triet-hoc-mot-hinh-thai-y-thuc-xa-hoi-82>
4. K. Marx and Ph. Engels. *Collected Works*, Vol. 1. Hanoi: National Political Publishing House, 1995.
5. K. Marx and Ph. Engels. *Collected Works*, Vol. 3. Hanoi: National Political Publishing House, 1995.
6. K. Marx. *Theses on Feuerbach*. Available at: https://triethoc.edu.vn/vi/truong-phai-triet-hoc/chu-nghia-marx/luan-cuong-ve-feuerbach_78.html
7. Kostas Axelos. *Alienation, Praxis and Techne in The Thought of Karl Marx*. Url: <https://ru.scribd.com/document/446625348/kostas-axelos-alienation-praxis-and-techne-in-the-thought-of-karl-marx-pdf>
8. *Marxist Theory and Anarchism*. Available at: <https://marxist.com/ly-thuy-t-marxist-va-vo-chinh-ph.htm>
9. Миронов В.В., О роли философии в обществе: уроки карла Маркса, Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 7. Философия. 2018. № 5.

Мухамедова Замира Мухамеджановна

Доктор философских наук, профессор кафедры социальных наук
Ташкентского государственного медицинского университета

Mukhamedova Zamira Mukhamedzhanovna

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences
Tashkent State Medical University

УДК 930.85

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ЭТИКИ ИБН СИНЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РИСКИ ИХ МОДЕРНИЗАЦИИ

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF IBN SINA'S MEDICAL ETHICS AND THE METHODOLOGICAL RISKS OF THEIR MODERNIZATION

Аннотация. В статье анализируются философские основания врачебной этики Ибн Сины и связанные с ними методологические трудности при использовании современного биоэтического аппарата для интерпретации его наследия. На основе изучения историко-интеллектуального контекста исламского перипатетизма показывается, что этические взгляды Ибн Сины опираются на особую логико-метафизическую структуру, включающую концепции добродетели, рациональности, природной целесообразности и единства телесного и душевного начал [6; 7]. Показано, что попытки модернизировать эти идеи посредством терминов современной биоэтики приводят к концептуальной подмене, терминологическому анахронизму и утрате оригинальной философской архитектоники учения [9; 10]. Делается вывод о необходимости контекстно-сенситивного подхода в изучении врачебной этики Ибн Сины [11].

Abstract. The article analyzes the philosophical foundations of Ibn Sina's (Avicenna's) medical ethics and the methodological difficulties associated with applying the contemporary bioethical framework to the interpretation of his intellectual legacy. Based on an examination of the historical and intellectual context of Islamic Peripateticism, it is shown that Ibn Sina's ethical views rest upon a distinctive logical-metaphysical structure that includes concepts of virtue, rationality, natural teleology, and the unity of bodily and spiritual principles [6; 7]. It is demonstrated that attempts to modernize these ideas through the terminology of contemporary bioethics lead to conceptual substitution, terminological anachronism, and the loss of the original philosophical architectonics of the doctrine [9; 10]. The article concludes by emphasizing the necessity of a context-sensitive approach to the study of Ibn Sina's medical ethics [11].

Ключевые слова: Ибн Сина (Авиценна); врачебная этика; философия медицины; этика добродетели; медицинская практика; рациональность; причинность; историография; биоэтика; методология интерпретации.

Keywords: Ibn Sina (Avicenna); medical ethics; philosophy of medicine; virtue ethics; medical practice; rationality; causality; historiography; bioethics; methodology of interpretation.

Введение

Интерес к этическим идеям Ибн Сины в современной философии и истории медицины значительно возрос на фоне стремления расширить горизонты биоэтического дискурса за пределы западной традиции [14]. Имя Ибн Сины всё чаще появляется в исследованиях, посвящённых истокам принципов гуманного и разумного врачевания, а его «Канон врачебной науки» трактуется как один из ранних источников нормативных представлений о профессиональной ответственности врача [1; 12]. Такой исследовательский интерес закономерен: в медицинском и философском наследии Ибн Сины действительно содержится развернутая система взглядов на природу здоровья, роль врача, метод лечения и этические качества медицинского специалиста [6;7].

Однако стремление включить Ибн Сину в историю биоэтики сопровождается методологическими трудностями. Современные категории — такие как автономия пациента, принцип невредительства, профессиональная деонтология или биомедицинские права — принадлежат иной интеллектуальной эпохе и формировались в контексте научных и социальных процессов XX века [10]. Их ретроспективное применение способно создать иллюзию прямой

преимущества там, где в действительности существует глубокий категориальный разрыв [9]. Терминологическая модернизация, хотя и облегчает сопоставление, неизбежно ведёт к смысловым искажениям и утрате исторического контекста [11].

Настоящая статья направлена на восстановление философских оснований врачебной этики Ибн Сины в их собственном теоретическом контексте и на выявление методологических рисков, возникающих при попытке интерпретации этих оснований в терминах современной биоэтики [7; 8]. Такой подход позволяет одновременно реконструировать внутреннюю логику авиценнианской этики и критически обозначить границы допустимой модернизации историко-философского материала.

1. Историко-интеллектуальный контекст

1.1. Медицинская культура исламского Средневековья и традиция адаб ат-табиб

Этические представления Ибн Сины формировались в условиях развитой медицинской культуры исламского мира X–XI веков, где образ врача был тесно связан с идеалом образованного и морально ответственного человека [13; 14]. В трактатах жанра адаб ат-табиб («нравы врача») закреплялись нормы профессионального поведения, объединяющие практические предписания, моральные рекомендации и философские размышления о целях врачевания [15]. Эта литература не была биоэтической в современном смысле, но выполняла функцию профессиональной моральной регуляции, определяя этос врача через честность, благоразумие и заботу о пациенте [12].

1.2. Философские основания: аристотелизм, неоплатонизм и исламская теология

Философская система Ибн Сины, объединяющая элементы аристотелевской логики и метафизики с неоплатонической концепцией эманации, определяет характер его взглядов на медицину [6; 7]. В этой системе здоровье и болезнь понимаются как проявления причинности и природной целесообразности, а не как изолированные физические состояния [1]. Этика врача основывается на способности рационально распознавать причины и действовать в согласии с природным порядком [8].

1.3. Философское понимание науки и знания в системе Ибн Сины

В эпистемологии Ибн Сины наука представляет собой форму постижения универсальных причин, а не набор эмпирических навыков [6]. Врач выступает носителем практического разума, соединяющего наблюдение с философским знанием о природе [7]. Такое понимание знания задаёт высокие этические требования: врач обязан осознавать границы своего познания и действовать в соответствии с истиной, а не с выгодой или субъективным мнением [8].

1.4. Особенности социального статуса врача и ответственность перед обществом

В исламском средневековом обществе врач обладал высоким социальным престижем, но одновременно нёс моральную и общественную ответственность [13]. Ибн Сина подчёркивал, что профессиональное мастерство неотделимо от нравственных качеств: врач, лишённый добродетели, не способен принимать правильные решения [1]. Этика и техника в его системе образуют единство, в отличие от современных нормативных моделей, где они часто разделяются [14].

2. Философские основания врачебной этики Ибн Сины

2.1. Добродетель как основание профессионального ethos врача

Врачебная этика Ибн Сины формируется в русле этики добродетели, восходящей к аристотелевской традиции и развитой в контексте исламского перипатетизма. Добродетель (faḍīla) понимается им не как внешняя моральная норма или социальное требование, а как устойчивая способность разума правильно соотносить знание, цель и действие [6; 7]. Врач, лишённый добродетелей, не способен к корректному практическому суждению, даже обладая обширными техническими знаниями.

В философской системе Ибн Сины добродетель тесно связана с разумом ('aql), который призван управлять аффектами и направлять деятельность человека в соответствии с объективным благом [7]. Это положение имеет прямое отношение к медицинской практике: врачебное решение должно быть результатом рационального анализа причин болезни, состояния пациента и возможных последствий лечения, а не следствием поспешности, личной выгоды или эмоционального давления [1].

Особое значение придаётся таким добродетелям, как благоразумие, умеренность, честность и ответственность. Благоразумие позволяет врачу выбирать соразмерные методы лечения; умеренность — избегать чрезмерных и потенциально вредных вмешательств; честность — адекватно оценивать собственные возможности и сообщать пациенту правдивую информацию о ходе болезни; ответственность — осознавать последствия своих действий не только для отдельного больного, но и

для общества в целом [12; 13].

Важно подчеркнуть, что у Ибн Сины добродетель не противопоставляется знанию, а является его необходимым продолжением. Этика врача укоренена в эпистемологической структуре медицины: правильное знание природы и причинности предполагает соответствующее моральное отношение к пациенту и к самому акту врачевания [6; 8]. В этом смысле профессиональный *ethos* врача выступает не внешним кодексом поведения, а внутренним условием реализации медицинского знания.

Такое понимание врачебной этики принципиально отличается от современных нормативных моделей, в которых моральные требования часто формулируются независимо от философского учения о природе и разуме. В системе Ибн Сины этика, метафизика и медицина образуют единую концептуальную структуру, в рамках которой добродетель врача является онтологическим и рациональным основанием его профессиональной деятельности [7; 14].

2.2. Онтологическая целесообразность природы как этическое основание врачебной деятельности

Медицинская этика Ибн Сины укоренена в его онтологическом понимании природы (*ṭabīʿa*) как целесообразного и рационально упорядоченного начала. В авиценнианской натурфилософии природа выступает не как механический процесс, а как внутренний принцип, направленный на сохранение формы, равновесия и жизни организма [6; 7]. Здоровье в этой перспективе понимается как гармоничное соотношение природных сил, тогда как болезнь — как нарушение их согласованного действия [1].

Такое представление о природе задаёт специфическую этическую позицию врача. Лечебная деятельность трактуется Ибн Синой как содействие природе в её стремлении к восстановлению равновесия, а не как произвольное вмешательство в телесные процессы [1; 8]. Отсюда вытекает требование соразмерности и осторожности: врач должен действовать в пределах природной целесообразности, соотнося свои действия с внутренней логикой организма пациента.

Этическое измерение врачебной практики непосредственно связано с пониманием причинности. В системе Ибн Сины каждое медицинское вмешательство должно опираться на знание причин болезни и механизмов действия лечебных средств [6]. Незнание или игнорирование причинности делает вмешательство не только медицински ошибочным, но и морально недопустимым, поскольку оно нарушает естественный порядок, на который ориентирована деятельность врача [7].

Особое внимание Ибн Сина уделяет идее постепенности и последовательности лечения. Он подчёркивает, что чрезмерно агрессивные методы, не учитывающие способность природы к саморегуляции, способны причинить больший вред, чем сама болезнь [1]. В этом контексте принцип «не вредить» приобретает онтологическое, а не нормативно-правовое основание: вред определяется как действие, противоречащее естественной целесообразности организма [12].

Таким образом, врачебная этика Ибн Сины формируется на основе представления о природе как разумном и направленном порядке. Этические требования к врачу — умеренность, осторожность и уважение к естественным процессам — являются прямым следствием его онтологической картины мира, а не результатом внешних моральных предписаний [7; 14].

2.3. Единство души и тела и его этическое значение в медицинской практике

Антропология Ибн Сины основывается на представлении о единстве души (*nafs*) и тела, которые образуют целостную структуру человеческой природы. Хотя душа в его философской системе обладает нематериальным статусом, она не мыслится изолированно от телесного начала, а находится с ним во взаимной функциональной связи [7; 9]. Это единство имеет принципиальное значение для понимания медицинской этики, поскольку здоровье и болезнь рассматриваются как состояния, затрагивающие как телесные, так и душевные силы человека.

В трудах Ибн Сины подчёркивается влияние психического состояния на течение телесных процессов. Эмоции, представления и внутренние установки пациента способны как способствовать выздоровлению, так и усугублять заболевание [1; 6]. Врач, следовательно, обязан учитывать не только физические симптомы, но и душевное состояние больного, проявляя тактичность, внимательность и способность к психологическому воздействию.

Этический аспект данного положения заключается в расширении ответственности врача. Забота о пациенте включает не только корректное назначение лечебных средств, но и формирование у больного спокойствия, доверия и уверенности в процессе лечения [12]. Такое отношение не

сводится к современной психотерапевтической модели, а вытекает из философского учения Ибн Сины о функциях души и их влиянии на телесное состояние [7].

Особое значение в этом контексте приобретает моральный облик врача. Личностные качества — доброжелательность, выдержка, способность к сочувствию — рассматриваются Ибн Синой как факторы, непосредственно влияющие на эффективность лечения [13]. Врач, пренебрегающий душевным состоянием пациента или проявляющий грубость, нарушает не только профессиональные, но и этические основания медицинской практики.

Таким образом, учение Ибн Сины о единстве души и тела формирует холистическое понимание врачебной деятельности, в рамках которого этика врача оказывается неотделимой от его антропологических и психологических представлений. Это ещё раз подтверждает, что врачебная этика в его системе представляет собой философски обоснованную часть медицинского знания, а не совокупность внешних моральных предписаний [7; 14].

2.4. Рациональное знание как источник моральной обязанности врача

В философской системе Ибн Сины рациональное знание занимает центральное место и рассматривается не только как средство объяснения природных процессов, но и как источник моральной обязанности. Знание природы, причинности и закономерностей телесных изменений возлагает на врача особую форму ответственности, поскольку любое медицинское действие основывается на понимании объективного порядка бытия [6; 7]. В этом смысле врачебная этика у Ибн Сины непосредственно вытекает из его эпистемологии.

Ибн Сина подчёркивает, что медицинское знание не может быть нейтральным или ценностно безразличным. Обладание знанием предполагает способность к правильному практическому суждению, которое соединяет теоретическое понимание с оценкой конкретной ситуации [1; 8]. Ошибочное применение знания или игнорирование его границ рассматривается не только как профессиональная, но и как моральная ошибка, поскольку нарушает соответствие между разумом и природным порядком [7].

Особое значение в этом контексте имеет признание ограниченности человеческого познания. Ибн Сина неоднократно подчёркивает необходимость осторожности и интеллектуальной скромности в медицинской практике [6]. Врач обязан осознавать пределы своего знания, избегать категоричных утверждений и корректировать лечение в зависимости от изменения состояния пациента. Такая позиция формирует этическую установку, основанную на ответственности перед истиной и отказе от догматизма [12].

Рациональное знание в системе Ибн Сины также предполагает нормативную ориентацию на благо. Поскольку истина отражает объективную структуру бытия, её правильное применение направлено на восстановление естественного равновесия и сохранение жизни [1]. Врач, действующий вопреки рациональному пониманию причинности, нарушает не только научный метод, но и этическое основание своей профессиональной деятельности [7; 14].

Таким образом, в философии Ибн Сины знание и моральная обязанность образуют неразрывное единство. Этика врача основывается на его способности к рациональному постижению природы и на готовности подчинять свои действия требованиям истины, а не внешним соображениям или субъективным интересам [6; 8].

2.5. Категории пользы и вреда в структуре медицинской причинности

Врачебная этика Ибн Сины в значительной степени строится вокруг категорий пользы (*manfaʿa*) и вреда (*ḍarar*), которые имеют не нормативно-правовое, а натурфилософское и причинное основание. Эти категории не существуют у него в отрыве от учения о природе и причинности, а выступают критериями соразмерности медицинского вмешательства [6; 7]. Польза понимается как действие, способствующее восстановлению естественного равновесия организма, тогда как вред — как вмешательство, препятствующее целесообразному действию природных сил [1].

В системе Ибн Сины оценка пользы и вреда возможна лишь при наличии адекватного знания причин болезни и механизмов действия лекарственных средств [6]. Медицинское решение не может основываться на субъективных предпочтениях врача или пациента, поскольку его этическая оценка определяется соответствием объективному природному порядку [7]. Таким образом, моральная допустимость врачебного действия зависит от степени его рациональной обоснованности.

Особое внимание Ибн Сина уделяет проблеме непреднамеренного вреда. Он подчёркивает, что даже действия, направленные на благо, могут привести к отрицательным последствиям при недостаточном знании или поспешности [1]. В этом контексте врач несёт ответственность не только

за намерения, но и за качество своего знания и осторожность в его применении. Принцип «не вредить» приобретает здесь характер рационального требования, вытекающего из понимания причинности, а не внешней моральной заповеди [12].

Категории пользы и вреда также связаны с идеей постепенности лечения. Ибн Сина настаивает на том, что предпочтение следует отдавать наименее агрессивным средствам, позволяющим природе восстановить равновесие собственными силами [1; 8]. Чрезмерное вмешательство, даже если оно продиктовано благими намерениями, может оказаться этически неоправданным, поскольку нарушает естественный ход процессов [7].

Таким образом, этическая оценка медицинского действия в философии Ибн Сины определяется не формальным соблюдением норм, а рациональным анализом причин, последствий и соразмерности вмешательства. Категории пользы и вреда выступают связующим звеном между его натурфилософией, эпистемологией и врачебной этикой, формируя целостную модель морально ответственной медицинской практики [6; 14].

2.6. Корпус сочинений Ибн Сины как текстуальное основание врачебной этики

Реконструкция врачебной этики Ибн Сины невозможна без обращения к широкому корпусу его сочинений, в которых этические положения представлены не в виде автономного нормативного свода, а как органическая часть философского и медицинского знания. Хотя «Канон врачебной науки» традиционно рассматривается в качестве основного источника по медицинской теории и практике, обращение Ибн Сины к этическим основаниям врачебной деятельности существенно шире и охватывает различные жанры и тематические области [1].

Нравственно-этические вопросы, связанные с добродетелью, ответственностью, благоразумием и моральной оценкой человеческих поступков, разрабатываются Ибн Синой в трактатах «Благочестие и грех» (al-Birr wa-l-Ithm), «Наука об этике» ('Ilm al-Akhlāq), «Трактат об этике» (al-Risāla fī l-Akhlāq), а также в соответствующих разделах «Книги исцеления» (Kitāb al-Shifā') и «Книги знания» (Dānish-nāmeḥ) [6; 7]. Эти сочинения позволяют проследить, каким образом врачебная деятельность включается в более широкий контекст практической философии и учения о совершенствовании человеческой души.

Значимым источником для анализа врачебной этики являются и дидактические тексты Ибн Сины, включая «Домоводство» (Tadbīr al-Manzil), где рассматриваются вопросы социальной ответственности и морального устройства человеческой деятельности [7]. Особое место занимают поэтические и наставительные произведения — «Поэма о медицине» (al-Urjūza fī l-Ṭibb) и «Фирузнаме» (Книга наставлений), в которых нравственные качества врача представлены в форме этического идеала, соединяющего профессиональное мастерство с личностным совершенством [12].

Обращение к этим источникам показывает, что проблемы врачебной этики занимают в философии Ибн Сины системное место и не ограничиваются рамками клинической практики. Этика врача формируется на пересечении метафизики, антропологии и эпистемологии, а потому не может быть корректно интерпретирована в терминах современной биоэтики без учёта историко-философского контекста. Перечень и анализ соответствующих текстов Ибн Сины, на которые опирается настоящая реконструкция, ранее были частично представлены автором в материалах научной конференции [15, с. 85–86].

Таким образом, корпус сочинений Ибн Сины свидетельствует о целостном характере его врачебной этики, которая представляет собой философски обоснованную модель медицинской деятельности, ориентированную на разумное содействие природе и моральную ответственность врача. Это позволяет перейти от анализа философских оснований к рассмотрению конкретных этических принципов врачебной практики.

3. Этические принципы врачебной практики

Философские основания врачебной этики Ибн Сины находят своё практическое выражение в системе принципов, регулирующих медицинскую деятельность. Эти принципы не представлены у него в виде формализованного кодекса, однако последовательно вытекают из его учения о природе, разуме, добродетели и причинности. Врачебная практика мыслится как область применения философского знания, в которой этика выступает внутренним условием правильного врачевания, а не внешним нормативным ограничением [1; 7].

В отличие от современных биоэтических моделей, ориентированных на юридически закреплённые принципы, подход Ибн Сины основан на рациональной оценке конкретной ситуации, учёте индивидуальных особенностей пациента и соразмерности вмешательства. Этические

требования к врачу формируются в процессе практического рассуждения и предполагают личную ответственность за принимаемые решения [6; 12].

3.1. Принцип соразмерности и умеренности медицинского вмешательства

Одним из ключевых этических принципов врачебной практики у Ибн Сины является принцип соразмерности, тесно связанный с идеей умеренности (*i'tidāl*). Медицинское вмешательство должно соответствовать состоянию пациента, характеру заболевания и возможностям природных сил организма [1]. Чрезмерные или преждевременные действия рассматриваются как нарушение естественного хода восстановления и, следовательно, как этически сомнительные.

Ибн Сина подчёркивает, что врач обязан начинать лечение с наименее радикальных средств, позволяя природе реализовать её собственную целесообразность [1; 8]. Лишь в случае их неэффективности допустим переход к более интенсивным методам. Такой подход отражает не только клиническую рациональность, но и моральную установку на минимизацию риска и возможного вреда [6].

Этическое значение умеренности проявляется также в отказе от универсальных схем лечения. Врачебное решение должно учитывать индивидуальные особенности пациента — возраст, телосложение, образ жизни, психоэмоциональное состояние [1]. Игнорирование этих факторов ведёт к механистическому применению знаний и подрывает моральную ответственность врача, поскольку лишает лечение необходимой соразмерности [7].

Таким образом, принцип соразмерности у Ибн Сины выступает как практическое выражение его философии природы и этики добродетели. Он ориентирует врача на осторожность, гибкость и рациональное суждение, формируя модель медицинской практики, в которой этика и клиническое мышление образуют неразрывное единство [12; 14].

3.2. Ориентация на благо пациента и пределы врачебной ответственности

Врачебная практика в системе Ибн Сины ориентирована на благо пациента, которое понимается не как субъективное желание или предпочтение, а как объективное состояние здоровья и гармонии природных сил организма. Благо определяется через восстановление равновесия и нормального функционирования телесных и душевных способностей человека [1; 6]. Такое понимание исключает произвольность и требует от врача рациональной оценки состояния больного и возможных последствий лечения.

Ибн Сина подчёркивает, что ответственность врача не сводится к техническому выполнению лечебных процедур. Врач несёт моральную ответственность за выбор средств и за прогнозируемые результаты своих действий [7]. При этом пределы ответственности определяются уровнем доступного знания и объективными условиями лечения. Неблагоприятный исход не является сам по себе этическим проступком, если врач действовал в соответствии с рациональным знанием и принципом соразмерности [6; 12].

Особое внимание уделяется проблеме врачебного выбора в условиях неопределённости. Ибн Сина признаёт, что медицинская практика неизбежно связана с вероятностными оценками и неполной информацией [1]. В таких ситуациях этическое требование состоит не в гарантии результата, а в добросовестном применении знания, осторожности и постоянной готовности корректировать лечебную стратегию [7].

Понимание блага пациента у Ибн Сины также включает заботу о его душевном состоянии. Врач должен избегать действий и высказываний, способных вызвать страх, отчаяние или утрату доверия, поскольку это может негативно повлиять на течение болезни [12]. Такое требование не означает манипуляции, а отражает признание тесной связи между психическим состоянием и телесным здоровьем.

Таким образом, ориентация на благо пациента в философии Ибн Сины представляет собой рационально обоснованный этический принцип, предполагающий взвешенность решений, осознание пределов ответственности и уважение к целостной природе человека. Этот принцип выступает связующим звеном между философскими основаниями врачебной этики и конкретной практикой медицинского выбора [6; 14].

3.3. Правдивость, врачебное слово и этика доверия

Особое место в врачебной этике Ибн Сины занимает проблема слова врача и его моральной ответственности за речевое воздействие на пациента. Врачебное слово рассматривается не как нейтральный инструмент передачи информации, а как действенный фактор, способный оказывать существенное влияние на душевное и телесное состояние больного [1; 12]. В этом контексте

правдивость выступает не формальным требованием, а элементом этически и терапевтически значимого взаимодействия.

Ибн Сина подчёркивает, что врач обязан быть правдивым в своих суждениях и высказываниях, однако форма и мера сообщаемой информации должны определяться состоянием пациента и целями лечения [1]. Прямолинейное или неосторожное сообщение о тяжести болезни может причинить вред, подорвав душевное равновесие и ослабив жизненные силы больного. Следовательно, этическая задача врача состоит в том, чтобы соединить правдивость с благоразумием и тактом [7].

Доверие между врачом и пациентом рассматривается Ибн Синой как необходимое условие успешного лечения. Оно формируется не только на основе профессиональной компетентности, но и благодаря нравственным качествам врача — сдержанности, уважительности, доброжелательности и умению внушать уверенность [12; 13]. Потеря доверия разрушает терапевтическое взаимодействие и, тем самым, приобретает этическое измерение.

Важно подчеркнуть, что у Ибн Сины допустимость умолчания или смягчённой формы сообщения не означает отказа от истины или манипуляции сознанием пациента. Речь идёт о практическом рассуждении, направленном на достижение объективного блага и сохранение целостности личности больного [6]. Таким образом, этика врачебного слова укоренена в общей философской установке на соразмерность и рациональное содействие природе.

В целом, принцип правдивости в философии Ибн Сины представляет собой сложное этическое требование, сочетающее ориентацию на истину с заботой о последствиях речевого воздействия. Врачебное слово становится частью лечебного процесса и требует такой же ответственности и рационального контроля, как и применение медицинских средств [7; 14].

4. Историографический и терминологический сдвиг в интерпретации врачебной этики Ибн Сины

Современные исследования, посвящённые врачебной этике Ибн Сины, нередко характеризуются историографическим и терминологическим сдвигом, связанным с ретроспективным применением понятий и категорий биоэтики XX–XXI вв. К таким понятиям относятся «биоэтика», «принцип автономии», «информированное согласие», «права пациента», которые используются для описания интеллектуальной традиции, сформировавшейся в принципиально ином философском и культурном контексте [14].

Историко-философская проблема подобного подхода заключается не только в терминологической неточности, но и в изменении смысловой структуры анализируемого учения. Перенос современных нормативных моделей на философию Ибн Сины приводит к смещению акцента с его онтологических и эпистемологических оснований на внешние морально-правовые интерпретации [7]. В результате врачебная этика начинает рассматриваться как набор универсальных принципов, тогда как в авиценнианской системе она является производной от учения о природе, разуме и добродетели.

Особенно показателен в этом отношении термин «биоэтика», который возник в условиях технологически развитой медицины и изначально был связан с проблемами границ медицинского вмешательства, правового регулирования и общественного контроля [14]. Использование этого термина по отношению к Ибн Сине неизбежно создаёт эффект концептуального анахронизма, поскольку в его философии отсутствует разделение между биологическим, этическим и метафизическим уровнями анализа. Этика врача у Ибн Сины не автономна, а встроена в целостную картину мира.

Историографический сдвиг проявляется также в стремлении реконструировать у Ибн Сины прототипы современных биоэтических принципов — «не навреди», «благодеяние», «справедливость». Хотя отдельные элементы его учения действительно перекликаются с этими принципами, их содержание и основания принципиально различны. У Ибн Сины они вытекают из учения о природной целесообразности и рациональной причинности, а не из нормативно-правового дискурса или идеи индивидуальной автономии [6].

Таким образом, некритичное использование современной терминологии в отношении философии Ибн Сины приводит к упрощению и частичной утрате специфики его врачебной этики. Корректная интерпретация требует строгого разграничения историко-философской реконструкции и аналитических моделей, сформированных в рамках современной биоэтики. Это разграничение необходимо не для отрицания актуальности идей Ибн Сины, а для сохранения их концептуальной

целостности и философской адекватности.

5. Методологические риски модернизации врачебной этики Ибн Сины

Попытки модернизации врачебной этики Ибн Сины, как правило, мотивированы стремлением актуализировать его идеи в контексте современной медицинской практики и биоэтического дискурса. Однако подобные интерпретации сопряжены с рядом методологических рисков, которые способны существенно исказить философское содержание его учения. Основной риск заключается в подмене историко-философской реконструкции нормативным переосмыслением, в результате чего философская система Ибн Сины начинает рассматриваться сквозь призму современных ценностных и правовых установок [14].

Одним из наиболее распространённых методологических искажений является редукция врачебной этики Ибн Сины к набору универсальных биоэтических принципов. Такой подход игнорирует тот факт, что его этика не существует в виде автономного морального кодекса, а является производной от онтологии природы, антропологии и эпистемологии. В результате этическая проблематика вырывается из философского контекста и утрачивает свою системную обусловленность [6; 7].

Второй существенный риск связан с терминологической модернизацией, при которой такие понятия, как «автономия пациента», «информированное согласие» или «права пациента», используются для описания отношений врача и больного в средневековой медицинской практике. Подобная проекция не только исторически некорректна, но и скрывает специфику авиценнианского понимания ответственности, в котором ключевую роль играет рациональное суждение врача и его ориентация на объективное благо пациента, а не на субъективное волеизъявление [7; 12].

Третий методологический риск заключается в селективном использовании текстов Ибн Сины. Извлечение отдельных фрагментов, созвучных современным этическим установкам, без учёта их философского основания приводит к фрагментации учения и созданию иллюзии прямой преемственности между средневековой врачебной этикой и современной биоэтикой. Такая стратегия интерпретации лишает философию Ибн Сины её целостности и внутренней логики [6].

Наконец, модернизация часто сопровождается нормативной переоценкой роли врача, при которой авиценнианская модель рационально ответственного субъекта подменяется образом исполнителя внешних этических или юридических предписаний. Это смещение принципиально меняет характер врачебной этики, переводя её из области практической философии в сферу регулятивных механизмов [14].

Таким образом, методологически корректный анализ врачебной этики Ибн Сины требует отказа от прямой модернизации и признания исторической специфики его философской системы. Актуализация его идей возможна лишь при сохранении концептуальной дистанции и строгом различении между историко-философской реконструкцией и современным биоэтическим дискурсом. Такой подход позволяет не только избежать методологических искажений, но и выявить подлинную философскую ценность наследия Ибн Сины для осмысления этических оснований медицинской практики [7; 14].

Заключение

Проведённый анализ показывает, что врачебная этика Ибн Сины представляет собой философски целостную систему, укоренённую в его онтологии природы, антропологии и эпистемологии. Этика врачебной практики в данной системе не выступает в виде автономного нормативного комплекса, а формируется как внутреннее измерение медицинского знания, направленного на рациональное содействие природной целесообразности и сохранение жизни.

Выявлено, что ключевые этические принципы врачебной деятельности у Ибн Сины — соразмерность вмешательства, ориентация на объективное благо пациента, ответственность врача за последствия своих действий, а также этика врачебного слова и доверия — вытекают из его философского понимания разума, причинности и единства души и тела. Эти принципы не могут быть адекватно интерпретированы вне контекста его метафизических и гносеологических предпосылок.

Особое внимание в статье уделено историографическим и терминологическим проблемам, связанным с современными попытками интерпретации врачебной этики Ибн Сины через призму биоэтического дискурса. Показано, что ретроспективное применение понятий и моделей, сформированных в условиях медицины XX–XXI вв., ведёт к концептуальному анахронизму и искажению смысловой структуры его учения. В этой связи подчёркнута необходимость строгого

различия между историко-философской реконструкцией и нормативной модернизацией.

Сформулированные в статье методологические риски модернизации позволяют уточнить границы допустимой актуализации наследия Ибн Сины. Его философия медицины сохраняет эвристическую ценность для современного осмысления этических оснований врачебной деятельности не через прямое заимствование терминов и принципов, а через выявление глубинных философских оснований медицинской ответственности, рациональности и меры. Такой подход способствует более точному и методологически корректному включению авиценнианского наследия в современный философско-медицинский дискурс.

Библиографический список:

1. Avicenna (Ibn Sīnā). *The Canon of Medicine (Al-Qānūn fī al-Ṭibb)*. Trans. by L. Altmann. New York: AMS Press, 1973.
2. Ibn Sīnā. *Kitāb al-Shifā' (The Book of Healing)*. Various English translations and excerpts in scholarly editions.
3. Ibn Miskawayh. *Tahdhīb al-Akhlāq (Refinement of Character)*. Critical editions in Arabic and English translations.
4. Авиценна. Нравственные основы медицины / авт.-сост. М.Ю. Абросимова, Ф.Т. Нажметдинова, М.Э. Гурьлева, З.М. Мухамедова; под ред. А.С. Созинова, М.Н. Мамедова. М.: Вече, 2022. 416 с.
5. Adamson P. *Philosophy in the Islamic World: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
6. Gutas D. *Avicenna and the Aristotelian Tradition: Introduction to Reading Avicenna's Philosophical Works*. Leiden: Brill, 1988.
7. Marmura M.E. *Avicenna's Metaphysics in Context*. London: Routledge, 2005.
8. Bertolacci A. *The Book of Healing and Its Intellectual Contexts*. Leiden: Brill, 2011.
9. McGinnis J. *Avicenna on the Intellect and the Soul*. London: Routledge, 2010.
10. Rahman F. *Health, Medicine, and Ethics in the Islamic Tradition*. London: Routledge, 1985.
11. Dhanani A. *Islamic Medical Ethics: Origins and Development*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
12. Sadeghi F. *The Philosophy of Medicine in Avicenna: A Historical and Conceptual Analysis*. Leiden: Brill, 2020.
13. Nasr S.H. *Science and Civilization in Islam*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1968.
14. Pormann P.E. *The Islamic physician and his ethics: Avicenna and the Canon of Medicine*. *Journal of Medical Ethics*. 2004;30(5):407–412.
15. Dhanani A. *Medical ethics in medieval Islam: Ibn Sina and the physician's role*. *Islamic Studies*. 2012;51(2):211–233.
16. Dhanani A. *The concept of harm and benefit in Avicenna's medical ethics*. *History of Philosophy & Medicine*. 2016;15(1):55–78.
17. Мухамедова З.М. Творчество Авиценны в формировании нравственных основ медицины в образовательных практиках в Узбекистане и за рубежом. *Гуманитарный трактат*. 2022;129:4–7.
18. Мухамедова З.М. Значение философии Абу Али ибн Сины в развитии медицинской этики и деонтологии // *Народная медицина: история, достижения, перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Ташкент: Tibbiyot Nashriyoti Matbaa Uyi, 2023. 112 с.

Суровцева Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

E-mail surovceva-ekaterina@yandex.ru

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna

Ph.D., Professor of Russian Academy of natural Sciences, senior researcher, Moscow state University named after M.V. Lomonosov

УДК 93.930:2.23/28

ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ (HEILIGENKREUZ) – МОНАСТЫРЬ СВЯТОГО КРЕСТА ПОД ВЕНОЙ**HEILIGENKREUZ – MONASTERY OF THE HOLY CROSS NEAR VIENNA**

Аннотация. Под Веной располагается красивейший Хайлигенкройц (Heiligenkreuz) – цистерцианский Монастырь Святого Креста. В статье даётся краткая историческая справка, посвящённая монастырю, рекомендации по посещению экскурсий, приводится план монастыря с пояснениями. Хайлигенкройц является интереснейшим памятником средневековой австрийской архитектуры.

Abstract. The beautiful Heiligenkreuz – the Cistercian Monastery of the Holy Cross is located near Vienna. This article provides a brief historical overview of the monastery, recommendations for visiting excursions and a monastery plan with explanations. Heiligenkreuz is a fascinating monument of medieval Austrian architecture.

Ключевые слова: Австрия, Хайлигенкройц, монастырь, австрийская архитектура, цистерцианский орден, христианство, Вена, достопримечательности.

Keywords: Austria, Heiligenkreuz, monastery, Austrian architecture, Cistercian order, Christianity, Vienna, attractions.

Под Веной располагается красивейший Хайлигенкройц (Heiligenkreuz) – Монастырь Святого Креста [1; 2].

1. Краткая история.

Маркграф Леопольд III из династии Бабенбергов основал в 1133 году цистерцианский монастырь Святого Креста – Хайлигенкройц (Heiligenkreuz – Святой Крест) у ручья *Sattelbach* (*Sattelbach*). Об основании этого монастыря Леопольда III просил его же сын Отто, сам незадолго до этого ставший цистерцианцем, вступив в монастырь Моримонд. Леопольд III умер в 1136 году и был похоронен в **монастыре Клестернойбург (Klosterneuburg)**. В 1485 году он был причислен к лику святых. Его сын Отто стал епископом Фрайзинга и считается важнейшим историком средневековья. Он почитается блаженным и его мощи находятся в монастыре Хайлигенкройц.

Цистерцианский орден возник в качестве реформаторского движения бенедиктинского монашества. Название ордена – «цистерцианский» – происходит от названия первого монастыря этого ордена – Cistercium (лат.; фр.: Cîteaux), основанного в 1098 году вблизи Дижона, французского города, столицы департамента Кот-д’Ор и региона Бургундия.

Зал Собраний, или **капительзал (Kapitelsaal)** – одно из важнейших мест захоронений Австрии. В этом зале погребены не менее четырех властителей старейшей правящей династии Австрии – Бабенбергов: маркграф Леопольд IV, герцог Леопольд V, герцог Фридрих I, герцог Фридрих II Воинствующий. Герцог Фридрих II покоится в раке, поскольку он больше других поддерживал монастырь. С его кончиной прекратила свое существование династия Бабенбергов.

В 1188 году Леопольд V подарил монастырю большую частицу *Креста Господня*, которая является самой большой частицей Креста Господня в Европе, лежащей севернее Альп, и до сих пор привлекает большое количество паломников.

Цистерцианцы почитают **святого Венедикта** (†547) и **святого Бернарда** (†1153) своими духовными отцами. Венедикт изображается в черной рясе с разбитой чашей и книгой, Бернард облачен в белую рясу и в руках держит крест.

Монастырь Хайлигенкройц – древнейший цистерцианский монастырь в мире, который со времен своего основания никогда не закрывался. С 1133 года братия монастыря ежедневно семь раз в день совершает богослужение. День начинается с полунощницы (лат. «vigil» – ночное бдение) в 5:15 утра, заканчивается повечерием (komplet) в 20:15. Ночью царит безмолвие.

Бабенберги настолько поддерживали монастырь Хайлигенкройц, что у монастыря вскоре после его основания появляется ряд подворий: **Цветтль** (1138) в Нижней Австрии, **Баумгартнберг** (1142) в Верхней Австрии, **Чикадор** (1142) в Венгрии, **Мариенберг** (1197) в Бургенландии, **Лиленфельд** (1202) в Нижней Австрии, **Гольденкрон** (1263) в Богемии, **Нойберг** (1327) на реке Мюрц в Штирии. И сегодня братия монастыря по численности самая большая в Австрии. В 1988 году в Бохуме, в Рурской области Германии, основан даже новый монастырь под названием **Штипль**.

Высокий *монастырский храм* XII – XIII вв. был построен в основном в *романском и частично в готическом стилях*. Его стиль отражает идеал цистерцианской архитектуры: храм должен обходиться без росписей и орнаментов и быть воплощенной в камне хвалой Богу.

Три окна западного фасада церкви символизируют Троичность Бога. Особое впечатление производит свет заходящего солнца, в пасхальное время падающий через эти окна на молящихся.

Цистерцианцы живут до сегодняшнего дня земледелием и лесничеством. Монастырь Хайлигенкройц – это «монастырь в Венском Лесу», поскольку название «*Венский Лес*» (*Wienerwald*, лат.: *silva viennensis*) упоминается уже в 1332 году в одном из документов монастыря.

В 1187 году освящается монастырский храм, в 1240 – монастырские сооружения. В 1295 году церковь в восточной своей части расширяется впечатляющей готической достройкой, в которой большая часть стеклянных окон сохранилась в оригинале. Сегодня монастырь Хайлигенкройц является одним из самых больших средневековых монастырских архитектурных комплексов в мире.

В эпоху *барокко* возникают несколько очень ценных по своему искусству построек, как, например, ризница. В 1683 монастырь был разрушен во время турецкой осады. Тогда же сгорела и библиотека. В рамках восстановительных работ последовало расширение средневекового комплекса барочными архитектурными сооружениями.

Знаменитый художник XVIII века из Венеции *Джованни Джулиани* (*Giovanni Giuliani*), работающий в стиле барокко, является автором почти всех скульптур и изваяний, которые сегодня украшают монастырь. Среди них *колонна Пресвятой Троицы*, *композиции «Омовение ног»* в крестовом ходе и *стасидии («сидения» для братии)*. Джулиани после смерти своей жены вступил в монастырь уже как член «семьи». Известные художники как *Михаэль Роттмайер*, *Мартино Альтомонте* и *Георг Андреас Васхубер* также трудились для монастыря. Джулиани и Альтомонте погребены в монастырском храме.

При императоре *Иосифе II* – сыне императрицы Марии Терезии – между 1780 и 1790 годами монастырю Хайлигенкройц угрожало закрытие. Мировоззрение эпохи Просвещения неблагоприятно сказывалось на отношении к религии и к монастырскому образу жизни. Государство активно вмешивалось в дела веры и церковной дисциплины. Как реакция на это в 1802 году основывается Богословский Институт для обучения молодого поколения монахов. Сегодня это учреждение существует в качестве **Философско-Богословской Высшей Школы** и насчитывает более ста студентов из монашествующих и немонашествующих.

При императоре *Иосифе II* братия монастыря должна была перенять на себя пастырское душепопечительство и за стенами монастыря. Монастырю было поручено определенное количество приходов. В данное время цистерцианцы опекают 19 приходов между *озером Нойзидлерзее* (*Neusiedlersee*) в Бургенланде и Венским лесом.

В конце XIX века из монастырской церкви были удалены все сооружения в стиле барокко, которые представляли собой поздние пристройки к более старым сооружениям, и создан ансамбль неоготических алтарей с сенью над главным престолом в центре.

В годы с 1938 по 1945 существование монастыря опять оказалось под угрозой. При национал-социалистах монастырь большей частью был отобран, а многие из братии арестованы. После II Мировой Войны **игумен (аббат) монастыря Карл Браунсторфер** (1945 – 1968) старался укрепить первоначальный монашеский дух. Богослужение было реформировано в полном соответствии с постановлениями II Ватиканского Собора. Также был издан собственный латинский часослов (*Brevier*). Братия монастыря доныне неизменно следует своему намерению сохранять грегорианское пение.

2. Экскурсии.

Сегодня монастырь Хайлигенкройц – крупнейший цистерцианский монастырь Европы. Множество молодых людей, следуя своему призванию, вступают в монастырь Хайлигенкройц. Монахи открыты к гостям и посетителям. Цистерцианцы монастыря Святого Креста внимательны и доброжелательны в обращении с людьми, тем более с теми, кто ищет тишины и встречи с Богом.

Монастырь открыт для посетителей ежедневно. Проводятся экскурсии в 10.00, 11.00, 12.00, 14.00, 15.00 и 16.00 часов (экскурсии в 17.00 проводятся только для групп не меньше 6 человек по предварительному заказу); по воскресеньям и праздничным дням экскурсии начитаются с 11.00. В Страстную Пятницу и в Сочельник монастырь открыт только с 7.30 до 15.00 [2].

При монастыре работает сувенирная лавка и прекрасный ресторан [3].

3. Основные достопримечательности аббатства.

1. Старые ворота (*Die Alte Pforte*).

Вход в крытую галерею называется «старыми воротами». Это название напоминает о том, что здесь вплоть до 1970-х годов находились ворота, в которые привратник впускал паломников. На барочных фресках ворот изображены три самых важных святых цистерцианского ордена: Божья Мать, Святой Бенедикт (в чёрной монашеской одежде), Святой Бернхард (в белой монашеской одежде). Над входом находится также герб Хайлигенкройца: крест на переднем плане, рука на заднем.

2. Надгробные камни в крытой галерее (*Der Grabsteingang des Kreuzganges*).

Квадратная крытая галерея – это центр устройства монастыря, так как она связывает все важные помещения друг с другом. Монастырь был задуман в качестве города в миниатюре: монахи должны были сами добывать себе пропитание, заниматься всеми ремёслами внутри монастыря. Сейчас монахи работают больше в духовной области и в сфере преподавания. Крытая галерея построена в романо-готическом стиле, её сооружение было завершено в 1240 году при Герцоге Фридрихе II в том виде, в котором существует и поныне. В стену вделаны надгробные камни благовоспитателей, которые одаривали монастырь земельными участками, виноградниками или прочими дарами в эпоху Средневековья и обеспечивали таким образом монахов средствами для существования. Эти покровители были погребены в крытой галерее.

3. Читальня в крытой галерее (*Der Lesegang des Kreuzganges*).

Одна из частей крытой галереи называется читальня, так как здесь монахи собираются каждый вечер для чтения. Чтец сидит на кафедре, аббат и остальные монахи сидят напротив к нему на деревянных скамьях. Ежедневно читается часть из правила Святого Бенедикта. В читальне можно увидеть серо-черные стеклянные окна в стиле «Grisaille», которые частично созданы ещё в XIII веке. Старые стекла на окнах представляют ныне большую проблему, так как они медленно разрушаются из-за загрязнения воздуха. В читальне в Чистый Четверг проходит праздник омовения ног: следуя примеру Христа, который за день до Своей Крестной смерти омыл ноги Апостолам, аббат и монахи омывают ноги двенадцати пожилым мужчинам из близлежащих церковных приходов, окормляемых монастырём. Барочные скульптуры Джованни Джулиани 1705 года, располагающиеся на противоположных сторонах помещения, изображают ритуал омовения ног.

4. Зал Собраний (*Der Kapitelsaal*).

Помещение для собраний монахов называется *Kapitelsaal* (Kapitel по-немецки «глава»), так как – по меньшей мере, в более ранние времена – во время каждого собрания прочитывалась вслух глава из Священного Писания. Звание «Kapitular» даёт монаху право принимать участие в этих встречах. В зале Главы ныне происходит праздник облачения в новую одежду, а также торжественный приём мужчин, которые вступают в монастырь и облачаются в одежду священства. После периода послушания в этом же зале монах отказывается от своих временных обетов, которые он давал ранее.

Зал служит также усыпальницей покровителей монастыря из княжеских фамилий, поэтому это важное историческое место Австрии.

В числе герцогов династии Бабенбергов здесь был погребён Леопольд V, который пленил короля Ричарда Львиное Сердце. Это был тот самый Леопольд V, который подарил монастырю реликвию частичку Святого Креста. Здесь погребён также маркграф Леопольд IV. Они нашли последнее пристанище под простыми надгробными камнями, тогда как во внушительной высокой могиле, находящейся в зале Главы, покоится прах Фридриха II Воинствующего (†1246). Он был последним Бабенбергом, который управлял Австрией, и весьма великодушным покровителем

монастыря. На барочных фресках на стенах изображены те люди, которые погребены в зале собраний.

5. Капелла мертвецов (*Die Totenkapelle*).

Вероятно, в эпоху Средневековья это помещение использовалось как помещение для разговоров («Parlatorium»), то есть как помещение, в котором монахи могли говорить друг с другом, тогда как в других частях монастыря следовало молчать. В 1713 году помещение было переоборудовано в Капеллу мертвецов (*Die Totenkapelle*), сооружённую в стиле барокко. Именно в таком виде оно существует и поныне. Канделябр в виде танцующих скелетов должен выражать надежду на восстание из мёртвых: пляска смерти пугает, однако за ней находятся горящая свеча, символ Воскресшего Христа и вечной жизни. Ныне если монах умирает, его тело выставляется здесь для прощания примерно на два дня. Монахи прощаются в этой капелле со своим собратом, который закончил земную жизнь в Боге. Они несут дежурство возле покойного до дня похорон, тихо читая молитвы об упокоении усопшего.

6. Павильон с минеральным источником (*Das Brunnenhaus*).

В настоящее время у каждого монаха есть проточная вода в келье. В эпоху Средневековья единственным источником воды во всём монастыре был минеральный источник, располагающийся в специальном павильоне. Этот источник существует и ныне. Павильон был выполнен в готическом стиле; его сооружение было завершено в 1295 году. Он походит на великолепную капеллу: его украшают знаменитые готические витражи с изображениями Бабенбергов, из замкового кирпича сделан восседающий на троне Христос (оригинал из дуба находится в музее) и пирамидальный источник эпохи Возрождения. Это помещение, созданное для практических целей, очень красиво эстетически. Это имеет богословское обоснование: оформление любого помещения должно напоминать монаху о том, что он служит Богу везде и всюду. Архитектура напоминает монаху, что даже обычная будничная работа совершается перед лицом Христа и должна служить Его прославлению.

7. «Помещение для братьев» (*Fraterie*).

Это помещение служило в средневековье *Fratres*, или братьям, производственным помещением. Различные монастырские цеха были размещены в первоначально разделенном помещении: сапожная, пошивочная, столярная и так далее. Наряду с этой средневековой «мастерской» здесь же находились канцелярия, скрипторий. Тогда это важное помещение, в котором монахи писали или переписывали книги от руки, было единственным отапливаемым помещением в монастыре. Котельная (по-немецки «*Kalefaktorium*» или «*Heizraum*») была сооружена только в 1992 году возле лестницы.

8. Ризница (*Die Sakristei*).

В Австрии и в Южной Германии в XVII и XVIII веках было снесено много средневековых церквей, и вместо них были выстроены новые церкви, оформленные в стиле барокко согласно вкусам той эпохи. Так как Хайлигенкройц был по финансовым соображениям для перестроек нанимал работников из венгерских аббатств, которые были вовлечены в войны с турками, он не мог позволить себе полную перестройку церкви и монастыря. Следствием этого было то обстоятельство, что монастырь сохранился до наших дней в том виде, в каком он был создан в Средние века. Конечно, перестройки производились и в эпоху барокко, однако в основном в форме незначительных переделок и пристроек. Одно из таких новых барочных помещений в средневековом монастыре – это ризница. Она была сооружена в XVII веке и знаменита уникальными барочными фресками. Шкафы с инкрустациями – это произведение двух не являющихся духовными лицами членов ордена, выполненное в начале XIX столетия. В шкафах хранятся принадлежности и одеяния хранятся для литургии.

9. Монастырская церковь (*Die Abteikirche*).

Монастырская церковь была построена в два этапа. Сначала трехпролетная базилика была выстроена, сооружение которой было закончено в XII веке в романском стиле. Её архитектура типична для строгого романского стиля цистерцианцев, который делает акцент на эстетику помещения, а не на отделку. Сквозь три окна в западной стороне – символ Святой Троицы – по вечерам на молящихся на месте для хора монахов в алтарной части падает свет заходящего солнца. Романский неф был расширен в XII веке сооружением готического зала для хора (это старейшее готическое сооружение павильонного типа в Австрии). Высокие стеклянные окна сохранились наполовину в своём первоначальном виде, в том, в каком они были созданы в 1290 году. В эпоху

барокко церковь сильно перестраивалась, среднее восточное окно крытого хора было замуровано, на его месте был сооружён барочный алтарь. Алтарная роспись кисти *Йоханна Михаэля Ротмайра (Johann Michael Rottmayr)* изображает Вознесение Марии, она сохранилась на боковой стороне крытого хора. Остальные барочные сооружения вместе с боковыми алтарями были разобраны в конце XIX века и заменены на псевдоготический балдахин. Расписанный крест над алтарем символизирует Христа как воскресшего Господа. Этот крест – мастерская копия романского креста, выполненного в 1138 году.

10. Орган Кобера (*Die Kober-Orgel*).

В передней части монастырской церкви находится большой орган Кобера, который почти достигает потолка северного поперечного нефа. Орган был сооружён в 1804 году *Игнацем Кобером (Ignaz Kober)* и имеет 2 ручных механизма, 55 регистров и 2959 свистков. Он реставрировался полностью только в 1997 году.

Франц Шуберт играл на этом органе и даже сочинил для него в 1828 году фугу в четыре руки. В числе тех, кто играл на этом органе, следует упомянуть также Антона Брукнера.

До 1950 года орган стоял на возвышении, которое соорудили в эпоху барокко на романском нефе перед западным фасадом. Это возвышение сильно портило вид средневекового нефа. После сноса возвышения орган находил достойное место в северном поперечном нефе, и хотя он значительно скрыт от взглядов, его звучанием можно наслаждаться в любое время.

11. Помещение для хора (*Das Chorgestühl*).

Помещение для хора служат торжественной молитве хора монахов. Здесь они собираются семь раз в день, чтобы воздать хвалу Богу исполнением псалмов и пением Грегорианского хора. Художественное оформление соответствует высокому значению хоровой молитвы. Помещение было выполнено скульптором Джованни Джулиани из Венеции († 1744). Каждый монах стоит в так называемом «стойле», каждое из которых украшена изображениями событий из жизни Иисуса; сверху них можно увидеть маленькие фигурки ангелочков и бюсты святых. В богословии есть постулат о том, что в молитве монашеского хора на земле принимает участие небесная Церковь, что ангелы и святые подпевают и музицируют вместе с монахами. В литургии хоровые молитвословия являются важнейшей частью монашеского делания, так как они восхваляют Господа от имени всех людей. Следует обратить внимание на то, что монастырская церковь только тогда является архитектурно гармоничной, когда в ней звенят многовековые мелодии Грегорианского хора.

12. Романский неф (*Das romanische Langhaus*).

Романский неф – это старейшая часть монастырской церкви, законченная в конце XII века. В эпоху барокко он был видоизменён галереей, которая выходила на западную сторону тремя внушительных размеров окнами, сквозь которые вечером свет заходящего солнца падает как раз на молящихся монахов. Неф – это самый чистый романский стиль, который на территории Австрии встречается очень редко. Пространство для хора в алтарной части органически встроено в вытянутое помещение.

13. Барочный Крестный Путь (*Der barocke Kreuzweg*).

Уже в 1650 году стояли на маленьком плато над улицей *Gaadenerstrasse* три креста в память о Голгофе в Иерусалиме. В 1670 годы несколько венских братьев соорудили здесь на этом месте, *Bergl* или *Schneiderbergl*, капеллу в честь Распятого Христа, получившую название «Горная капелла» (*Bergkapelle*). В 1671 году аббат *Клеменс Шэффер (Klemens Schäffer)* построил здесь *домик отшельника (Eremitenhäuschen)*.

При турецком вторжении в 1683 году «Горная капелла» была разрушена, но уже через два года на пожертвования венских братьев была снова отстроена. В 1728 году часовня «*Kirchl auf dem Schneiderbergl*» была отреставрирована монастырским плотником *Эгидиусом Бауэром (Aegidius Bauer)*. В источниках того времени упоминается также лестница на гору.

Барочный Крестный путь с тринадцатью капеллами (в том числе с так называемой Главной капеллой) был построен в 1731 – 1748 годах. Инициатором и заказчиком был аббат *Роберт Лееб (Robert Leeb)*, который основал это место в память о своём паломничестве на Святую Землю – будучи молодым священником, Лееб в 1719 году прошёл по настоящему Крестному пути в Иерусалиме. В 1729 году он задумал создать в Хайлигенкройце некий аналог Крестному пути Христа. Разрешение на строительство было выдано в 1731 году папой Клеменсом XII.

Сначала 14 «станций» Крестного пути были большими деревянными крестами. В том же самом 1731 году временный Крестный путь был торжественно открыт в присутствии большого

количества людей. Венские пилигримы очень помогли строительству Крестного пути пожертвованиями. Архитектором был венский мастер *Франц Антон Пилграм (Franz Anton Pilgram)*, ученик знаменитого архитектора *Лукаса фон Гильдебрандта (Lukas von Hildebrandt)*.

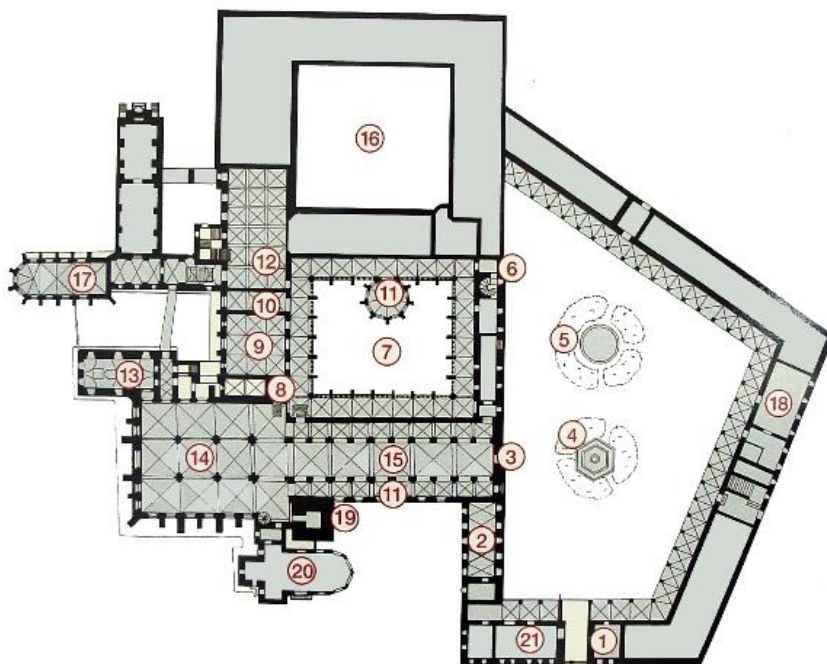
Местный мастер-каменщик *Йозеф Фрауеншух (Josef Frauenschuh)* построил Крестный путь по планам Пилграма и получил в благодарность от аббата Роберта Лееба лицензию на закупку участка под застройку рядом с тринадцатой капеллой станции. Там он к 1741 году выстроил себе дом (KNr. 5), который в 1957 году был снесён из-за его ветхости. Плотницкие работы проводил местный плотник *Маттиас Паумгартнер (Matthias Paumgartner)*, работы каменотеса проводил каменотёс *Иоганн Келлер (Johann Keller)* и его сын *Петер (Peter Keller)*, крестник Джованни Джулиани.

Разработка проекта принадлежала Джованни Джулиани (1664 – 1744). В 1731 году в его цехе началось изготовление статуй. Сам Джулиани создал статую Спасителя, которая в 1974 году была заменена на новую копию и была установлена уже не на Крестном пути, а в монастырской церкви. Деревянные рельефы в тринадцати капеллах и, вероятно, алтарь и фигуры основной капеллы, были созданы членом ордена, не являющимся духовным лицом, *Лукасом Трогером (Lukas Troger)*, 37 фигур из песчаника – скульптором *Йозефом Шницером (Josef Schnitzer)*. Оба были помощниками Джулиани.

Фрески на потолках в капеллах и задний план рельефов были выполнены от не являющимся духовным лицом членом ордена *Маттиасом Гуснером (Matthias Gusner)*, учеником барочного художника *Мартино Альтомонте (Martino Altomonte)*. Сам Джулиани не увидел окончания работ над Крестным путём – он умер в 1744 году. Надзор за дальнейшими, завершающими, работами, осуществлял ученик Джулиани Лукас Трогер. Часть статуй была создана только после смерти Джулиани.

Из-за оседания почвы две трети основной капеллы вместе с башенкой должны были быть разобраны в 1885 году под руководством архитектора *Доминика Аванцо (Dominik Avanzo)* и восстанавливаться в соответствии с оригиналом. Большая фреска потолков кисти Маттиаса Гуснера была переделана полностью художником *Вайгандом (Maler Weigand)*. Основательная реставрация всего Крестного пути была произведена в 1988 – 1993 годах. Во время этих реставрационных работ четыре деревянные резные фигуры ниш Лукаса Трөгера в основной капелле были заменены на гипсовые копии, а оригиналы были установлены в музее монастыря.

4. План монастыря.

1. Pforte und Information;
2. Aula – место сбора экскурсий;
3. Romanische Westfassade der Stiftskirche (1187);
4. Dreifaltigkeitssäule (1729 – 1739) – Колонна Святой Троицы;
5. Josefsbrunnen (1739) mit Platanen (1848);
6. Alte Klosterpforte (1730) – Eingang in den Kreuzgang;

7. Kreuzgang (1240);
8. Annakapelle (1710);
9. Kapitelsaal (1240);
10. Totenkapelle (1711);
11. Brunnenhaus (1295);
12. Mittelalterliche Fraterie (1240);
13. Sakristei (1667);
14. Hallenchor (1295);
15. Kirchenschiff (1187);
16. Konvent (1642) (жилые помещения монахов);
17. Bernardikapelle (1295) (пространство, закрытое для туристов);
18. Kaisersaal – Festsaal (1691);
19. Kirchturm (1674);
20. Kreuzkirche (1982) – Heiligtum der Kreuzreliquie;
21. Klosterladen.

Таким образом, мы видим, что Хайлигенкройц (Heiligenkreuz) – Монастырь Святого Креста под Веной является интереснейшим памятником средневековой австрийской архитектуры.

Библиографический список:

1. Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster. Heiligenkreuz Abbey. Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.
2. Heiligenkreuz – <http://www.stift.heiligenkreuz.at/>.
3. Kloostergasthof Heiligenkreuz – <http://www.kloostergasthof.stift-heiligenkreuz.org>.

Мухамедьяров Тамерлан Сулейманович
Mukhamedyarov Tamerlan Suleymanovich

студент

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Кашеев Сергей Иванович
Kashcheev Sergey Ivanovich

научный руководитель

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

УДК 141

ПРИРОДА СПРАВЕДЛИВОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ ПРАВО

THE NATURE OF JUSTICE: PHILOSOPHICAL CONCEPTS AND THEIR IMPACT ON MODERN LAW

Аннотация. В статье исследуется природа справедливости как фундаментальной философско-правовой категории, анализируются её основные концепции от античности до современности. Рассматривается влияние философских представлений о справедливости на формирование правовых систем, судебную практику и общественное сознание. Особое внимание уделяется взаимодействию моральных и правовых аспектов справедливости в контексте современных вызовов, включая цифровизацию, глобализацию и социальные трансформации.

Abstract. The article explores the nature of justice as a fundamental philosophical and legal category, analyzing its main concepts from antiquity to the present. The influence of philosophical ideas about justice on the formation of legal systems, judicial practice, and public consciousness is examined. Special attention is paid to the interaction of moral and legal aspects of justice in the context of modern challenges, including digitalization, globalization, and social transformations.

Ключевые слова: справедливость, философия права, мораль, равенство, правосознание, судебная практика, социальная справедливость, правовые системы.

Keywords: justice, philosophy of law, morality, equality, legal consciousness, judicial practice, social justice, legal systems.

Проблематика справедливости относится к числу вечных вопросов философии и права, сохраняющих свою актуальность на протяжении всей истории человеческой мысли. Более того, в современном мире, характеризующемся сложными социальными трансформациями, цифровизацией общественных отношений и глобальными вызовами, поиск справедливых решений приобретает особую значимость. Актуальность темы обусловлена, во-первых, необходимостью осмысления глубинных оснований права, которое, по выражению многих теоретиков, немислимо без идеи справедливости [1]. Во-вторых, в общественном сознании, особенно в российском социуме, нередко наблюдается противоречие между правовыми нормами и субъективным чувством справедливости, что приводит к дискуссиям о легитимности закона и доверии к институтам власти [2]. Таким образом, исследование философских корней справедливости и их проекции на современное право является важной задачей как для теоретиков, так и для практиков.

Под справедливостью в самом общем смысле принято понимать понятие о должном, соответствующее представлениям о сущности человека, его неотъемлемых правах, а также о соотношении между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. При этом важно различать естественную и социальную справедливость. Естественная справедливость выводится из универсальных законов мироздания и природы, она абсолютна и неизменна. Социальная же справедливость – это исторически изменчивая категория, отражающая сложившиеся в конкретном обществе представления о правильном распределении благ, обязанностей и наказаний [3]. Именно социальная справедливость становится предметом правового регулирования и основной целью законодателя.

Истоки философского осмысления справедливости уходят в античность. Так, Платон рассматривал справедливость как высшую добродетель, предполагающую такое устройство общества, при котором каждый выполняет своё предназначение, способствуя гармонии целого. Он же отождествлял справедливое с законным, закладывая основу для понимания права как инструмента воплощения идеала. Аристотель развил это учение, разделив справедливость на распределяющую (воздающую по достоинству и заслугам) и уравнивающую (основанную на формальном равенстве). Эти идеи, в частности принцип пропорционального воздаяния, нашли отражение во многих современных правовых институтах, например, в дифференциации наказаний в уголовном праве в зависимости от тяжести деяния и личности виновного.

В Новое время идея справедливости тесно переплелась с концепциями естественного права и общественного договора. Иммануил Кант связывал справедливость с категорическим императивом и всеобщим законом свободы, совместимым со свободой других. Его знаменитое утверждение о том, что «строжайшее право – это величайшая несправедливость», указывает на потенциальный конфликт между формальной законностью и моральным требованием справедливости. Этот конфликт нередко проявляется в судебной практике, когда буквальное применение нормы приводит к результату, воспринимаемому обществом как несправедливый. Например, в российской практике к таким случаям можно отнести некоторые дела о превышении пределов необходимой обороны, где строгое следование Уголовному кодексу РФ (ст. 37 УК РФ) иногда вступает в противоречие с общественным ожиданием защиты права человека на жизнь и безопасность.

Значительное влияние на правовую мысль XX века оказала теория справедливости Джона Ролза, который выдвинул два базовых принципа: равных основных свобод и такого распределения социально-экономических неравенств, которое приносило бы наибольшую выгоду наименее преуспевающим членам общества [4]. Эти принципы, будучи философской конструкцией, тем не менее нашли косвенное отражение в конституционном праве многих стран, включая Российскую Федерацию. Так, статья 7 Конституции РФ провозглашает Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что перекликается с идеей Ролза о приоритете интересов наименее защищённых.

В современном российском правовом дискурсе особая роль отводится соотношению понятий «справедливость» и «правда». Как отмечают исследователи, для отечественной традиции характерно их сопоставление, где «правда» понимается не только как истина, но и как нравственный идеал, спроецированный на конкретные обстоятельства [5]. Эта особенность ярко проявляется в общественных дебатах вокруг громких судебных процессов. К примеру, дело «Сети» или дело Ивана Голунова вызвали широкий общественный резонанс именно из-за возникшего у многих ощущения несоответствия между формальными процедурами и ожиданием «правды-справедливости». Такие ситуации обнажают глубокую связь правоприменения с коллективными нравственными ожиданиями.

Кроме того, современное право сталкивается с новыми вызовами, требующими переосмысления критериев справедливости. Цифровизация, развитие искусственного интеллекта, проблемы биоэтики, экологические угрозы – все это ставит перед законодателем сложные вопросы о справедливом распределении рисков, ответственности и благ. Например, дискуссии о регулировании больших данных и защите персональной информации касаются не только права на приватность, но и более глубокой проблемы справедливого доступа к цифровым ресурсам и защиты от алгоритмической дискриминации.

Подводя итог, следует констатировать, что природа справедливости остаётся двойственной: с одной стороны, это универсальный моральный идеал, стремящийся к абсолюту, с другой – исторически изменчивый социальный конструкт, воплощаемый в конкретных правовых нормах и судебных решениях. Философские концепции, от Платона и Аристотеля до Канта и Ролза, сформировали тот понятийный аппарат и ценностный фундамент, на котором строится современное право. Однако, как показывает практика, прямое перенесение философских абстракций в правовое поле сопряжено с трудностями. Справедливость в праве – это всегда поиск баланса между абстрактным равенством и конкретным соразмерным неравенством, между формальной нормой и материальной истиной, между интересами личности и общества. Укрепление этого баланса видится в развитии правосознания, в том числе через открытый диалог между правоприменителями, теоретиками и обществом, а также в постоянном совершенствовании законодательства с учётом как универсальных ценностей, так и национально-культурного контекста. В конечном счёте, право,

лишённое стремления к справедливости, рискует превратиться в пустой формализм, в то время как справедливость, не опосредованная правом, останется лишь благим пожеланием.

Библиографический список:

1. Оботурова Н. С. Идея справедливости в философском понимании права: история и современные контексты //Пенитенциарная наука. – 2019. – Т. 13. – №. 4. – С. 456-461.
2. Гусейнов А. А. и др. Право и национальные традиции. Материалы "Круглого стола" //Вопросы философии. – 2016. – №. 12. – С. 5-41.
3. Федоров Р. В. Критерии справедливости в праве //Вестник Российской правовой академии. – 2020. – №. 1. – С. 25-30.
4. Джон Р. Теория справедливости //Социология власти. – 2004. – №. 2. – С. 139-170.
5. Васяев А. А. Понятие справедливости в философии: правовой аспект //Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2021. – Т. 10. – №. 3-1. – С. 234-243.

Авдеева Татьяна Георгиевна
Avdeeva Tatyana Georgievna
учитель (математика и информатика)
МБОУ СОШ №14 г. Шахты
E-mail: tatyana-avdeeva.1996@mail.ru

УДК 37

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ НА УРОКАХ ИНФОРМАТИКЕ

DEVELOPING AND DEVELOPING FUNCTIONAL LITERACY IN COMPUTER SCIENCE CLASSES

Аннотация. Функциональная грамотность представляет собой комплекс способностей, необходимых для успешной адаптации и самореализации в современной среде. Она включает математическую, читательскую, финансовую и естественно-научную грамотность, а также глобальные компетенции и творческое мышление. Анализируя ситуацию в России, мы видим проблему снижения функциональной грамотности, несмотря на общий высокий уровень общего образования. Решение заключается в активизации мыслительной активности учащихся и создании эффективных методик обучения, включая использование инновационных технологий. Повышение функциональной грамотности станет важным фактором успеха молодежи в будущем.

Abstract. Functional literacy is a set of skills necessary for successful adaptation and self-realization in the modern environment. It includes mathematical, reading, financial, and scientific literacy, as well as global competencies and creative thinking. Analyzing the situation in Russia, we see a decline in functional literacy, despite the overall high level of general education. The solution lies in activating students' cognitive activity and developing effective teaching methods, including the use of innovative technologies. Improving functional literacy will be an important factor in the future success of young people.

Ключевые слова: навык, проблема, практико-ориентированные, междисциплинарные.

Keywords: skill, problem, practice-oriented, interdisciplinary.

Одна из важнейших задач современной школы – формирование функционально грамотных людей.

Что такое «функциональная грамотность»? Функциональная грамотность – способность человека вступать в отношения с внешней средой, быстро адаптироваться и функционировать в ней.

Функциональная грамотность рассматривается, как способность использовать все постоянно приобретаемые в жизни знания, умения и навыки для решения максимально широкого диапазона жизненных задач в различных сферах человеческой деятельности, общения и социальных отношений.

Функционально грамотная личность – это человек, ориентирующийся в мире и действующий в соответствии с общественными ценностями, ожиданиями и интересами. Основные признаки функционально грамотной личности: это человек самостоятельный, познающий и умеющий жить среди людей, обладающий определёнными качествами, ключевыми компетенциями.

Понятие «функциональная грамотность» предполагает владение умениями:

- выявлять проблемы, возникающие в окружающем мире, решаемые посредством информационных знаний,
- решать их, используя знания и методы,
- обосновывать принятые решения путем суждений,
- анализировать использованные методы решения,
- интерпретировать полученные результаты с учетом поставленной задачи.

Необходимо строить каждый урок так, чтобы у всех учеников вызвать устойчивый интерес, сформировать учебную активность и желание творить и познавать, экспериментировать, формулировать и проверять гипотезы — задача современного учителя.

Без применения эффективных педагогических идей, активных форм и методов обучения и компьютерных технологий при подготовке таких уроков здесь не обойтись.

Вот в этом и заключается актуальность опыта — «Использование активных форм и методов обучения на уроках информатики».

Активные формы и методы обучения — это методы, которые побуждают учащихся к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом.

Активное обучение предполагает внутренне - групповую и межгрупповую активность учащихся, и направленность действий (инициативу). Характерные признаки активного обучения:

- активность (физическая, социальная, познавательная);
- инициатива (направленность действий);
- практический опыт;
- обратная связь;
- решение проблем;
- овладение навыками работы в команде.

Физическая активность учащихся заключается в пространственном перемещении, изменении образа действий партнеров по взаимодействию, например, в деловой или ролевой игре (ученики могут менять рабочее место, пересаживаться, делать презентацию у доски или перед аудиторией, работать в малых группах, говорить, писать, слушать, делать рисунки и тому подобное).

Социальная активность учащихся проявляется в том, что они инициируют взаимодействие друг с другом, используют разные приемы и технику обмена данными (задают вопросы и отвечают на них, обмениваются мнениями, репликами, комментариями и т. п.).

Познавательная активность учащихся проявляется в необходимости самостоятельно формулировать и ставить проблему, определять способы ее решения, предлагать рекомендации, принимать решения.

Формирование функциональной грамотности школьников на уроках информатики возможно через решение трех основных задач:

- ✓ достижение уровня образованности, соответствующего потенциалу учащегося и обеспечивающего дальнейшее развитие личности и возможность самообразования;
  - ✓ формирование у каждого учащегося опыта творческой социально значимой деятельности в реализации своих способностей средствами ИКТ;
  - ✓ накопление у учащихся опыта общения и взаимодействия на гуманистических отношениях.
- ✓ На уроках информатики использую такие активные методы и приемы:

1. Мотивация начальной деятельности.

В начале урока важно создать у учеников определенный уровень мотивации для дальнейшей активной и результативной деятельности на уроке. Следует заинтересовать учеников, пробудить в них интерес к изучению данной темы, убедить в практической, теоретической или социальной значимости обучаемому материалу. Для этого иногда применяю вводную презентацию по теме, создание проблемной ситуации, ситуации успеха.

На начальном этапе знакомства с возможностями электронных таблиц ставлю перед учащимися вопросы, с какими таблицами мы сталкиваемся в повседневной и школьной жизни? И чтобы облегчить работу людям, чьи профессии связаны с вычислениями, какая компьютерная программа была создана? Тем самым подвожу к теме урока: «Интерфейс электронных таблиц».

2. Проверка, оценка и коррекция усвоенных ранее знаний, навыков и умений.

На данном этапе урока, работу учащихся можно организовать с помощью выполнения разнообразных упражнений; устного решения задач и примеров; выполнения графических работ и работы над таблицами, схемами и т. п.; письменных ответов учащихся на вопросы из пройденного материала; тестирование.

Также часто использую такой прием, как разминка. Он состоит из простых вопросов, которые могут вызвать заинтересованность учащихся. Вопросы должны развивать сообразительность, быструю реакцию, чтобы помочь подготовить детей к познавательной деятельности, создать положительный эмоциональный настрой, ситуацию успеха.

Использую работу в парах, разгадывание кроссвордов, ребусов, приемы: «Мозговой штурм», «Незаконченные предложения», «Верю — не верю», «Лови ошибку».

3. Закрепление знаний и умений.

На данном этапе урока стараюсь дать на выполнение учащимся задания с учетом дифференциации. Это позволяет осуществить переход к самостоятельному решению задач из темы,

что изучаем. Можно использовать приемы: «Участь учусь», дискуссия, работа в группах, «Верю — не верю», ролевая игра, метод «Автобусная остановка» — материал распределяется по остановкам. На каждой остановке учащиеся выполняют индивидуальные или групповые задания.

Пример. Тема урока: «Создание текстовых документов на компьютере».

Творческий мини – проект. Создать в текстовом процессоре Microsoft Word резюме, что бы работодатель смог взять тебя на работу. Если вы хотите, чтобы вас приняли на работу, на какие навыки стоит обратить внимания. Надо уметь давать себе самооценку. Самооценка должна быть реальной, не завышенной и не заниженной.

4. Практическая работа на применение полученных умений и навыков.

Урок информатики, в отличие от многих других школьных дисциплин, должен быть проведен не только с ориентацией на усвоение учащимися теоретических знаний, но и выработка практических умений и навыков. Поэтому важным этапом урока является практическая часть. Ее организовываю таким образом, чтобы учащиеся самостоятельно выполняли работу, проводили исследования путем выделения существенных для выполнения конкретного задания элементов действия, что способствует дальнейшему обобщению и осуществлению перехода от оценивания учеников к самооценке и рефлексии. На этом этапе урока можно использовать дискуссию, работу в парах, в группах.

5. Итог урока.

Заканчивая урок, нужно всегда подытожить сделанное на уроке. Подводя итоги, важно понять, как уровень усвоения знаний учениками, так и их впечатления от урока. Интерактивные методы, которые можно использовать: «Незаконченные предложения», работа в группах. Коллективно выставляется оценка каждой работы. Оценки комментируются и обосновываются, потом визитки сдаются учителю на проверку. Итоговую оценку выставляют на основе трех оценок: самооценки, оценки группы учеников и моей оценки за работу. Ученикам предлагается закончить предложение «Сегодня, работая на уроке, я понял» ...

Метод проблемного обучения – это метод, в ходе которого подача нового материала происходит через создание проблемной ситуации.

Метод «Дерево решений» - еще один популярный метод, используемый для выбора наилучшего направления действий из имеющихся вариантов

1. Класс делится на 3 или 4 группы с одинаковым количеством учеников.
2. Ученикам дается задание
3. Каждая группа обсуждает вопрос и делает записи на своем дереве
4. Группы или по очереди рассказывают о путях решения данной проблемы, или меняются местами и дописывают на деревьях соседей свои идеи.

Метод «Карусель» - ученики работают в небольших группах, размышляя, в поисках ответа на конкретно поставленный вопрос

«Фишбоун» - слово «Фишбоун» дословно переводится как «рыбная кость». Схема, или диаграмма, «Фишбоун» придумана профессором Кауро Ишикава как метод структурного анализа причинно-следственных связей, и этот прием впоследствии был назван в его честь – диаграмма Ишикавы.

Кластер. Выделение смысловых единиц текста и графическое их оформление в определенном порядке в виде грозди. Кластеры могут стать как приемом на стадии вызова, рефлексии, так и стратегией урока в целом.

Модели:

Фронтальная модель

При наличии в классе оборудованного рабочего места учителя (компьютер или ноутбук с выходом в сеть Интернет, проектор и экран или интерактивная доска) возможна организация учебного процесса с использованием электронных образовательных ресурсов. В зависимости от типа контента (видео, анимация, интерактивные упражнения и тренажеры) формат работы может меняться.

Перевёрнутый класс

Основная идея реализации данной модели заключается в следующем: в качестве домашнего задания учащимся предлагается знакомство с новым материалом с использованием электронных образовательных ресурсов, видеолекций, учебников, раздаточного материала, а на уроке больше внимания уделяется решению практических задач, отработке необходимых навыков и обсуждению

вопросов, вызывающих наибольшие затруднения у учащихся.

Смена рабочих зон

Для организации урока в данной модели необходимо продумать наличие нескольких рабочих зон, в которых учащиеся будут решать различные учебные задачи. Например, зоны могут быть следующие: «Зона решения практических задач», «Зона исследования», «Зона работы в группе», «Зона проверки знаний» и т. д. Весь класс делится на несколько групп (по количеству зон), и в течение урока происходит переход каждой группы от одной зоны к другой (смена зон происходит по сигналу учителя). Таким образом, все группы к концу урока смогут выполнить задание в каждой зоне. Не рекомендуется устраивать больше четырёх рабочих зон, так как в этом случае сокращается время работы в каждой зоне, а следовательно, учащиеся могут не успеть решить все поставленные перед ними задачи

В своей работе, как учителя информатики, я стараюсь включать задачи практического содержания уже на уроках в 7 классе. Для этого использую задания ОГЭ, задания, являющиеся прототипами заданий ВПР, которые можно найти на различных сайтах в Интернете. Как показывает практика, большинство обучающихся испытывают трудности при решении задач такого типа. Но при систематических занятиях приобретают навык во всех рассматриваемых задачах находить подходящую математическую модель, распознавать математическую составляющую в модели. Проверить знания можно в электронном формате, используя сайт Российской электронной школы. Но здесь есть некоторые трудности технического характера: не у всех школьников есть доступ в Интернет, а также электронные устройства.

Таким образом, обучение с использованием практико–ориентированных задач приводит к более прочному усвоению информации, так как возникают ассоциации с конкретными действиями и событиями. Особенность этих заданий (необычная формулировка, связь с жизнью, межпредметные связи) вызывают повышенный интерес учащихся, способствуют развитию любознательности, творческой активности.

Библиографический список:

1. Акушева, Н. Г. Развитие функциональной грамотности чтения / Н. Г. Акушева, М. Б.
2. Лойк, Л. А. Скорodelова // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития : сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. - 2020. - С. 49-51.
3. Игнатъева, Е. Ю. Метапредметный потенциал учебного текста: актуализация в основной школе / Е. Ю. Игнатъева, С. В. Дмитриева // Вестник Череповецкого государственного университета. - 2020. - № 1 (94). - С. 162-172.
4. Царегородцева, Е. А. Формирование когнитивного опыта как основы функциональной грамотности младших школьников / Е. А. Царегородцева // Детство, открытое миру : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - 2020. - С. 95-98.
5. Варавина, О. С. Формирование функциональной грамотности детей младшего школьного возраста на уроках изобразительного искусства // Педагогический поиск. - 2020. - № 3. - С. 13-16.
6. Кузнецова, Н. М. Внеурочная деятельность как компонент образовательного процесса, обеспечивающий формирование функциональной грамотности учащихся / Н. М. Кузнецова, А. А. Денисова // Региональное образование: современные тенденции.- 2020. - № 1 (40). - С. 123-126.

Кейзер Екатерина Сергеевна

студент магистратуры, институт экономики и права,
кафедра менеджмента, сервиса и туризма,
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон
Российская Федерация

Kayser Ekaterina Sergeevna

Master's student, Institute of Economics and Law,
Department of Management, Service, and Tourism,
Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
"Kherson State Pedagogical University", Kherson, Russian Federation

УДК 377.12

**ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ В УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ: ОПЫТ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОЛЛЕДЖА КУЛЬТУРЫ И
ИСКУССТВА****PROBLEMS OF FUNCTIONING SOCIAL AND CULTURAL DESIGN CENTERS IN
SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS: THE EXPERIENCE OF THE
LENINGRAD REGIONAL COLLEGE OF CULTURE AND ARTS**

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей работы центров социально-культурного проектирования в государственных бюджетных профессиональных образовательных учреждениях (СПО). Рассматриваются ключевые проблемы, возникающие в процессе осуществления подобной деятельности, на конкретном примере Ленинградского областного колледжа культуры и искусства.

Abstract. This article examines the operational characteristics of social and cultural design centers in state-funded vocational educational institutions (SEIs). Key issues arising in the implementation of such activities are examined using the Leningrad Regional College of Culture and Arts as a specific example.

Ключевые слова: проектирование, стандарт, профессиональные компетенции, проект, студенты, социально-культурная деятельность.

Keywords: design, standard, professional competencies, project, students, socio-cultural activities.

В современном образовательном пространстве учреждения среднего профессионального образования (СПО) играют важную роль не только в подготовке квалифицированных специалистов, но и в формировании социально активной и культурно развитой личности. Одним из эффективных инструментов реализации этой задачи становятся центры социально-культурного проектирования, которые объединяют студентов, педагогов и представителей общественности для совместной работы над социально значимыми и культурными проектами. Однако на практике функционирование таких центров сталкивается с рядом проблем, которые существенно влияют на их эффективность. В данной статье рассматривается опыт государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Ленинградского областного колледжа культуры и искусства» (ЛОККиИ) в организации и развитии центра социально-культурного проектирования, а также выявляются основные трудности и пути их преодоления.

Роль центров социально-культурного проектирования в СПО

Центры социально-культурного проектирования (далее – ЦСКП) создаются с целью вовлечения студентов в активную общественную деятельность, развитие их творческого потенциала и формирование навыков проектной работы. В учреждениях СПО, особенно в сфере культуры и искусства, такие центры способствуют не только профессиональному росту обучающихся, но и укреплению связей с местным сообществом, реализации культурных инициатив и сохранению традиций.

ЦСКП являются важной частью образовательной инфраструктуры средних специальных учебных заведений, направленной на формирование общей гуманитарной компетентности учащихся.

Современные образовательные стандарты ориентированы на подготовку всесторонне развитых специалистов, обладающих высоким уровнем культурного сознания и способностью адаптироваться к условиям современной действительности. Именно в этом контексте возникает необходимость создания эффективных механизмов воспитания студенческой молодёжи средствами социокультурного проектирования.

В современных условиях повышение качества образования становится одним из приоритетных направлений реформирования всей системы российского образования. Среди важнейших аспектов модернизации выделяется развитие методического сопровождения процесса социализации будущих специалистов посредством интеграции науки и практики.

Согласно ряду исследований отечественных учёных, создание ЦСКП способствует решению широкого спектра педагогических задач:

- Развитие навыков коллективной работы и лидерства;
- Формирование способности ориентироваться в культурном пространстве региона и государства;
- Способствование адаптации студентов к профессиональной среде;
- Совершенствование коммуникативных навыков и межличностных взаимодействий.
- Формулировать идеи: превращать задумки в конкретные, осуществимые проекты.

В эпоху стремительных перемен инновации и креативность – ключ к эффективному образованию в сфере культуры и искусства. Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Ленинградский областной колледж культуры и искусства» (далее – «ЛОККиИ») активно культивирует этот подход, предлагая студентам платформу для самореализации и раскрытия потенциала, помогает будущим специалистам найти свое призвание и применить полученные знания на практике.

Центр социально-культурного проектирования ГБ ПОУ «ЛОККиИ» функционирует с 2021 года и осуществляет свою деятельность в рамках утверждённого плана мероприятий, включающего тематические вечера, выставки, концерты, театральные постановки и прочие формы массового досуга. Основной задачей является привлечение максимального числа студентов к активному участию в мероприятиях и популяризация ценностей отечественной культуры.

ЛОККиИ является одним из ведущих учреждений СПО в регионе, где социально-культурное проектирование занимает важное место в образовательном процессе. Центр социально-культурного проектирования колледжа организует разнообразные мероприятия: фестивали, выставки, мастер-классы, социальные акции, направленные на поддержку культурного наследия и развитие творческих инициатив молодежи.

За годы работы центра удалось создать устойчивую платформу для взаимодействия студентов с местным сообществом, учреждениями культуры и общественными организациями. Это позволило не только расширить возможности практической подготовки студентов, но и повысить значимость колледжа как центра культурной жизни региона. Важным аспектом деятельности центра стало формирование у обучающихся навыков социального проектирования, умения работать в команде, планировать и реализовывать инициативы, что является востребованным в современном профессиональном и общественном контексте.

Центр социально-культурного проектирования — инкубатор творческих идей студентов и преподавателей, который формирует динамичную среду, способствующую воплощению самых смелых проектов.

Миссия ЦСКП: стимулировать проектную деятельность студентов и преподавателей, обеспечивать высокое качество управления проектами через консультационную поддержку и помощь в разработке проектной документации, выявлять и поддерживать талантливую молодежь, развивать проектные компетенции.

Главная задача ЦСКП: внедрение проектного обучения, ориентированного на решение актуальных задач индустрии культуры и искусства. Этот подход требует интеграции знаний из разных дисциплин и способствует развитию личностных и профессиональных качеств, необходимых конкурентоспособному специалисту. Центр также создает инфраструктуру поддержки студенческих стартапов и социальных инициатив.

Разработка и реализация проектов — ключевая компетенция выпускников, закрепленная Федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС) (п. 3 ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»).

Студенты не просто учатся теории, а сами придумывают и реализуют проекты, которые делают жизнь вокруг лучше. Это может быть организация фестиваля для жителей района, создание инклюзивной творческой студии для детей с особыми потребностями, разработка программы по сохранению народных традиций или даже запуск онлайн-платформы для молодых художников.

Практический пример успешной реализации проектов

Проектировочная компетентность — не врожденное качество, а результат целенаправленного развития. Как составная часть профессионализма педагога и студента, она эффективно формируется в рамках образовательного процесса колледжа. Развитие проектировочной компетенции — это поэтапный, многогранный процесс, основанный на взаимодействии множества факторов. Ее становление возможно исключительно через практическое участие в проектной деятельности, как на занятиях, так и во внеурочное время.

В современном мире социальные проекты играют ключевую роль в решении актуальных проблем общества, улучшении качества жизни и создании устойчивых изменений. Однако для успешной реализации таких инициатив необходимы партнеры.

Расширение связей и установление партнерских отношений открывает перед социальными проектами новые горизонты, они способствуют обмену опытом и лучшими практиками.

ЛОККиИ ведет партнерские отношения с ведущими учреждениями культуры и образования, позволяя расширить возможности для реализации новых проектов, направленных на достижение общих социальных целей.

Также ЛОККиИ активно участвует в различных форумах, как одном из инициативных направлений работы ЦСКП. Форумы являются неотъемлемой частью развития молодежи и студентов, играя важную роль в их профессиональном и личностном становлении. Это уникальные площадки для обмена знаниями, опытом и идеями, где каждый участник может найти вдохновение, расширить кругозор и установить полезные связи. Для студентов форумы становятся возможностью не только представить свои проекты, но и получить обратную связь от экспертов, что способствует их дальнейшему росту и совершенствованию.

Команда ЦСКП постоянно погружена в культурную жизнь, черпая вдохновение и расширяя свой профессиональный кругозор. Посещение выставок, спектаклей, концертов и фестивалей позволяет сотрудникам быть в курсе современных трендов в сфере искусства и обмениваться опытом с коллегами.

Команда ЦСКП постоянно совершенствует свои профессиональные навыки, участвуя в специализированных курсах, семинарах и тренингах. Это позволяет оставаться на переднем крае индустрии, осваивать передовые методики и внедрять новые знания в практику.

Основные проблемы функционирования центра социально-культурного проектирования

Несмотря на достигнутые успехи, деятельность центра сталкивается с рядом проблем, характерных для многих учреждений СПО.

Во-первых, **ограниченность ресурсов** существенно сдерживает возможности реализации масштабных и долгосрочных проектов. Финансовые, материальные и кадровые ресурсы часто являются ограничивающим фактором. Для реализации масштабных проектов требуются значительные вложения, которые не всегда доступны. Материально-техническое обеспечение ЛОККИ ограничено устаревшим оборудованием и недостатком помещений для хранения реквизитов и декораций. Недостаточное финансирование влияет на качество материально-технической базы, затрудняет привлечение квалифицированных специалистов и организацию мероприятий на высоком уровне. Подобная ситуация препятствует полноценному выполнению поставленных перед центром задач.

Во-вторых, **недостаточная мотивация студентов и преподавателей** к участию в социально-культурных проектах нередко становится препятствием для активного вовлечения в работу центра. Часто студенты воспринимают участие в таких инициативах как дополнительную нагрузку, не всегда видя прямую связь с будущей профессиональной деятельностью. Аналогично, преподаватели, загруженные учебным процессом, не всегда могут уделять достаточно времени и внимания проектной деятельности.

В-третьих, **недостаток системной методической поддержки и опыта** в области социально-культурного проектирования ограничивает потенциал центра. Многие преподаватели и студенты сталкиваются с трудностями в разработке и реализации проектов, что связано с отсутствием

специализированных программ обучения и практических рекомендаций. Это приводит к снижению качества проектов и уменьшению их социального эффекта.

В-четвёртых, сложности во взаимодействии с внешними партнёрами – учреждениями культуры, общественными организациями и местными администрациями – также оказывают негативное влияние на работу центра. Недостаток налаженных коммуникаций и координации действий затрудняет реализацию совместных инициатив и ограничивает возможности для расширения сети сотрудничества.

В-пятых, нехватка кадровых ресурсов. Центр работает преимущественно силами штатных преподавателей и отдельных волонтеров-студентов, которых в центре всего 10 человек. Отсутствует постоянное финансирование труда привлечённых специалистов.

Нехватка специализированных знаний. Хотя студенты и преподаватели обладают творческими навыками, им может не хватать глубоких знаний в области менеджмента проектов, фандрайзинга, маркетинга и юридических аспектов.

Оценка эффективности: Сложно объективно оценить реальное влияние реализованных проектов на общество и на развитие самих студентов. Требуются четкие критерии и методики оценки.

Пути преодоления проблем и перспективы развития

Опыт Ленинградского областного колледжа культуры и искусства показывает, что для повышения эффективности функционирования центров социально-культурного проектирования необходим комплексный подход, включающий следующие направления:

Увеличение финансирования и оптимизация ресурсов. Важно активизировать поиск дополнительных источников финансирования — грантовых программ, спонсорской поддержки, партнерских соглашений с бизнесом и органами местного самоуправления. Рациональное использование имеющихся ресурсов и внедрение современных технологий также способствуют повышению эффективности работы центра.

Повышение мотивации участников. Для студентов следует создавать условия, при которых участие в социально-культурных проектах воспринимается не как дополнительная нагрузка, а как важный и интересный этап профессионального и личностного развития. В этом помогают внедрение системы поощрений, признание достижений на уровне колледжа, а также интеграция проектной деятельности в учебные планы и практики. Для преподавателей важно обеспечить баланс между учебной нагрузкой и возможностями для участия в проектной деятельности, а также развивать культуру сотрудничества и поддержки внутри коллектива.

Необходимо не только демонстрировать успешные примеры реализованных проектов и их положительное влияние, но и активно вовлекать студентов на всех этапах – от зарождения идеи до ее воплощения. Важно создавать атмосферу, где каждый студент чувствует себя причастным и видит реальную пользу от своей работы. Совершенствование организации регулярных мастер-классов, тренингов и встреч с успешными проектными командами, а также проведение конкурсов и фестивалей студенческих проектов с ценными призами, могут стать дополнительными стимулами.

Развитие методической базы и повышение квалификации. Необходимо создавать и распространять методические материалы, адаптированные к специфике социально-культурного проектирования в СПО. Организация регулярных семинаров, тренингов и мастер-классов для преподавателей и студентов позволит повысить уровень компетенций в области проектного менеджмента, коммуникаций и работы с общественными партнерами. Важным направлением является обмен опытом с другими образовательными учреждениями и организациями, что способствует внедрению лучших практик и инновационных подходов.

Укрепление взаимодействия с внешними партнёрами. Для расширения возможностей центра следует активизировать сотрудничество с учреждениями культуры, общественными организациями, органами местного самоуправления и бизнес-сообществом.

Формирование устойчивых партнерских отношений позволит не только расширять спектр реализуемых проектов, но и повысить их социальную значимость и устойчивость. Важно выстраивать прозрачные механизмы взаимодействия, основанные на взаимном доверии и учёте интересов всех участников, а также использовать современные коммуникационные платформы для оперативного обмена информацией и координации действий.

Внедрение инновационных технологий и цифровых инструментов. Современные цифровые технологии открывают новые возможности для организации и реализации социально-

культурных проектов. Использование онлайн-платформ для совместной работы, социальных сетей для продвижения инициатив и привлечения аудитории, а также мультимедийных средств для создания контента позволяет расширить охват и повысить вовлечённость участников. Внедрение таких инструментов требует соответствующей подготовки и технической поддержки, что также должно стать приоритетом в развитии центра.

Формирование устойчивой культуры социально-культурного проектирования. Для долгосрочного успеха необходимо создавать внутри колледжа атмосферу, в которой социально-культурное проектирование воспринимается как неотъемлемая часть образовательного процесса и профессиональной деятельности. Это достигается через системное включение проектной работы в учебные программы, поощрение инициативности и творчества, а также через регулярное проведение рефлексивных сессий и обсуждений, способствующих осмыслению опыта и развитию критического мышления у студентов и преподавателей.

Укрепление ресурсной базы может быть достигнуто через активное привлечение грантового финансирования, как государственного, так и частного, а также через развитие партнерских отношений с бизнесом и фондами, заинтересованными в поддержке социально значимых инициатив. Создание внутри колледжа системы "внутренних грантов" для лучших студенческих проектов также может стать стимулом. Важно также оптимизировать использование имеющихся материальных ресурсов, например, путем создания общих фондов оборудования и помещений для проектной деятельности.

Упрощение бюрократических процедур. Колледжу следует выстраивать более тесное взаимодействие с местными органами власти, чтобы минимизировать временные и трудовые затраты на согласования. Возможно, стоит создать специализированный отдел или группу, которая будет заниматься юридическим сопровождением и оформлением проектной документации, освобождая студентов и преподавателей от этой рутины. Разработка типовых форм документов и шаблонов для различных видов проектов также может значительно ускорить процесс.

Развитие специализированных знаний. Помимо базовых творческих дисциплин, студентам и преподавателям необходимо предоставлять возможности для углубленного изучения основ проектного менеджмента, фандрайзинга, маркетинга, PR, а также основ юридического и финансового обеспечения проектов. Это может быть реализовано через введение дополнительных курсов, семинаров, онлайн-обучения, а также через привлечение внешних экспертов. Создание на базе колледжа ресурсного центра по социально-культурному проектированию, который бы аккумулировал знания и опыт, мог бы стать ценным инструментом.

Совершенствование системы оценки эффективности – это ключ к пониманию реального воздействия проектов. Необходимо разработать четкие, измеримые критерии оценки, которые бы учитывали не только количественные показатели (количество участников, охват аудитории), но и качественные (изменение в поведении целевой группы, повышение уровня осведомленности, формирование новых навыков). Важно также проводить постпроектный анализ и собирать обратную связь от всех заинтересованных сторон. Обучение студентов методам самооценки и рефлексии также является важным аспектом.

Обеспечение преемственности и устойчивости проектов требует стратегического подхода. Успешные проекты не должны оставаться единичными случаями. Необходимо создавать механизмы их масштабирования, развития и передачи опыта. Это может включать в себя создание "банка идей" и "банка проектов", где лучшие наработки будут храниться и развиваться. Формирование студенческих проектных команд, которые будут работать над одним проектом на протяжении нескольких лет, или создание "клубов выпускников-проектировщиков", которые будут поддерживать текущие проекты, также может способствовать устойчивости. Важно также налаживать связь с выпускниками, которые уже успешно реализуют свои проекты вне стен колледжа, чтобы они могли делиться своим опытом и выступать в роли наставников для нынешних студентов. Таким образом, центры социально-культурного проектирования в учреждениях СПО, подобно ЛОККиИ, могут стать не просто площадками для генерации идей, а настоящими инкубаторами социальных инноваций, способными трансформировать жизнь региона и формировать новое поколение активных и ответственных граждан.

Заключение

Опыт Ленинградского областного колледжа культуры и искусства демонстрирует, что центры социально-культурного проектирования в учреждениях среднего профессионального образования

обладают значительным потенциалом для формирования активной, творческой и социально ответственной молодёжи. Однако для реализации этого потенциала необходимо системное решение существующих проблем, включающее финансовую поддержку, мотивацию участников, методическую подготовку, развитие партнёрских связей и внедрение современных технологий.

Только комплексный подход позволит создать устойчивую и эффективную платформу, способствующую не только профессиональному развитию студентов, но и укреплению культурного пространства региона. Важно, чтобы социально-культурное проектирование стало неотъемлемой частью образовательной среды, формируя у обучающихся навыки, востребованные в современном обществе, и стимулируя их активное участие в жизни сообщества.

Перспективы развития центров социально-культурного проектирования в СПО связаны с расширением межведомственного сотрудничества, интеграцией инновационных образовательных практик и постоянным обновлением содержания проектной деятельности с учётом меняющихся социальных и культурных реалий. В этом контексте опыт ЛОККИ может служить примером успешной реализации подобных инициатив и вдохновлять другие учреждения на создание и развитие собственных центров, способных стать

Проектная деятельность — неотъемлемый элемент современного образования, особенно в творческой сфере. Она формирует ключевые профессиональные и личностные компетенции, необходимые для успешной адаптации в динамично меняющемся мире. Работа над проектами развивает аналитическое мышление, умение находить эффективные решения и воплощать их на практике. Это способствует формированию активной гражданской позиции, ответственности и инициативности.

Более того, проектная деятельность направлена на решение актуальных социальных проблем в таких областях, как экология, образование, здравоохранение и социальная защита. Обучая студентов проектному подходу, мы воспитываем поколение, способное не только адаптироваться к переменам, но и активно влиять на них, внося вклад в устойчивое развитие общества.

Таким образом, проектная деятельность — это инструмент подготовки компетентных и социально ответственных специалистов, готовых решать сложные задачи современности.

Исследование показало, что существующие центры социально-культурного проектирования сталкиваются с серьёзными трудностями в осуществлении своей деятельности. Тем не менее опыт Ленинградской области показывает, что даже при наличии существенных ограничений возможна организация качественных мероприятий, способствующих развитию креативности, повышению мотивации студентов и укреплению связи с обществом.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в разработке комплексной программы поддержки и стимулирования развития центров социально-культурного проектирования, создании условий для систематической научно-методической работы и регулярной оценки эффективности проделанной работы.

Библиографический список:

1. Афанасьева Т.В., Баскакова О.А. Современные подходы к организации внеклассной работы в учреждениях среднего профессионального образования // Педагогическое образование и наука. — 2018. — № 4. — С. 64—68.
2. Левицкая Ю.Ю. Особенности учебно-воспитательной работы в профессиональном образовании: пути совершенствования // Молодой ученый. — 2019. — № 3. — С. 125—128.
3. Мартынов Г.Н. Управление проектом: основы теории и практики. Учебное пособие. СПб.: Издательство Политехнического университета, 2016. — 216 с.
4. Савенков А.И. Культура и образование: взаимосвязь, взаимодействие, взаимозависимость // Социальные и гуманитарные знания. — 2017. — № 1. — С. 145—151.
5. Шуклина Е.С. Межкультурное взаимодействие как фактор личностного роста студента в современном вузе // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия: Инновационное образование. — 2018. — № 2. — С. 105—110.

Бузуртанова Ясмينا Абукаровна

ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»
студент 3 курса кафедры «история /общества»

Шакриева Раяна Заурбековна

студент 3 курса кафедры «история /общества»
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Кокорхоева Дугурхан Султангиреевна

научный руководитель, к.и.н., доцент, профессор ИнГУ
ФГБОУ ВО «Ингушский государственный университет»

Buzurtanova Yasmina Abukarovna

3rd year student, Department of History / Society,
Ingush State University

Shakrieva Rayana Zaurbekovna

3rd year student, Department of History / Society,
Ingush State University

Kokorhoeva Dugurkhan Sultangireevna

Scientific supervisor, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of IngSU
Ingush State University

УДК 008

**ПЕСНИ И ТАНЦЫ ИНГУШЕЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ЕГО
СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ****SONGS AND DANCES OF THE INGUSH: A HISTORICAL AND CULTURAL
PHENOMENON AND ITS MODERN INTERPRETATION**

Аннотация. В статье рассматривается богатая и многогранная традиция ингушского песенно-танцевального искусства. Анализируются исторические корни, жанровое разнообразие, символическое значение и роль песен и танцев в формировании этнической идентичности ингушского народа. Особое внимание уделяется современной интерпретации традиционного искусства и его адаптации к условиям глобализирующегося мира. Исследуются вопросы сохранения и популяризации культурного наследия ингушей в контексте современных социокультурных процессов.

Abstract. The article examines the rich and multifaceted tradition of Ingush song and dance art. It analyzes the historical roots, genre diversity, symbolic meaning, and role of songs and dances in shaping the ethnic identity of the Ingush people. Special attention is given to the modern interpretation of traditional art and its adaptation to the conditions of a globalizing world. The article explores the issues of preserving and promoting the cultural heritage of the Ingush people in the context of contemporary sociocultural processes.

Ключевые слова: ингуши, музыкальная культура, фольклор, песни, танцы, традиции, этническая идентичность, современность, культурное наследие.

Keywords: Ingush, musical culture, folklore, songs, dances, traditions, ethnic identity, modernity, and cultural heritage.

Введение.

Ингушская культура, уходящая корнями в глубь веков, представляет собой уникальный сплав древних традиций и новаторских мотивов. Особое место в этом наследии занимают песни и танцы – яркие, самобытные формы народного искусства, отражающие мировоззрение, историю и духовные ценности ингушского народа. Изучение песен и танцев ингушей позволяет не только понять их эстетическую ценность, но и раскрыть глубинные пласты национальной идентичности, проследить эволюцию культурных представлений и ценностных ориентаций. Данная статья посвящена всестороннему анализу ингушского песенно-танцевального искусства, его историческому развитию, жанровому разнообразию, символическому значению и современной интерпретации.

Песни и танцы ингушей: Историко-культурный феномен

Формирование самобытной песенно-танцевальной культуры ингушей происходило на протяжении многих веков под влиянием различных исторических, географических и социальных факторов. Археологические находки и этнографические исследования свидетельствуют о существовании древних ритуальных плясок и песен, связанных с культом плодородия, почитанием предков и другими языческими верованиями. На протяжении столетий ингушская культура подвергалась воздействию соседних народов, однако, благодаря своей устойчивости и внутренней силе, смогла сохранить свою уникальность и самобытность. Эпические сказания, героические песни, трудовые песни, обрядовые танцы – все это формировало богатое и разнообразное песенно-танцевальное наследие ингушей. Важным этапом в развитии ингушской музыкальной культуры стало принятие ислама, которое оказало значительное влияние на духовно-нравственные ценности и эстетические идеалы народа. [8, с. 74]

Анализируя произведение А.И. Базоркина «Горское паломничество», можно выделить следующий отрывок:

«Песни их протяжны и печальны, словно ветер, гуляющий в ущельях. Голоса певцов, мужественные и сильные, рассказывают о подвигах предков, о любви и разлуке, о трудной жизни в горах. Танцы их – это вихрь огня и страсти. Юноши, ловкие и гибкие, демонстрируют свою силу и удаль, девушки, плавные и грациозные, завораживают своей красотой и изяществом. Под звуки доула и зурны ноги сами пускаются в пляс, сердца наполняются радостью и восторгом. В танце они выражают свои чувства, свою любовь к родной земле, свою веру в светлое будущее.» [5, с. 80]

Ингушская песенная традиция отличается богатством жанров и форм. Песни классифицируются по различным признакам: по содержанию (героические, исторические, лирические, трудовые, обрядовые), по форме исполнения (сольные, хоровые, ансамблевые), по назначению (ритуальные, праздничные, бытовые). Особое место занимают героические песни – илли, воспевающие подвиги национальных героев, их мужество и самоотверженность в борьбе за свободу и независимость. Исторические песни повествуют о важных событиях в жизни ингушского народа, о войнах и восстаниях, о борьбе с иноземными захватчиками. Лирические песни – это отражение чувств и переживаний простого человека, его любви, тоски, радости и печали. Трудовые песни сопровождали различные виды хозяйственной деятельности, помогая ритмизовать работу и поднимать настроение. Обрядовые песни исполнялись во время свадеб, похорон, праздников и других важных событий в жизни общины. [2, с. 8]

Ингушские песни отличались разнообразием жанров: трудовые, героические, лирические, обрядовые, шуточные.

Трудовые песни обычно исполнялись во время работы в поле, сенокоса, жатвы. Они помогали ритмизировать труд и поднимать настроение. Героические песни (илли) воспевали подвиги нарт-орстхоевских богатырей, их силу, мужество и благородство. Лирические песни отражали чувства любви, печали, тоски по родине. Обрядовые песни исполнялись во время свадеб, похорон, религиозных праздников. Шуточные песни высмеивали недостатки людей и комические ситуации. [10, с. 83]

Ингушские танцы – это не просто набор движений, это сложный язык тела, выражающий чувства, эмоции, представления о мире. Каждый жест, каждый поворот, каждый прыжок имеет свое символическое значение, уходящее корнями в древние верования и обряды. Мужские танцы отличаются силой, энергией, мужественностью, демонстрируя ловкость, воинскую доблесть и готовность к защите своей земли. Женские танцы отличаются грацией, изяществом, плавностью движений, отражая женственность, скромность и достоинство. Парные танцы символизируют единство мужчины и женщины, их любовь, верность и взаимоуважение.

В танце временами мужчина мог слегка заметным касанием носка партнерши сбить ход её танца, если она задавала тон и ускоряла ритм движения. «Чоал ког техар», – говорили в этом случае, то есть юноша поставил подножку. [11, с. 95]

В танцах всегда особое значение придавалось рукам. В хореографическом искусстве существует даже наука о выразительности рук и пальцев. Выразительная пластика тела и рук, знание жизни и характеров позволяет танцорам передавать в движениях то, что трудно выразить словами.

Хореографическое искусство народа – это неисчерпаемый источник художественной культуры народа. Это дух народа, его культура, этикет и нравственность. Танцы способствовали физическому и духовному совершенствованию людей, их эстетическому и нравственному воспитанию, в частности, развитию в них чувства красоты и доброты. [12, с. 57]

Самый популярный массовый танец – «Встреча». Юноши и девушки выстраиваются на противоположных сторонах, горянка выходит в центр и начинает танцевать. Молодые люди поддерживают её аплодисментами, а потом тот, кому она понравилась, выходит навстречу и танцует с ней, пытаясь привлечь её внимание. Похожие танцы есть и у других народов Кавказа. С их помощью молодёжь знакомилась, потому что строгое воспитание не позволяло юношам и девушкам встречаться просто так». [14, с. 172]

Другой исторический танец – «У родника» - парный, и ведущая роль в нём у девушки. Он тоже сохранился с тех времён, когда влюблённые не могли признаться в чувствах просто так и были вынуждены встречаться как бы случайно. Например, девушка уходила за водой к ручью, не зная, что там её поджидал воздыхатель. [9, с. 79]

«Танец у родника» исполняют под медленную музыку, и в нём девушка демонстрирует свою пластичность. Она танцует сольно, затем к ней присоединяется партнёр. В конце он подаёт девушке кувшин, и та танцует ещё некоторое время, осторожно придерживая его на плече, будто он действительно наполнен родниковой водой». [4, с. 39]

Хотелось бы проанализировать труд Ибрагима Юнусовича Алироева «Язык, история и культура вайнахов» – это комплексное исследование, проливающее свет на ключевые аспекты этногенеза, языковой эволюции и культурных традиций чеченского и ингушского народов. Автор предпринимает попытку целостного осмысления вайнахской цивилизации, раскрывая взаимосвязь языка, истории и культурного наследия.

Произведение также затрагивает вопросы материальной и духовной культуры вайнахов. Описываются традиционные занятия, ремесла, фольклор, религиозные верования и общественный строй, а также песни и танцы ингушей в контексте культурного наследия вайнахов. Алироев показывает, как язык отражает все эти аспекты культуры, формируя целостное представление о вайнахской идентичности.

Несмотря на то, что работа была издана в 1990 году, она сохраняет свою актуальность и сегодня. Книга представляет собой ценный источник информации как для специалистов – лингвистов, историков, этнографов – так и для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой народов Кавказа. Она помогает понять глубинные корни вайнахской цивилизации и ее вклад в общечеловеческое наследие. Книга не просто констатирует факты, а показывает их взаимосвязь, создавая объемную картину прошлого и настоящего вайнахского народа. [1, с. 81]

В прошлом, как и сегодня, танцы оказывали мощное влияние на зрителей. Пляски были неотъемлемой частью повседневной, гражданской и общественной жизни, и владели ими повсеместно. В Кавказе, в частности, путешественники и ученые описывали ингушские танцы как захватывающее зрелище. На свадьбах, известных как «ловзар» (что означает «игрище»), танцы, наряду с джигитовкой и песнями, составляли важную часть ритуала. [16, с. 157] Основу ингушской хореографии составлял парный танец, отражающий этические нормы: юноша вел девушку, имитируя жизненный путь супружеской пары, где каждому отведена своя роль. Интересно, что танцевать могли только девушки, в то время как замужние женщины участвовали редко, опасаясь расторгнуть брак. Танцы также служили своеобразным смотром, демонстрируя культуру и этикет молодежи. Юноши поражали ловкостью и виртуозностью, а девушки изяществом и грацией, создавая вместе гармоничное зрелище, которое вдохновляло на стремление быть лучше. Традиционно, движения девушек были скромными: мелкие шаги, руки не выше сердца, ладони вниз – поднятие ладоней вверх считалось неприличным. Шаги юношей также имели ограничения, не превышая размер руки до локтя. [3, с. 11]

Народный танец ингушей — это не просто изящное и виртуозное исполнение, это еще и выражение традиций, характера народа. Плавные и красивые движения девушек, строгость, скромность и вместе с тем грациозность, стремительные движения юношей, их ловкость, сила и талант покоряли зрителей. В ингушских танцах привлекают не внешние трюки, а целомудрие, элегантность, грация, благородство осанки, совершенство владения своей пластикой», — писал Р. Нашхоев. [13, с. 57]

Неотъемлемой частью ингушской песенно-танцевальной культуры является музыкальное сопровождение. Традиционные инструменты, такие как дахчан-пандар (трехструнный смычковый инструмент), фата-пандар (струнный щипковый инструмент), бубен, зурна, гармонь, создают неповторимую атмосферу и придают песням и танцам особый колорит. Музыка ингушей отличается мелодичностью, ритмичностью и эмоциональной насыщенностью. Она отражает душевные

переживания народа, его радости и печали, надежды и стремления. Искусные музыканты-исполнители передают из поколения в поколение секреты мастерства, сохраняя и развивая традиции национальной музыкальной культуры. [17, с. 92]

Современная интерпретация песен и танцев ингушей.

Очень отрадно, что сегодня у нас выпускаются такие сборники, как «ГалГай иллеш» (2020 г.), «Ингушские народные песни» (2021 г.), «Дахалда иллеш» (2022 г.), «Музыкальный атлас Ингушетии» (2023 г.) В настоящее время к 100-летию юбилею государственности ингушского народа в Республиканском Доме народного творчества и культурно-массовых мероприятий подготовлен сборник «100 лучших ингушских песен». Ведь, согласитесь, песни обретают значение исторического документа. [7, с. 228]

Сборник «100 лучших ингушских песен» сохранит народные истоки и будет служить хорошим подспорьем в дальнейшей работе для музыкантов, композиторов, любителей и ценителей ингушского музыкального искусства, станет хорошим материалом для музыкальных учреждений.

Выход в свет сборника «100 лучших ингушских песен» к знаменательной дате – 100-летию государственности ингушского народа – имеет особое символическое значение. Это своеобразный подарок будущим поколениям, свидетельство непрерывности культурной традиции и преемственности поколений. Сборник станет ценным источником для изучения ингушской культуры, поможет глубже понять самобытность и духовные ценности народа. [6, с. 184]

Важно подчеркнуть, что сохранение и популяризация народной песни – это не только задача профессиональных деятелей культуры, но и долг каждого гражданина, любящего свою родину и уважающего ее историю. Поддержка таких проектов, как издание сборника «100 лучших ингушских песен», является важным вкладом в сохранение культурной самобытности ингушского народа и укрепление духовных ценностей общества.

В условиях глобализации и унификации культур песенно-танцевальное искусство приобретает особую значимость как средство сохранения и трансляции этнической идентичности. Песни и танцы являются не только формой художественного самовыражения, но и важным инструментом передачи исторической памяти, культурных ценностей и нравственных ориентиров от поколения к поколению. Они укрепляют чувство национальной гордости, формируют уважение к традициям предков и способствуют консолидации общества.

В современном мире ингушское песенно-танцевальное искусство переживает период активного развития и обновления. С одной стороны, сохраняются и поддерживаются традиционные формы, с другой – появляются новые интерпретации и эксперименты. Молодые музыканты и танцоры проявляют интерес к наследию предков, стремятся изучать и осваивать традиционные техники, при этом привнося в них свое видение и индивидуальность. Фольклорные ансамбли и творческие коллективы активно гастролируют, представляя ингушскую культуру на международных фестивалях и конкурсах. [18, с. 124]

Несмотря на позитивные тенденции, ингушское песенно-танцевальное искусство сталкивается с рядом проблем, связанных с его сохранением и популяризацией. Среди них: недостаточное финансирование, отсутствие специализированных учебных заведений, низкий уровень интереса к традиционной культуре со стороны молодежи, влияние массовой культуры и др. Для решения этих проблем необходимо принятие комплексных мер, направленных на поддержку фольклорных ансамблей, организацию фестивалей и конкурсов, создание музеев и архивов, популяризацию ингушской культуры в средствах массовой информации и образовательных учреждениях. [15, с. 84, с. 127.]

Важная роль в сохранении и популяризации ингушской культуры принадлежит государству и общественным организациям. Государственная поддержка должна быть направлена на финансирование культурных проектов, развитие инфраструктуры, подготовку кадров и популяризацию ингушской культуры за рубежом. Общественные организации могут активно участвовать в организации фестивалей, конкурсов, выставок, конференций, а также в проведении образовательных программ и мастер-классов.

Заключение.

Ингушские песни и танцы – это бесценное сокровище, которое необходимо бережно хранить и передавать будущим поколениям. Они являются не только частью культурного наследия ингушского народа, но и важным фактором сохранения этнической идентичности и укрепления духовных ценностей. Изучение и популяризация ингушского песенно-танцевального искусства

способствует взаимопониманию и сотрудничеству между народами, обогащает мировую культуру и способствует формированию толерантного и гармоничного общества. Дальнейшие исследования в этой области откроют новые грани уникального культурного феномена и позволят более глубоко понять историю и душу ингушского народа.

Библиографический список:

1. Алироев И.Ю. Язык история и культура вайнахов – Грозный 1990.
2. Алмазова И.Г. Архивный вестник Выпуск III. – Назрань 2006.
3. Архивные материалы Ингушского научно-исследовательского института им. Ч.Э. Ахриева.
4. Ахриев Ч.М. Ингушские праздники. – СПб: Лань, 2014.
5. Базоркин А.И. «Горское паломничество» Грозный 1980.
6. Броневский С.М. Кисты. – Грозный 1973.
7. Дзаурова Т. А.-Х. Музыкальный атлас. Ингушетия: в 2-х томах. Т. 1. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2023.
8. Зязиков М.М. Традиционная культура Ингушей: история и современность. – Ростов-на-Дону, 2004.
9. Кодзоев Н.Д. История Ингушского народа. – Саратов, 2000.
10. Мальсагов А.О. Нарт-ортсхойский эпос вайнахов. – Грозный, 1970.
11. Мальсагов З.К. Героико-эпические песни ингушей. – М., 1983.
12. Маргграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. – М., 1882.
13. Нашхоев Р.М. Чародей танца. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1982.
14. Пешковский А.М. Избранные труды. – М., 1959.
15. Сборник статей и материалов по этнографии ингушей. – Назрань, 2006.
16. Сулейманов А.С. Топонимия Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1980.
17. Танкиев А.Х. ГалГай фольклор. – Грозный, Чечено-Ингушское книжное издательство, 1991.
18. Танкиев А.Х. Ингуши: история, культура, традиции. – Магас, 2006.

Аллаберганов Азизбекстарший преподаватель кафедры общественных наук
Ташкентского государственного медицинского университета**Allaberganov Azizbek**

Senior Lecturer, Department of Social Sciences, Tashkent State Medical University

УДК 070

ЦИФРОВАЯ МЕДИЦИНА И ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ**DIGITAL MEDICINE AND HUMANISTIC VALUES**

Аннотация. В данной статье анализируется влияние цифровых технологий на гуманистические основы современной медицины. Показано, что цифровизация здравоохранения — использование искусственного интеллекта, телемедицины, электронных медицинских карт и биометрических систем — не только повышает эффективность диагностики и лечения, но и ставит под вопрос ценности доверия, эмпатии и личного общения между врачом и пациентом. В статье рассматриваются пути сохранения гуманистического измерения медицины в условиях технологической трансформации.

Abstract. This article analyzes the impact of digital technologies on the humanistic foundations of modern medicine. It is shown that the digitalization of healthcare—through the use of artificial intelligence, telemedicine, electronic medical records, and biometric systems—not only enhances the efficiency of diagnosis and treatment, but also calls into question the values of trust, empathy, and personal communication between physicians and patients. The article discusses ways to preserve the humanistic dimension of medicine in the context of technological transformation.

Ключевые слова цифровая медицина, гуманизм, этика, искусственный интеллект, коммуникация, доверие, пациент, врач

Keywords: digital medicine, humanism, ethics, artificial intelligence, communication, trust, patient, physician

1. Цифровая медицина как этап развития: философско-антропологический анализ

Цифровая медицина представляет собой новый этап развития системы здравоохранения, определяемый научно-техническим прогрессом и цифровой трансформацией современного общества. Использование искусственного интеллекта, больших данных, телемедицины и электронных медицинских карт изменяет не только технологические основы диагностики и лечения, но и коренным образом трансформирует парадигму медицинского мышления [12; 13; 19]. С философской точки зрения этот процесс можно рассматривать как переход от классической клинической медицины к гуманистической модели, поддерживаемой технологическими средствами.

С позиций философии науки цифровизация продолжает логику рационализации, описанную М. Вебером, при которой социальные практики подчиняются принципам эффективности, формализации и управляемости [7]. По мере того как медицинская деятельность всё больше опирается на стандарты, протоколы и алгоритмы, повышаются точность и предсказуемость клинических решений. Одновременно с этим сужается пространство индивидуального врачебного решения и клинической интуиции.

М. Фуко в работе «Рождение клиники» показал, что медицинское знание формирует тело пациента как объект научного анализа [5]. В условиях цифровой медицины этот «клинический взгляд» приобретает алгоритмический характер: пациент всё чаще рассматривается как цифровой профиль, включающий биометрические данные, медицинские изображения и статистические показатели. Это изменяет эпистемологические основания врачебного знания, при котором понимание человека формируется не через личное наблюдение, а через анализ данных.

С точки зрения философской антропологии подобная трансформация порождает вопросы о статусе человека в цифровом здравоохранении. С одной стороны, технологии позволяют реализовать персонализированную медицинскую помощь, учитывающую индивидуальные биологические особенности пациента [12]. С другой стороны, возникает риск восприятия личности лишь как

совокупности количественных параметров, что противоречит гуманистическому пониманию человека как целостного существа, включающего телесные, психические и духовные измерения [6; 10].

В философии техники М. Хайдеггер подчеркивал, что техника не является нейтральным инструментом, а представляет собой особый способ раскрытия мира и бытия [6]. В применении к медицине это означает, что цифровые технологии не только помогают лечению, но и изменяют само понимание здоровья, болезни и нормы. Болезнь начинает восприниматься как техническая проблема, а лечение — как процесс управления данными.

Цифровая медицина также трансформирует профессиональную роль врача. В традиционной модели врач обладал уникальными знаниями и клиническим опытом, тогда как в цифровой среде он всё чаще работает совместно с системами поддержки принятия решений и алгоритмами искусственного интеллекта [11; 13]. Это требует новой структуры ответственности и формирования новой формы профессиональной рефлексии. Возникает риск подчинения клинического решения алгоритмическим рекомендациям.

С философско-этической точки зрения цифровизация должна рассматриваться как амбивалентный процесс. С одной стороны, она расширяет доступ к медицинской помощи, повышает точность диагностики и способствует развитию профилактической медицины [14]. С другой — усиливает тенденции деперсонализации и технологического отчуждения, что может ослабить гуманистические основы медицинской практики [18; 19].

Таким образом, цифровую медицину следует понимать не только как совокупность инновационных технологий, но и как сложный социокультурный феномен, влияющий на образ человека, структуры медицинского знания и ценности врачебной деятельности. Осмысление философских и антропологических последствий цифрового здравоохранения является необходимым условием построения гуманистически ориентированной модели медицины.

2. Гуманизм и персонализм в традициях медицины: ценности врачебной деятельности

Корни гуманистического понимания медицины восходят к античности, прежде всего к учению Гиппократу, в котором врачебная практика рассматривалась как форма служения человеку, а здоровье понималось в контексте целостности личности [1]. Гиппократ подчеркивал значение эмпатии, сочувствия и личного общения между врачом и пациентом, что и сегодня составляет основу медицинской этики [1; 5].

В эпоху гуманизма и Возрождения ценность личности выходит на первый план. Медицинская деятельность рассматривается не только как техника лечения, но и как забота о человеческом достоинстве, где субъективный опыт болезни становится важной частью терапевтического процесса [5; 9]. С развитием научной медицины усиливается тенденция биологического редукционизма, при котором пациент нередко воспринимается лишь через объективные показатели. Это порождает философские размышления о статусе личности в медицине и необходимости сохранения гуманистических ценностей [6; 10].

Персоналистическая философия XX века (Э. Мунье, М. Бубер, К. Войтыла) продолжает гуманистическую традицию, подчеркивая абсолютную ценность личности и невозможность её редукции к биологическим или социальным характеристикам [2; 3; 4]. В медицинском контексте персонализм требует рассматривать пациента не как объект клинических манипуляций, а как активного участника лечебного процесса. Врач выступает не только носителем знания, но и партнером в совместном принятии решений, учитывающим этические и экзистенциальные аспекты болезни наряду с биологическими параметрами [3; 4].

Развитие биоэтики во второй половине XX века стало институциональным закреплением гуманистических и персоналистических принципов в медицине. Основные принципы биоэтики — автономия, благодеяние, непричинение вреда и справедливость — задают устойчивые нравственные стандарты практики и приобретают особое значение в условиях цифровизации [8; 9]. Принцип автономии подчеркивает, что пациент является не просто объектом лечения, а личностью, способной участвовать в оценке рисков и принятии решений [8].

В цифровой медицине сохранение этих ценностей становится ключевой задачей. Алгоритмизация и использование ИИ усиливают стандартизацию и формализацию процессов, создавая риск замены личностного и морального выбора техническими решениями [11; 12; 20]. Персонализм и биоэтика задают здесь этические ориентиры, ограничивающие сферу применения технологий, защищающие права и автономию пациента и сохраняющие диалогическую модель

«врач–пациент» [2; 3; 8; 9].

3. Цифровые технологии и модель «врач–пациент»: коммуникация и доверие

Традиционная медицина основывалась на личном контакте между врачом и пациентом, где центральное место занимали эмпатия, доверие и общение. Именно в этом контексте формируется терапевтический альянс, объединяющий моральную ответственность врача и автономию пациента в процессе принятия решений [1; 2; 16]. Коммуникация здесь выступает не просто как обмен информацией, а как ключевой механизм реализации гуманистических и персоналистических принципов [3; 4].

С появлением цифровых технологий структура взаимодействия трансформируется. Электронные медицинские карты, телемедицинские платформы, алгоритмы поддержки решений и мобильные приложения сокращают количество личных контактов и ориентируют коммуникацию преимущественно на передачу данных [12; 13; 19]. Это повышает скорость диагностики и расширяет доступ к медицинской помощи, но одновременно усиливает риск дистанцирования пациента и ослабления эмпатии [17; 18].

Доверие, ранее направленное преимущественно на личность врача, частично переносится на технологии и алгоритмы. Пациенты могут воспринимать системы ИИ как «объективного эксперта» [11; 12]. Однако алгоритмы не способны учитывать экзистенциальный опыт болезни, эмоциональное состояние пациента и культурный контекст, которые имеют важное значение для доверия и эмоциональной безопасности [18; 19].

С философской точки зрения такая трансформация противоречит персоналистической и гуманистической парадигме, в которой пациент рассматривается как активный субъект, обладающий ценностями, предпочтениями и уникальным жизненным опытом [2; 3]. Персонализм подчеркивает, что технологические решения должны укреплять человеческий диалог, а не заменять его [3; 4]. Врач остается моральным и эмоциональным посредником, тогда как цифровые инструменты служат ресурсом, повышающим качество помощи.

4. Искусственный интеллект и техноэтика: проблемы ответственности и морального выбора

Внедрение ИИ в медицину расширяет возможности диагностики, прогноза и персонализированного лечения, но одновременно порождает сложные этические и философские вопросы [11; 12; 14]. Алгоритмы, каким бы высоким ни был их уровень точности, не обладают моральным сознанием и не могут нести ответственность за свои решения [10; 20].

Использование ИИ ставит под вопрос традиционное понимание врачебной ответственности. В классической модели врач лично отвечает за принятое решение, руководствуясь принципами благодеяния, непричинения вреда и справедливости [1; 8; 9]. В цифровой среде часть решений опосредуется алгоритмами, что создаёт риск размывания моральных границ и подмены человеческого суждения техническими рекомендациями [11; 17].

Техноэтика рассматривает технологии как объекты моральной оценки и подчеркивает, что алгоритмы должны оставаться вспомогательными средствами, а не моральными агентами [6; 20]. Окончательная нравственная оценка решений принадлежит человеку [8; 10; 12].

5. Пути сохранения гуманистического измерения в условиях цифровой медицины

Цифровизация здравоохранения расширяет возможности медицины, но требует комплексных мер по сохранению гуманистических и персоналистических ценностей [2; 3; 6; 8].

Первое направление — интеграция философии и этики в медицинское образование. Врачи должны уметь критически оценивать технологии, осознавать моральную ответственность, уважать автономию пациента и сохранять эмпатию [8; 9; 12].

Второе — разработка этических и правовых норм использования ИИ, обеспечивающих прозрачность алгоритмов и приоритет человеческого контроля [14; 15; 17].

Третье — сохранение модели «врач–пациент», где личное общение и эмпатия остаются ключевыми элементами, а технологии усиливают, а не заменяют человеческий контакт [18; 19].

Четвертое — развитие подлинной персонализации, учитывающей не только биологические, но и ценностные и культурные особенности пациента [12; 18].

Пятое — формирование культуры моральной ответственности всех участников цифровой медицины [6; 10; 12; 20].

Таким образом, сохранение гуманистического измерения возможно через гармонизацию технологий с принципами гуманизма, персонализма и биоэтики, где цифровые инструменты служат

человеку, а не заменяют его [2; 3; 8; 12; 18].

Библиографический список:

1. Gippokrat. Izbrannye knigi. — М.: Meditsina, 1984.
2. Buber M. Ya i Ty. — М.: Respublika, 1995.
3. Munye E. Personalizm. — М.: Iskusstvo, 1992.
4. Vojtyla K. Lichnost' i postupok. — М.: Izd-vo filosofskoy literatury, 2000.
5. Fukko M. Rozhdenie kliniki. Arheologiya meditsinskogo vzglyada. — М.: Smysl, 1998.
6. Haydegger M. Vopros o tekhnike // Vremya i bytie. — М.: Respublika, 1993.
7. Veber M. Khozyaystvo i obshchestvo. — М.: Yurist, 1994.
8. Bosham T., Childress Dzh. Printsipy biomeditsinskoj etiki. — М.: GEOTAR-Media, 2018.
9. Potter V. R. Bioetika: most v budushchee. — Kiev: Naukova dumka, 2002.
10. Jonas H. The Imperative of Responsibility. — Chicago: University of Chicago Press, 1984.
11. Floridi L. The Ethics of Artificial Intelligence. — Oxford: Oxford University Press, 2019.
12. Аллаберганов, А. Цифровая медицина и Гуманистические ценности. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17926359> Topol E.; Deep Medicine: How Artificial Intelligence Can Make Healthcare Human Again. — New York: Basic Books, 2019.
13. Shortliffe E., Cimino J. Biomedical Informatics. — London: Springer, 2014.
14. World Health Organization. Ethics and Governance of Artificial Intelligence for Health. — Geneva, 2021.
15. European Commission. Ethics Guidelines for Trustworthy AI. — Brussels, 2019.
16. Emanuel E. J., Emanuel L. L. “Four Models of the Physician-Patient Relationship” // JAMA. — 1992. — Vol. 267.
17. Mittelstadt B. et al. “The Ethics of Algorithms” // Big Data & Society. — 2016.
18. Verghese A. “The Importance of the Human Touch in Medicine” // NEJM. — 2018.
19. Lupton D. Digital Health: Critical Perspectives. — London: Routledge, 2017.
20. Coeckelbergh M. AI Ethics. — Cambridge: MIT Press, 2020.

Худайбергенова Патма Ташпулатовнадоцент кафедры общественных наук, д.ф.н.
Ташкентский государственный медицинский университет**Khudaybergenova Patma Tashpulatovna**Associate Professor of the Department of Social Sciences, PhD
Tashkent State Medical University

УДК 378.147

**МЕДИЦИНСКАЯ ГУМАНИСТИКА КАК ОСНОВА ЭТИЧЕСКОГО КАРКАСА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ВРАЧА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ****MEDICAL HUMANISTICS AS THE BASIS OF THE ETHICAL FRAMEWORK OF
PROFESSIONAL TRAINING OF A PHYSICIAN: CHALLENGES AND PROSPECTS**

Аннотация. В статье анализируется роль медицинской гуманистики в формировании этического фундамента профессиональной подготовки врача. Рассматриваются ключевые вызовы современного медицинского образования: технологизация клинической практики, снижение уровня эмпатии, стандартизация мышления, эмоциональное выгорание и недостаточная интеграция гуманитарных дисциплин. Обосновывается необходимость междисциплинарного подхода, включающего биоэтику, философию медицины, нарративную медицину, культурную антропологию и коммуникационные практики. Показано, что медицинская гуманистика формирует профессиональную идентичность врача, развивает этическое мышление, культурную чувствительность и коммуникативную компетентность.

Abstract. The article analyzes the role of medical humanism in shaping the ethical foundation of physician training. It addresses key challenges of contemporary medical education: technologization, declining empathy, standardization of thinking, burnout, and insufficient integration of the humanities. The study substantiates the need for an interdisciplinary approach including bioethics, philosophy of medicine, narrative medicine, cultural anthropology, and communication practices. Medical humanities are shown to shape professional identity, ethical reasoning, cultural sensitivity, and communicative competence of physicians.

Ключевые слова: медицинский гуманизм, биоэтика, профессиональная идентичность врача, эмпатия, медицинское образование, нарративная медицина.

Keywords: medical humanism, bioethics, professional identity, empathy, medical education, narrative medicine.

Введение

Стремительное развитие биомедицинских технологий, искусственного интеллекта, телемедицины и цифровых диагностических систем существенно трансформирует клиническую практику. Врач всё чаще работает в условиях алгоритмизации решений и технологически опосредованного взаимодействия с пациентом. Однако усиление технологического компонента медицины парадоксальным образом обостряет необходимость гуманистического измерения профессии, основанного на уважении достоинства личности, эмпатии, ответственности и нравственном выборе [1,2].

Современная медицина — это не только наука и технология, но и пространство человеческих переживаний, страданий, надежд и ценностей. Без гуманитарного измерения она рискует превратиться в технократическую систему оказания услуг, в которой утрачивается личностный смысл врачебной деятельности [3]. В этом контексте медицинская гуманистика становится стратегическим компонентом профессионального образования врача.

Медицинская гуманистика как междисциплинарное поле

Медицинская гуманистика объединяет философию, биоэтику, историю медицины, культурную антропологию, психологию, теорию коммуникации и нарративную медицину. Её задача — осмысление человеческого измерения болезни и лечения, формирование целостного понимания пациента как личности, а не носителя диагноза [4].

Биоэтика формирует нормативную основу медицинских решений, опираясь на принципы уважения автономии пациента, благодеяния, непричинения вреда и справедливости [1]. Концепции ценностно-ориентированной медицины подчеркивают необходимость учитывать индивидуальные ценности пациента в клиническом процессе [5]. Нарративная медицина, в свою очередь, учит врача «слышать» историю болезни как личный жизненный опыт пациента, что усиливает клиническое мышление и эмпатическое понимание [2].

Технологизация медицины и утрата гуманистического измерения

Одной из наиболее заметных характеристик медицины XXI века является её стремительная технологизация. Использование искусственного интеллекта, систем поддержки клинических решений, роботизированной хирургии, телемедицины и больших данных существенно расширяет диагностические и терапевтические возможности врача. Однако вместе с ростом технологической эффективности возникает риск смещения акцента с личности пациента на цифровые показатели, алгоритмы и протоколы [1].

Клиническое мышление всё чаще строится по модели обработки данных, где пациент представлен в виде набора параметров, изображений и лабораторных значений. В таких условиях уменьшается пространство для личного диалога, эмпатического слушания и учета субъективного опыта болезни. Болезнь начинает восприниматься как биологический сбой, а не как экзистенциальное событие в жизни человека [2]. Это ведёт к редукционизму, при котором страдание пациента утрачивает своё гуманитарное и культурное измерение.

Исследования в области медицинского образования фиксируют тенденцию к снижению эмпатии у студентов старших курсов, что связывают с перегрузкой, стрессом, высокой конкуренцией и ориентацией на технологические компетенции в ущерб межличностным навыкам [6]. В результате формируется модель врача-оператора, эффективно работающего с технологиями, но испытывающего трудности в построении доверительных отношений с пациентом.

Подобная трансформация имеет и системные последствия: рост числа жалоб, снижение удовлетворенности медицинской помощью, ослабление терапевтического альянса и усиление профессионального выгорания [7]. Гуманистическое измерение медицины оказывается вытесненным логикой эффективности. Медицинская гуманистика призвана восстановить баланс, напоминая, что клиническое решение всегда является не только техническим, но и нравственным актом, затрагивающим человеческое достоинство [1,5].

Формирование профессиональной идентичности врача

Профессиональная идентичность врача формируется на пересечении знаний, навыков, ценностей и личного опыта. Она определяет, как специалист понимает свою роль, ответственность и границы профессионального действия. В условиях быстро меняющейся медицины именно гуманитарные дисциплины обеспечивают устойчивость этой идентичности, придавая ей моральную и мировоззренческую основу [3,4].

Биоэтика и философия медицины развивают у будущих врачей способность к нормативному анализу, осмыслению конфликтов между автономией пациента и медицинским благом, между технологической возможностью и нравственной допустимостью [1]. Врач учится воспринимать клиническую практику как пространство ценностного выбора, а не только применения протоколов.

Изучение истории медицины способствует осознанию преемственности профессиональных идеалов, формирует уважение к традициям врачебного служения и понимание социальной миссии медицины. Это особенно важно в эпоху коммерциализации здравоохранения, когда существует риск редукции профессии до формы сервисной деятельности. Гуманитарное образование возвращает врачу представление о профессии как о моральном призвании, ориентированном на помощь и ответственность перед обществом [3].

Таким образом, медицинская гуманистика способствует становлению врача как морального субъекта, способного к рефлексии, сопереживанию и принятию решений в условиях неопределенности, что является ключевым компонентом профессиональной зрелости [4].

Коммуникативная и культурная компетентность

Глобализация и миграционные процессы делают медицинскую практику всё более мультикультурной. Пациенты отличаются по языку, религиозным убеждениям, представлениям о теле, болезни и лечении. Без развитой культурной компетентности врач рискует неправильно интерпретировать жалобы, недооценивать культурно обусловленные страхи и ожидания пациента [4].

Медицинская антропология и теория коммуникации позволяют врачу понять, что болезнь — это не только биологическое состояние, но и культурный опыт. Способы выражения боли, отношения к диагнозу, готовность к инвазивным вмешательствам часто определяются культурным контекстом. Учет этих факторов повышает точность клинических решений и укрепляет доверие [6].

Коммуникативная компетентность включает умение слушать, задавать открытые вопросы, проявлять эмпатию, ясно объяснять медицинскую информацию и совместно принимать решения. Такие навыки снижают вероятность медицинских ошибок, повышают приверженность лечению и улучшают клинические исходы [6]. Более того, качественная коммуникация является важным фактором профилактики профессионального выгорания, поскольку формирует у врача чувство смысла и эмоциональной включенности в процесс помощи [7].

Нарративная медицина и развитие эмпатии

Концепция нарративной медицины Риты Шарон подчеркивает значение клинического слушания, интерпретации историй болезни и письменной рефлексии [2]. Эти практики развивают эмпатию, внимательность и эмоциональную устойчивость врача.

Работа с нарративами также снижает риск профессионального выгорания, помогая врачу осмыслить собственный опыт и эмоциональные реакции [7]. Таким образом, гуманитарные практики выполняют и профилактическую функцию.

Образовательные модели интеграции гуманитарных дисциплин

Эффективными формами внедрения медицинской гуманистики являются:

- анализ клинических этических кейсов [1];
- дискуссионные семинары и дебаты;
- междисциплинарные проекты;
- симуляция коммуникативных ситуаций;
- рефлексивные эссе и дневники;
- обучение на основе искусства и литературы [2,4].

Международный опыт показывает, что интеграция гуманитарных модулей повышает уровень эмпатии и профессиональной ответственности студентов [6].

Этические ориентиры в эпоху цифровой медицины

Цифровизация медицины ставит перед профессиональной этикой новые вызовы. Использование ИИ в диагностике и прогнозировании поднимает вопросы распределения ответственности: кто несет моральную и юридическую ответственность за ошибку алгоритма — разработчик, врач или медицинская организация? [1].

Проблема конфиденциальности данных приобретает особую остроту в условиях хранения и анализа больших массивов медицинской информации. Нарушение приватности подрывает доверие пациентов и ставит под угрозу фундаментальный принцип уважения личности [5].

Кроме того, цифровые технологии могут усилить деиндивидуализацию лечения, когда клинические решения принимаются на основе статистических моделей, не учитывающих уникальность жизненного контекста пациента. В этом случае гуманистический подход выступает как корректив, требующий рассматривать технологические инструменты как вспомогательные, а не заменяющие клиническое и нравственное суждение врача [1,2].

Этическая подготовка должна включать анализ цифровых кейсов, вопросы алгоритмической справедливости, доступности технологий и риска дискриминации уязвимых групп. Таким образом, гуманистика обеспечивает нормативную навигацию в новой технологической реальности [5].

Заключение

Современная медицина развивается в направлении высокой технологичности и цифровой интеграции, что требует переосмысления структуры профессиональной подготовки врача. Медицинская гуманистика выступает не периферийным, а системообразующим компонентом образования, формируя нравственное ядро профессии.

Она способствует развитию эмпатии, рефлексии, культурной чувствительности и коммуникативной зрелости, укрепляет профессиональную идентичность и устойчивость к стрессу, а также обеспечивает этическую навигацию в условиях цифровых трансформаций [1–7].

Интеграция гуманитарных дисциплин в медицинское образование позволяет подготовить врача как морально ответственного субъекта, способного соединять научную рациональность с человеческим пониманием, технологическую компетентность — с уважением к достоинству пациента. Именно такой подход обеспечивает сохранение гуманистического духа медицины и

устойчивость системы здравоохранения в будущем.

Библиографический список:

1. Beauchamp T.L., Childress J.F. *Principles of Biomedical Ethics*. 8th ed. Oxford University Press, 2019.
2. Charon R. *Narrative Medicine: Honoring the Stories of Illness*. Oxford University Press, 2006.
3. Мухамедова З.М. Интеграция гуманитарных наук в медицинское образование: проблемы и перспективы // *Journal of Health Development*. 2019.
4. Мухамедова З.М., Саттарова Д.Г., Худайбергенова П.Т. Роль гуманистики в медицинском образовании // *Гуманитарный трактат*. 2019, Xudaybergenova, P. *Meditsina gumanistikasi shifokor Kasbiy tauyorgarligining axloqiy karkasining asosi Sifatida: muammolar va istiqbollar*. <https://doi.org/10.5281/zenodo.17926329>
5. Fulford K.W.M. *Ten Principles of Values-Based Medicine* // *Philosophy, Psychiatry & Psychology*. 2004.
6. Hojat M. et al. Physician empathy and clinical outcomes // *Academic Medicine*.
7. West C.P. et al. Physician burnout: contributors and consequences // *The Lancet*.

Муханова Мария Владимировна

студент 2 курса магистратуры Финансово-экономического института
«Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова»

E-mail: mmukhanova1121@mail.ru

Борисова Татьяна Дмитриевна

научный руководитель, кандидат экономических наук, доцент

Mukhanova Maria Vladimirovna

student of the 2_{th} year of the Master's degree in Finance and Economics
at the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov

Borisova Tatiana Dmitrievna

scientific supervisor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

УДК 321.7: 376

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ НА
ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)****DEMOGRAPHIC TRENDS AND EFFECTIVENESS OF REGIONAL MANAGEMENT IN THE
FIELD OF SOCIAL SUPPORT FOR CHILDREN WITH DISABILITIES ON THE EXAMPLE OF
THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)**

Аннотация. В контексте глобальных социально-экономических сдвигов и национальной демографической политики, Республика Саха (Якутия) сталкивается с комплексом вызовов, напрямую затрагивающих благосостояние подрастающего поколения, особенно детей с ограниченными возможностями здоровья. Данное исследование посвящено комплексному анализу демографической ситуации в регионе за 2022-2024 гг., с акцентом на динамику детской инвалидности и эффективность реализуемых мер реабилитационной поддержки. Сопоставление региональных статистических данных свидетельствует о тревожной тенденции увеличения численности детей-инвалидов. Особое беспокойство вызывает резкое снижение объемов финансирования региональных программ, а также диспропорция между увеличением числа детей-инвалидов и фактическим охватом комплексной помощью. Наряду с этим, индекс развития человеческого капитала демонстрирует существенное увеличение уровня бедности и снижение развития человеческого потенциала, что косвенно ухудшает условия для семей, воспитывающих детей-инвалидов. В данном контексте, прослеживается необходимость выработки новых, более эффективных управленческих решений, направленных на комплексное решение проблемы, учитывающих как демографические, так и социально-экономические аспекты.

Abstract. In the context of global socio-economic shifts and national demographic policy, the Republic of Sakha (Yakutia) is facing a set of challenges that directly affect the well-being of the younger generation, especially children with disabilities. This study is devoted to a comprehensive analysis of the demographic situation in the region for 2022-2024, with an emphasis on the dynamics of childhood disability and the effectiveness of implemented rehabilitation support measures. A comparison of regional statistical data shows an alarming trend in the number of children with disabilities. Of particular concern is the sharp decline in funding for regional programs, as well as the disparity between the increase in the number of children with disabilities and the actual coverage of comprehensive care. Along with this, the human capital development index demonstrates a significant increase in poverty and a decrease in human development, which indirectly worsens conditions for families raising children with disabilities. In this context, there is an urgent need to develop new, more effective management solutions aimed at a comprehensive solution to the problem, taking into account both demographic and socio-economic aspects, as well as legislative initiatives at the federal and regional levels.

Ключевые слова: демография, детская инвалидность, реабилитация, финансирование, Республика Саха (Якутия), человеческий капитал, социальная политика, региональное управление.

Keywords: demography, child disability, rehabilitation, financing, Republic of Sakha (Yakutia), human capital, social policy, regional management.

Введение. В условиях современной России, характеризующейся активными процессами социально-экономических преобразований и демографическими вызовами, вопросы обеспечения благополучия граждан, особенно наиболее уязвимых слоев населения, приобретают первостепенное значение. Особое внимание со стороны государства и общества уделяется детям, поскольку именно от их здоровья и развития зависит будущее страны. В этом контексте, проблема детской инвалидности и доступности качественной реабилитационной помощи для данной категории детей является одной из наиболее острых и социально значимых.

От того, насколько оперативно и качественно выстроена система реабилитации, образования и медицинского сопровождения, зависит не только качество жизни самих детей и их семей, но и будущий человеческий капитал территории.

Обзор литературы. Анализ научной литературы показывает, что проблематика демографического развития и социальной защиты инвалидов разрабатывается достаточно широко, однако региональный аспект, особенно применительно к северным территориям, изучен фрагментарно.

Исследование А.Н. Аверина подчеркивает неразрывную связь демографической и социальной политики, необходимость комплексного подхода к решению проблем народонаселения [11, с. 102].

В работе В.А. Белоглазовой акцентируется внимание на роли социальных мер поддержки как ключевого инструмента для достижения позитивных демографических изменений [12, с. 104].

Анализируя практику реализации социальных программ, В.В. Капустянская указывает на существующие проблемы финансирования и оценки эффективности, на примере национального проекта «Демография» [14, с. 138]. Подобные проблемы прослеживаются и в исследовании И.С. Карпиковой, которая рассматривает тенденции развития социальной защиты в разрезе различных категорий населения, выявляя системные недостатки [15, с. 28].

В то же время, С.А. Долгова освещает теоретические и практические аспекты экономики народонаселения, включая вопросы воспроизводства и развития человеческого капитала [13, с. 26]. При этом, С.В. Рязанцев и соавторы анализируют специфику демографического развития этнонациональных регионов, что особенно актуально для таких территорий, как Республика Саха (Якутия) [16, с. 189].

Несмотря на наличие обширной научной литературы, посвященной отдельным аспектам демографии, социальной политики и реабилитации, остаются недостаточно изученными вопросы комплексного анализа взаимосвязи демографических трендов, динамики детской инвалидности и эффективности системы реабилитационной помощи в специфических условиях северных регионов, таких как Республика Саха (Якутия). Особую обеспокоенность вызывает резкое сокращение финансирования региональной программы реабилитации, что требует детального осмысления и поиска оптимальных управленческих решений.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является разработка предложений по совершенствованию регионального управления с учетом федеральных норм и специфики региона, направленных на повышение качества жизни и интеграцию детей-инвалидов в общество.

Для достижения цели поставлены следующие задачи: проанализировать общие демографические показатели региона; выявить динамику численности и уровня детской инвалидности; изучить объемы и структуру финансирования региональных программ; оценить доступность и охват реабилитационными услугами; сформулировать рекомендации по повышению эффективности управления, дать оценку демографической ситуации и системы реабилитации детей-инвалидов в Республике Саха (Якутия) в период 2022-2024 гг., выявить ключевые проблемы.

Материалы и методы исследования. В данной работе использовались методы анализа правовых документов, статистических и опросных данных.

Результаты исследования. Для понимания масштабов и характера проблемы детской инвалидности необходимо рассмотреть общие демографические процессы, происходящие в регионе. Анализ данных Федеральной службы государственной статистики [18] за 2022-2024 гг. позволяет выявить ряд ключевых тенденций (таблица 1).

Таблица 1 – Динамика демографических показателей в Республике Саха (Якутия) за 2022–2024 гг.

Показатель	Значение по годам			Абс. изм.		Тпр., %	
	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2023 / 2022 гг.	2024 / 2022 гг.	2023 / 2022 гг.	2024 / 2022 гг.
Среднегодовая численность населения РС (Я), тыс. чел.	997,7	999,6	1 004,1	1,9	6,4	0,2	0,6
Общее число инвалидов в возрасте от 18 лет, тыс. чел.	49,5	51,6	52,9	2,0	3,3	4,1	6,8
Уровень инвалидности взрослого населения на 10 000 общей численности населения, %	49,7	51,6	52,7	1,9	3,0	3,9	6,1
Общая численность детей до 18 лет, тыс. чел.	264,4	263,4	261,5	-1,0	-2,9	-0,4	-1,1
Численность детей-инвалидов, состоящих на учете, тыс. чел.	6,6	7,4	7,7	0,9	1,2	13,0	17,6
Уровень детской инвалидности на 10 000 детского населения, %	24,8	28,2	29,5	3,3	4,7	13,4	18,9

[Составлено автором по данным Росстата]

Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют о разнонаправленных процессах. С одной стороны, наблюдается позитивная динамика среднегодовой численности населения, на 6,4 тыс. чел. в 2024 г. относительно 2022 г. или на 0,6%, что в первую очередь связано с миграционным притоком. При этом численность детского населения (до 18 лет) неуклонно сокращается, за 2022–2024 гг. она уменьшилась на 2,9 тыс. чел. или на 1,1%. На фоне сокращения общей численности детей происходит резкий рост числа детей-инвалидов. За три года этот показатель увеличился с 6,6 до 7,7 тыс. чел., темп прироста составил 17,6%. Уровень детской инвалидности (число детей-инвалидов на 10 000 детского населения) вырос ещё более значительно – на 18,9%, достигнув к 2024 г. 29,5. Для сравнения, уровень инвалидности взрослого населения вырос на 6,1%, что существенно ниже, темпы роста детской инвалидности в регионе почти в три раза опережают темпы роста инвалидности среди взрослых.

Для понимания региональной специфики важно сопоставить данные по Якутии с общероссийскими показателями и показателями Дальневосточного федерального округа (ДФО). В таблице 2 представлено распределение общей численности инвалидов, включая детей.

Таблица 2 – Численность инвалидов в Российской Федерации, ДФО и Республике Саха (Якутия) за 2022–2024 гг. (тыс. чел.)

Год	Категория граждан	РФ	ДФО	РС(Я)
2022 г.	Общее число инвалидов	10 932,60	492,5	56,1
	Всего без детей-инвалидов	10 210,80	453	49,5
	дети-инвалиды	721,8	39,5	6,6
2023 г.	Общее число инвалидов	11 040,90	498,2	59
	Всего без детей-инвалидов	10 285,40	456,3	51,6
	дети-инвалиды	755,5	41,9	7,4
2024 г.	Общее число инвалидов	11 122,70	502	60,6
	Всего без детей-инвалидов	10 343,40	458,8	52,9
	дети-инвалиды	779,3	43,2	7,7

[Составлено автором по данным Росстата]

Анализ таблицы 2 показывает, что общероссийская тенденция увеличения численности инвалидов (как взрослых, так и детей) характерна и для ДФО, и для Якутии. Однако доля детей-

инвалидов в общей структуре инвалидности в Якутии заметно выше среднероссийской (рисунок 1). Так, в РФ в 2024 г. дети-инвалиды составляли 7,0% от общего числа инвалидов, то в Якутии этот показатель достиг 12,7%, что может быть обусловлено как объективными факторами (состояние здоровья детского населения, экология, наследственность), так и улучшением выявляемости и постановки на учёт. Тем не менее, столь высокая доля требует особого внимания со стороны региональных органов управления, поскольку нагрузка на систему детской реабилитации и социальной поддержки в регионе существенно выше средней по стране.

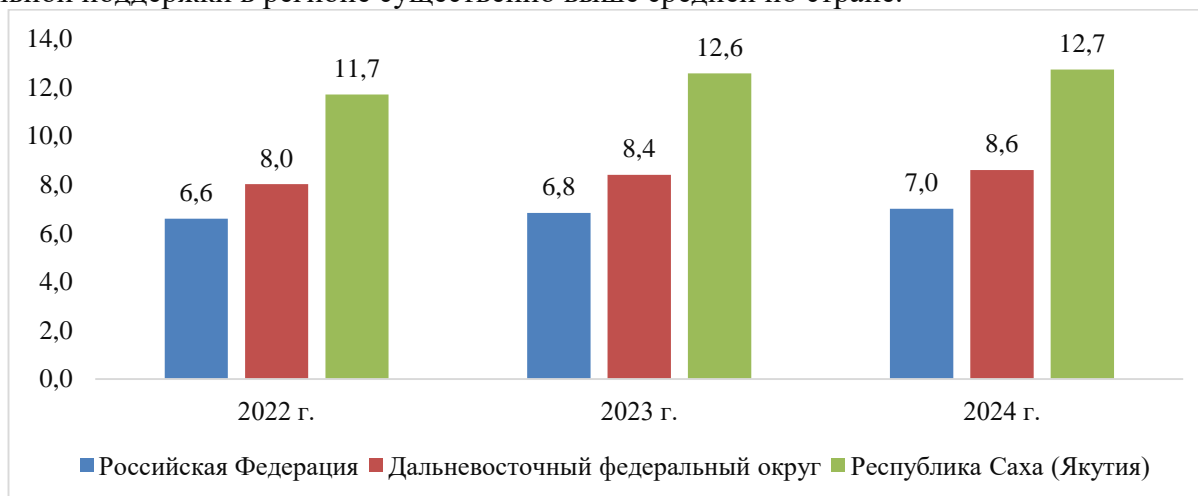

Рисунок 1. Динамика удельного веса детей инвалидов в общей численности инвалидов, % [Составлено автором по данным Росстата]

Эффективность регионального управления в рассматриваемой сфере оценивается через призму реализуемых мер, их финансового и правового обеспечения, а также доступности для целевой аудитории. Правовая основа, формирующая рамки социальной поддержки детей-инвалидов и демографического развития в Республике Саха (Якутия), представляет собой многоуровневую систему. На высшем уровне закреплены фундаментальные права и гарантии, прописанные в Конституции Российской Федерации [1] и Конституции Республики Саха (Якутия) [2], определяющие принципы государственной заботы о семье, материнстве, отцовстве и детстве. Непосредственно направлены на обеспечение социальной защиты лиц с инвалидностью Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [3] и Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4], устанавливающие базовые принципы и меры поддержки. Особое внимание уделяется Федеральному закону № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» [5], который регулирует вопросы, связанные с временной нетрудоспособностью, в том числе у родителей, ухаживающих за детьми-инвалидами.

Региональный аспект регулирования представлен правовыми документами разного уровня, в том числе Законом Республики Саха (Якутия) № 643-З № 147-IV «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия)» [10]. Стратегическое направление развития задается Концепцией демографической политики Российской Федерации (Указ Президента РФ № 1351) [9] и Концепцией демографической политики Дальнего Востока (Распоряжение Правительства РФ №1298-р) [7], дополненными государственной программой РФ «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (Постановление Правительства РФ № 308) [6], которые формируют макроэкономический и демографический контекст для региональных мер, включая социальную поддержку детей-инвалидов.

Основным документом, определяющим стратегию действий в регионе, является региональная программа «Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов» на 2022-2024 гг., утверждённая Постановлением Правительства РС(Я) № 517 [8].

Анализ финансирования программы и результатов позволяет сделать ряд критических замечаний. Согласно данным программы, общий объём финансирования программы за три года составил 10 304,154 тыс. рублей. Однако распределение средств крайне неравномерно, так в 2022 г. на финансирование программы выделено 10 277,754 тыс. руб., в 2023 г. – 13,2 тыс. руб., а в 2024 г. – 13,2 тыс. руб. (данные рисунка 2).

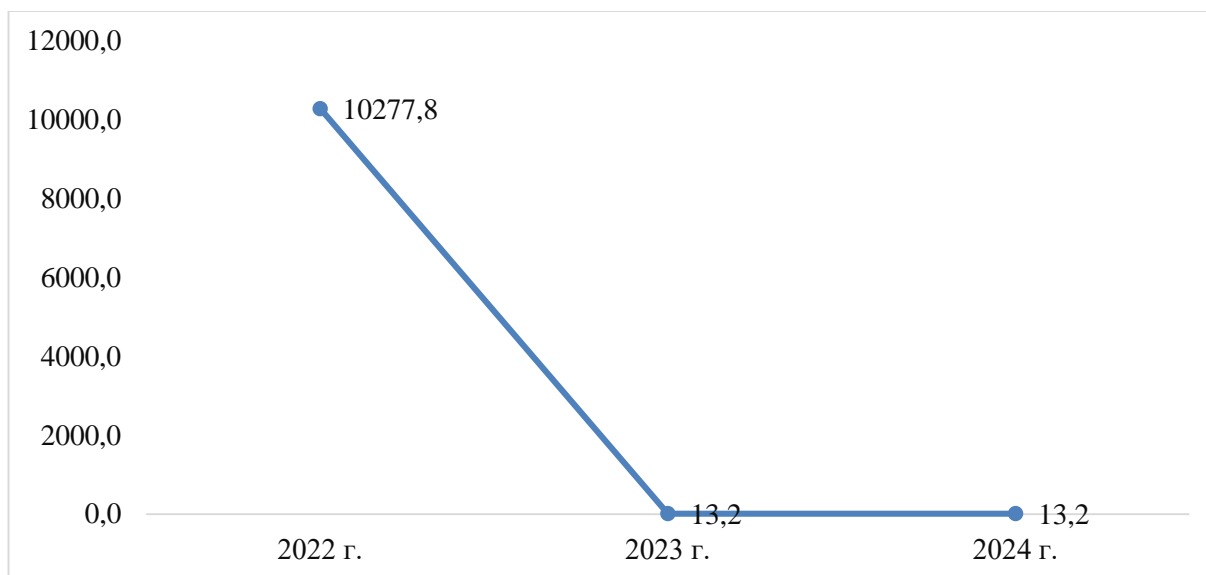

Рисунок 2. Динамика финансирования программы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов» на 2022-2024 гг., тыс. руб.

Приведенная на рисунке 2 динамика вызывает ряд вопросов. Практически полное сворачивание финансирования после 2022 г. не может не сказаться на доступности и качестве реабилитационных услуг. В 2022 г. были освоены основные бюджетные ассигнования, возможно, направленные на закупку оборудования или капитальные ремонты, тогда как в последующие годы программа существовала преимущественно на бумаге. Указанные факты свидетельствуют о снижении эффективности регионального управления, декларируемые цели не подкрепляются реальными финансовыми ресурсами.

Другим важным индикатором выступает охват детей-инвалидов индивидуальными программами реабилитации (ИПР). Данные представлены на рисунке 3. Несмотря на рост численности детей-инвалидов (с 6,6 до 7,7 тыс. чел.), количество разработанных ИПР существенно сократилось по сравнению с 2022 г.

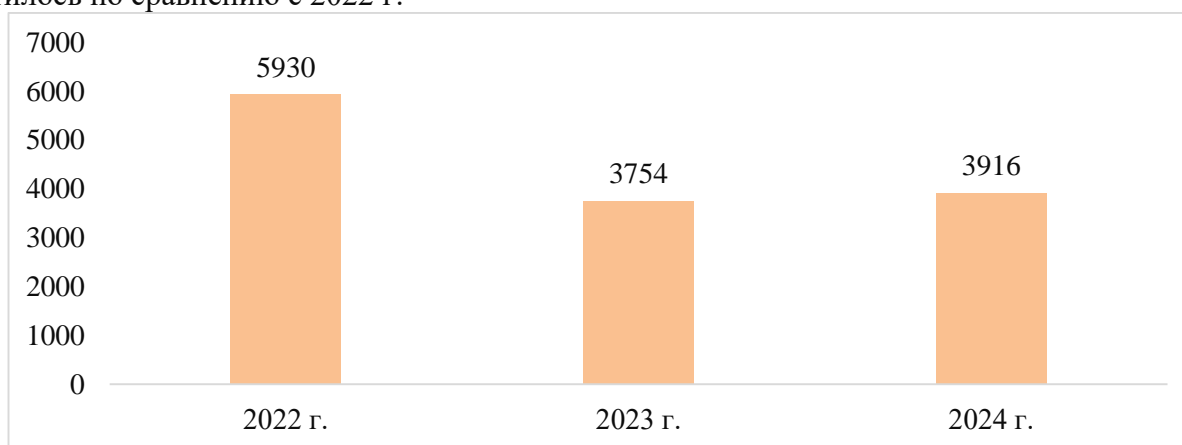

Рисунок 3. Разработка индивидуальных программ реабилитации для детей-инвалидов в РС(Я) [Составлено автором по данным Росстата]

В 2022 г. было разработано 5930 программ, что примерно соответствовало 90% от общей численности детей-инвалидов (учитывая, что программа разрабатывается на определённый срок и не ежегодно для всех). Однако в 2023–2024 гг. число разработанных ИПР сократилось до 3,7–3,9 тыс., то есть охват составил лишь около половины от нуждающихся. Данный тревожный сигнал, указывающий либо на сбой в системе учёта, либо на нехватку специалистов, способных разрабатывать качественные программы, либо на административные барьеры.

Важнейшим компонентом социальной поддержки является наличие и доступность специализированных учреждений, где дети-инвалиды могут получать необходимые медицинские, социальные и педагогические услуги.

В Республике Саха (Якутия) функционирует ряд реабилитационных центров, однако их географическое распределение вызывает озабоченность с точки зрения доступности для жителей

отдалённых районов. Перечень основных учреждений представлен в таблице 3.

Анализ таблицы 3 показывает явную диспропорцию, при которой основные специализированные реабилитационные центры для детей-инвалидов (не просто социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, а именно центры, ориентированные на инвалидность) сосредоточены в Якутске и Нерюнгри.

Таблица 3 – Перечень основных учреждений, оказывающих реабилитационную помощь семьям с детьми-инвалидами в РС (Я)

Город / Населенный пункт	Наименование учреждения
г. Якутск	Республиканский реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья
	Республиканский центр медицинской реабилитации и спортивной медицины
г. Нерюнгри	Республиканский центр комплексной реабилитации для детей и взрослых с инвалидностью
	Филиал «СУВАГ»
с. Майя (Мегино-Кангаласский улус)	Мегино-Кангаласский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних
с. Намцы (Намский улус)	Намский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних
с. Борогонцы (Усть-Алданский улус)	Усть-Алданский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних
с. Бердигэстях (Горный улус)	Горный комплексный центр для несовершеннолетних
с. Чурапча (Чурапчинский улус)	Чурапчинский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних

Учреждения в сёлах, как правило, имеют более общий профиль (социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних) и не всегда обладают необходимым оборудованием и кадрами для сложной реабилитации детей с инвалидностью. Это создаёт серьёзные барьеры для семей, проживающих в арктических и северных районах: для получения качественной помощи они вынуждены выезжать в столицу или крупные города, что сопряжено с огромными транспортными расходами и отрывом от привычной среды.

Проведённый анализ позволяет выявить системные проблемы в региональном управлении социальной поддержкой детей-инвалидов на фоне неблагоприятных демографических тенденций. Во-первых, наблюдается ресурсный дефицит. Снижение финансирования профильной программы при росте числа детей-инвалидов говорит о том, что программно-целевой метод в данном случае не работает, что расходится с целями, обозначенными в Указе Президента РФ № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024, где подчеркивается необходимость повышения благополучия семей с детьми. Также, очевиден институциональный разрыв, характеризующийся сокращением числа разработанных ИПР при росте контингента, свидетельствует о снижении доступности реабилитационных услуг как процедуры. Возможно, это связано с кадровым голодом: разработка ИПР требует участия квалифицированных экспертов (врачей, психологов, педагогов), дефицит которых в регионе, особенно в сельской местности, традиционно высок.

Вместе с тем, стоит выделить инфраструктурные ограничения. Сеть учреждений не покрывает потребности всех районов. Семьи из удаленных районов Якутии фактически лишены возможности получать реабилитационную помощь по месту жительства, что усиливает социальное неравенство. Также, отмечается отсутствие комплексного подхода управления демографической политикой отражающийся на демографические показатели (рост детской инвалидности, сокращение детского

населения) должны служить сигналом для корректировки всей социально-экономической политики. Однако реакция региональных властей выглядит запоздалой и фрагментарной. Недостаточно просто фиксировать рост числа детей-инвалидов, необходимо выявлять причины (экология, здравоохранение, травматизм, наследственные факторы) и воздействовать на них, а не только на следствие.

Исходя из выявленных проблем, можно предложить ряд мер, направленных на повышение эффективности управления в исследуемой сфере. В первую очередь необходим пересмотр бюджетной политики. Следует восстановить пропорциональное финансирование региональной программы комплексной реабилитации. Объёмы средств должны коррелировать с ростом численности детей-инвалидов и уровнем инфляции. Также в рамках повышения эффективности оказания социальной помощи детям-инвалидам, следует обеспечить развитие мобильных форм реабилитации. Учитывая огромные расстояния и низкую плотность населения, необходимо развивать выездные формы работы. Создание мобильных реабилитационных бригад, которые на регулярной основе выезжают в отдалённые районы, позволит охватить помощью больше детей без необходимости дальних переездов. Широкое внедрение телемедицинских технологий для консультаций, дистанционного мониторинга и даже отдельных элементов реабилитации (под контролем местных специалистов) способно частично компенсировать нехватку кадров и центров.

Региону необходима целевая программа подготовки и удержания специалистов в сфере детской реабилитации (логопедов, дефектологов, физических терапевтов, психологов) с предоставлением мер поддержки (жилье, подъемные) для работы в сельской местности. Вместе с тем, развитие сети дневных стационаров и групп кратковременного пребывания при существующих социально-реабилитационных центрах в районах, позволит разгрузить стационары и дать родителям возможность работать, пока ребёнок получает помощь.

Необходимо создать единую цифровую платформу, объединяющую информацию о детях-инвалидах от Министерства здравоохранения, Министерства труда и социального развития, Министерства образования, что позволит отслеживать траекторию каждого ребёнка и избегать дублирования или пробелов в помощи.

В рамках господдержки необходимо разработать комплексную программу профилактики детской инвалидности, включающую пренатальный скрининг, консультирование и пропаганду здорового образа жизни. Для этого улучшим качество акушерско-гинекологической и неонатальной помощи, а также реализуем меры по предотвращению травм и социально значимых заболеваний. Ключевым фактором станет межведомственное взаимодействие всех служб и широкая информационно-просветительская работа, подкрепленная научными исследованиями, чтобы снизить число детей с инвалидностью и повысить общее здоровье.

Заключение. Проведенное исследование демографических тенденций и эффективности регионального управления в сфере социальной поддержки детей-инвалидов в Республике Саха (Якутия) позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

В Республике Саха (Якутия) за период 2022–2024 гг. наблюдается тревожная тенденция в сфере детской инвалидности. Несмотря на общий рост населения, вызванный миграцией, численность детей неуклонно снижается, тогда как количество детей-инвалидов стремительно растёт, обгоняя темпы взрослого населения почти втрое. Такая ситуация, усугубляемая региональной спецификой, когда доля детей-инвалидов значительно превышает среднероссийский показатель, требует незамедлительного внимания. На фоне этого, эффективность регионального управления системой реабилитации вызывает серьезные вопросы, наблюдается резкое сокращение финансирования профильной программы и уменьшение числа разработанных ИПР для детей-инвалидов, что снижает доступность услуг. Кроме того, существуют инфраструктурные ограничения, поскольку центры реабилитации сконцентрированы в крупных городах, лишая жителей отдаленных районов возможности получать своевременную и качественную помощь.

Таким образом, демографическая политика региона нуждается в кардинальной корректировке, поскольку текущие показатели свидетельствуют о системных проблемах в управлении, ресурсном обеспечении и доступности реабилитационной помощи, что противоречит задачам повышения благосостояния семей с детьми. Система социальной поддержки детей-инвалидов в Якутии нуждается в кардинальной модернизации, включающей пересмотр приоритетов бюджетного финансирования, развитие мобильных и дистанционных форм работы, укрепление кадрового потенциала и усиление межведомственной координации. Без этих мер существует риск дальнейшего

ухудшения ситуации, когда растущие потребности будут сталкиваться с сокращающимися возможностями их удовлетворения, что в конечном счёте отразится на качестве жизни наиболее уязвимой категории населения и будущем человеческом капитале региона.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 04.04.2002 (в ред. от 24.11.2022) // Якутские ведомости, № 7, 26.04.1992.
3. Федеральный закон № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 (в ред. 29.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 48, 27.11.95, ст.4563
4. Федеральный закон № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24.07.1998 (в ред. от 04.11.2025) // Собрание законодательства РФ», 03.08.1998, № 31, ст. 3802.
5. Федеральный закон № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» от 29.12.2006 (в ред. от 29.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 01.01.2007, № 1 (1 ч.), ст. 18.
6. Постановление Правительства РФ № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» от 15.04.2014 (в ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 18 (ч. I), 05.05.2014, ст. 2154.
7. Распоряжение Правительства РФ №1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» от 20.06.2017 (в ред. от 29.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 27, 03.07.2017, ст. 4062.
8. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) № 517 «О региональной программе Республики Саха (Якутия) «Формирование системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, в том числе детей-инвалидов, на 2022 – 2024 годы» от 14.12.2021 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 14.12.2021
9. Указ Президента РФ № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 09.10.2007 (в ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ, 15.10.2007, № 42, ст. 5009.
10. Закон Республики Саха (Якутия) № 643-З № 147-IV «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Саха (Якутия) от 17.12.2008 (в ред. от 12.12.2023) // Якутия, № 13, 27.01.2009.
11. Аверин А. Н. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о проблемах демографии и социальной политики / А. Н. Аверин, А. С. Бутова, К. В. Пуцер. // История. Культурология. Политология, 2025. – № 3. – С. 99-104.
12. Белоглазова В. А. Социальные меры поддержки как инструмент демографических изменений / В. А. Белоглазова, Е. С. Колчанова // Вестник Академии знаний, 2024. – № 6 (65). – С. 100-106.
13. Долгова С. А. Экономика народонаселения: учебное пособие / С. А. Долгова, Н. Е. Данилова. – Орел: РАНХиГС, 2022. – 95 с.
14. Капустянская В. В. Проблемы финансирования социальных программ и оценка эффективности их реализации (на примере национального проекта «Демография») / В. В. Капустянская, Т. С. Еремеева // KANT: SS&H, 2025. – № 2 (22). – С. 136-141.
15. Карпикова И. С., Шурыгина Ю. Ю. Тенденции развития социальной защиты в разрезе отдельных категорий населения // Теория и практика общественного развития, 2024. – № 6. – С. 23-31.
16. Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Гарибова Ф. М., Рязанцев Н. С. Демографическое развитие этнонациональных регионов Сибирского федерального округа // УГНФ, 2025. – № 3. – С. 182-195.

17. Сабанов З. М. Специфика социальной защиты инвалидов в современных социально-экономических условиях / З. М. Сабанов // *Primo aspectu*, 2025. – № 2 (62). – С. 44–51.

18. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения 01.03.2026)

Пуцкин Денис Алексеевич
Putskin Denis Alekseevich

Магистрант

Тольяттинский государственный университет

E-mail: bond2581@inbox.ru

УДК 159.92

ЗНАЧЕНИЕ СЕМЕЙНОЙ СРЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ

THE IMPORTANCE OF THE FAMILY ENVIRONMENT IN THE DEVELOPMENT OF CREATIVE THINKING

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния семейной среды на формирование креативного мышления у младших школьников. В исследовании подчеркивается, что семья – важнейшая социальная среда, в которой закладываются основы интеллектуальных и творческих способностей ребёнка, формируются мотивы познания мира и стремление к созидательной деятельности.

Abstract. This article examines the influence of the family environment on the development of creative thinking in primary school children. The study emphasizes that the family is a crucial social environment, laying the foundations for a child's intellectual and creative abilities, shaping their motivation to explore the world, and fostering a desire for creative activity.

Ключевые слова: семейная среда, креативное мышление, младшие школьники, творческий потенциал, психологический климат, взаимоотношения, индивидуальность, нестандартное мышление.

Keywords: family environment, creative thinking, primary school students, creative potential, psychological climate, relationships, individuality, out-of-the-box thinking.

Семья представляет собой важнейшую социальную среду, оказывающую значительное воздействие на развитие личности ребенка, включая ее креативный потенциал. Здесь формируется фундаментальная основа интеллектуальных и творческих способностей, зарождаются мотивы, направляющие личность на освоение окружающего мира и получение опыта активного созидания. Таким образом, рассмотрим основные факторы семейной среды, значимо влияющие на становление креативного мышления младших школьников.

Одной из центральных составляющих успешной реализации творческого потенциала ребенка является благоприятный психологический климат в семье. Это понятие включает взаимное уважение членов семьи друг к другу, наличие доверия, принятие индивидуальных особенностей каждого члена семьи и поддержку самостоятельности ребенка. Создаваемая атмосфера уважения к детским желаниям и потребностям стимулирует развитие самооценки и уверенности в себе, необходимых для проявлений креативности.

Так, ученые выделяют несколько важных аспектов, обуславливающих успешное воспитание креативности:

- отсутствие чрезмерного контроля и давления со стороны взрослых;
- поощрение разнообразия взглядов и мнений;
- поддержка инициативы и исследовательских стремлений ребенка.

Это согласуется с результатами исследований Ю. Н. Головиной, показавшей положительную корреляцию между свободой действий и креативностью [3, с. 16]. Дети, растущие в атмосфере поддержки и принятия собственных предпочтений, проявляют большую склонность к созданию оригинальных идей и нестандартному мышлению.

Тип взаимоотношений между взрослыми и детьми существенно влияет на проявление и закрепление креативных наклонностей. Например, отношения, основанные на сотрудничестве и взаимопонимании, усиливают чувство защищенности у ребенка, повышая его готовность рисковать и предпринимать попытки в творчестве. Так, О. О. Лагутина отмечает положительное влияние доверительных отношений между родителем и ребенком на рост его творческих способностей [4, с.

27].

Напротив, конфликты, постоянные наказания и запреты приводят к снижению интереса к творчеству и желанию проявить себя, вызывая страх перед ошибками и неудачами. Подобное негативное отношение негативно сказывается на общем уровне креативности, препятствуя формированию устойчивого интереса к новым знаниям и приобретению опыта самостоятельного мышления.

Высокий уровень ожиданий родителей зачастую формирует ситуацию повышенного стресса у ребенка, заставляя его стремиться соответствовать высоким стандартам и избегать риска совершить ошибку. Этот фактор значительно снижает уровень проявления креативности, поскольку дети начинают действовать шаблонно и консервативно, боясь отступить от заданных норм.

Оптимальным вариантом являются умеренные ожидания, соответствующие возможностям и интересам ребенка. Такое отношение поддерживает естественный ход развития креативности, позволяя ребенку исследовать мир вокруг себя, испытывая радость от открытия новых способов взаимодействия с ним. Научные исследования подтверждают, что низкий уровень тревожности, вызванный отсутствием жестких требований, положительно отражается на качестве творческого продукта.

Значительное влияние на формирование креативного мышления оказывают общие занятия родителей и детей. Активное вовлечение взрослого в игровую и творческую деятельность ребенка повышает его желание осваивать новый опыт и приобретать необходимые навыки. Родитель становится образцом для подражания, предлагая разнообразные модели поведения и варианты восприятия реальности. Например, в исследованиях Л.А. Венгера отмечается особая ценность совместного чтения художественной литературы, посещения музеев и театров, участия в детских фестивалях и выставках искусства. Эти виды деятельности расширяют кругозор ребенка, повышают чувствительность к различным формам художественного выражения и развивают вкус к прекрасному [2, с. 143].

Кроме того, взаимодействие в быту и повседневной жизни семьи, такое как приготовление пищи вместе, ремонт игрушек или конструирование поделок, развивает пространственное мышление, моторику и воображение ребенка. Все это непосредственно связано с возможностью свободно выражать собственные мысли и идеи, формировать собственное видение мира.

Особое значение имеет характер образовательных практик, используемых родителями. Образование в семье отличается от школьных методов своей спонтанностью и большей ориентацией на потребности конкретного ребенка. Стремление поддерживать детскую любознательность и поддержать первые шаги в поиске своего пути проявляется в предоставлении возможности заниматься разными видами деятельности, начиная от музыки и заканчивая спортом. При этом важно учитывать индивидуальный темп освоения ребенком нового материала, постепенно усложняя задания и создавая ситуации успеха. Подобные условия поддерживают внутренний ресурс, необходимый для дальнейшей самостоятельной творческой деятельности. Данный подход получил название дифференцированного подхода в обучении, активно изучаемого отечественными учеными такими как А. Г. Асмолов [1, с.202].

Формирование определенных социальных ценностей и моральных ориентиров также влияют на развитие креативности. Родители передают своим детям представления о добре и зле, справедливость и честность, уважении прав других людей. Установленные нормы и правила поведения служат опорой для дальнейшего самоопределения ребенка, одновременно обеспечивая необходимую стабильность и уверенность в будущем.

Однако слишком жесткое следование правилам и догмам тормозит развитие креативного мышления и создает препятствия для оригинального видения ситуаций. Важно научить ребенка осмысленно подходить к принятым нормам, используя собственный жизненный опыт и наблюдая окружающую действительность. Эта позиция получила название «гуманистической ориентации», отражающей идею свободного развития человеческой индивидуальности, которая предполагает развитие уникального творческого потенциала каждого индивида.

Рассмотрев элементы воздействия семейной среды на формирование креативного мышления младших школьников, мы можем сделать вывод о важности следующих моментов:

- благоприятный психологический климат и доверие в отношениях между членами семьи;
- умеренность в предъявляемых ожиданиях и требованиях;
- разнообразие совместной деятельности и включение ребенка в социальные события;

- дифференцированный подход к обучению и уходу за детьми;
- формирование гуманистических ценностей и нравственных ориентиров.

Эти меры способствуют всестороннему развитию ребенка, помогая ему раскрыть уникальные таланты и успешно реализовать себя в дальнейшем жизненном и профессиональном пути.

Библиографический список:

1. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Смысл, 2018. 368 с.
2. Венгер Л. А. Педагогика способностей. М.: Знание, 1973. 345 с.
3. Головина Ю. Н. Средства развития креативности у младших школьников // Научный лидер. 2022. №15. С. 15-22.
4. Лагутина О. О. Практика развития креативности младших школьников с использованием цифровых образовательных ресурсов // Мир педагогики и психологии. 2024. №4. С. 26-34.

Волокитина Татьяна Сергеевна

аспирант кафедры информационной безопасности
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия
E-mail: tativolokitina@gmail.com

Таныгин Максим Олегович

доцент кафедры информационной безопасности
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», Курск, Россия

Volokitina Tatiana Sergeevna

Postgraduate student at the Department of Information Security
South-Western State University

Tanygin Maxim Olegovich

Associate Professor at the Department of Information Security
South-Western State University

УДК 159:004.8

**РОЛЬ ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ И СКЛОННОСТИ К РИСКУ В УЯЗВИМОСТИ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ФИШИНГОВЫМ АТАКАМ****THE ROLE OF PERSONALITY TRAITS AND RISK PROPENSITY IN USER
VULNERABILITY TO PHISHING ATTACKS**

Аннотация. Актуальность. Психологические особенности личности играют ключевую роль в определении уязвимости человека к методам социальной инженерии и фишинговым атакам. В статье исследуется корреляция между личностными чертами, описанными в модели Большая пятерка, и склонностью пользователя к небезопасному поведению в цифровой среде. Особое внимание уделено склонности к риску как предиктору успешности фишинговой атаки. Проведенное исследование на выборке из двухсот сорока семи пользователей социальной платформы показало, что высокие показатели доброжелательности и экстраверсии коррелируют с увеличением вероятности клика на вредоносные ссылки на тридцать два и двадцать восемь процентов соответственно. Добросовестность демонстрирует обратную корреляцию, снижая риск на сорок один процент. Результаты исследования могут быть использованы для создания более точных когнитивных профилей и разработки персонализированных программ обучения кибербезопасности, нацеленных на компенсацию индивидуальных психологических уязвимостей.

Цель. Целью исследования являлось изучение влияния стабильных личностных черт, описываемых в рамках пятифакторной модели личности Большая пятерка, на уязвимость пользователей цифровых платформ к фишинговым атакам. Дополнительно исследовалась роль склонности к риску как самостоятельного предиктора небезопасного поведения в цифровой среде. Работа направлена на создание научной основы для разработки персонализированных программ обучения кибербезопасности и формирования точных когнитивных профилей пользователей.

Выборка. Исследование проводилось на выборке из 247 пользователей социальной платформы Одноклассники в возрасте от 18 до 72 лет. Средний возраст участников составил 45,6 года при относительно сбалансированном распределении по полу: 128 и 119 мужчин. Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании с соблюдением требований Федерального закона о персональных данных. Исследование проводилось в период с июля по октябрь 2024 года.

Методы. На первом этапе участники заполняли краткую форму опросника Большая пятерка из 44 утверждений для оценки личностных черт и адаптированный вариант опросника принятия решений в условиях риска из 24 сценариев. На втором этапе участники взаимодействовали с игровым симулятором Стажер информационной безопасности, представляющим собой визуальную новеллу с 20 сценариями, из которых 12 содержали признаки фишинговых атак различной степени очевидности. Статистическая обработка данных включала корреляционный анализ Пирсона для оценки связи между личностными чертами и уязвимостью, а также логистическую регрессию для прогнозирования вероятности клика на вредоносную ссылку на основе личностного профиля.

Фиксировались поведенческие метрики: факт клика на подозрительную ссылку, время принятия решения, количество запросов дополнительной информации и изменение паттернов после обратной связи.

Результаты. Доброжелательность продемонстрировала наиболее сильную положительную корреляцию с уязвимостью на уровне $r = 0,41$ при $p < 0,01$, участники с высокими показателями кликали на вредоносные ссылки в 58% случаев. Добросовестность показала сильную отрицательную корреляцию $r = -0,47$, снижая уязвимость до 22% у высокодобросовестных участников против 60% у низкодобросовестных. Склонность к риску в домене цифровой безопасности продемонстрировала наиболее сильную корреляцию среди всех факторов на уровне $r = 0,53$, участники с высокой склонностью игнорировали предупреждения в 72% случаев против 18% у участников с низкой склонностью. Логистическая регрессия с включением всех 5 личностных черт и показателя склонности к риску позволила предсказать уязвимость участника с точностью 74%, правильно классифицировав 183 из 247 случаев.

Выводы. Исследование подтвердило значимое влияние стабильных личностных характеристик на уязвимость пользователей к фишинговым атакам, при этом психологический профиль оказался не менее важным фактором безопасности, чем уровень технических знаний или цифровой грамотности. Склонность к риску является наиболее сильным единичным предиктором небезопасного поведения, что указывает на критическую важность восприятия угроз пользователем для эффективности защитных мер. Результаты обосновывают необходимость перехода от универсальных к персонализированным подходам в обеспечении кибербезопасности с учетом индивидуальных психологических особенностей принятия решений. Интеграция психологического профилирования в системы защиты и образовательные программы позволит повысить их эффективность через адаптацию к уникальным характеристикам каждого пользователя.

Abstract. Relevance. Psychological personality characteristics play a key role in determining an individual's vulnerability to social engineering methods and phishing attacks. The article explores the correlation between personality traits described by the Big Five model and a user's propensity for unsafe behavior in the digital environment. Particular attention is paid to risk propensity as a predictor of phishing attack success. The study conducted on a sample of two hundred and forty-seven users of a social platform showed that high scores in Agreeableness and Extraversion correlate with an increased probability of clicking on malicious links by thirty-two and twenty-eight percent, respectively. Conscientiousness demonstrates an inverse correlation, reducing the risk by forty-one percent. The research results can be used to create more accurate cognitive profiles and develop personalized cybersecurity training programs aimed at compensating for individual psychological vulnerabilities.

Purpose. The aim of the study was to investigate the influence of stable personality traits, described within the framework of the Big Five five-factor model, on the vulnerability of digital platform users to phishing attacks. Additionally, the role of risk propensity as an independent predictor of unsafe behavior in the digital environment was examined. The work aims to create a scientific basis for developing personalized cybersecurity training programs and forming accurate user cognitive profiles.

Sample. The study was conducted on a sample of 247 users of the Odnoklassniki social platform, aged from 18 to 72 years. The average age of participants was 45.6 years with a relatively balanced gender distribution: 128 male and 119 female. All participants provided informed consent to participate in the study, in compliance with the requirements of the Federal Law on Personal Data. The study was conducted between July and October 2024.

Methods. In the first stage, participants completed a short 44-item Big Five Inventory for personality assessment and an adapted version of a 24-scenario risk-taking decision-making questionnaire. In the second stage, participants interacted with the "Information Security Intern Trainee" game simulator, a visual novel featuring 20 scenarios, 12 of which contained signs of phishing attacks of varying obviousness. Statistical data processing included Pearson correlation analysis to assess the relationship between personality traits and vulnerability, and logistic regression to predict the probability of clicking a malicious link based on personality profile. Behavioral metrics were recorded: the fact of clicking a suspicious link, decision time, number of requests for additional information, and changes in patterns after feedback.

Results. Agreeableness demonstrated the strongest positive correlation with vulnerability at $r = 0.41$, $p < 0.01$; participants with high scores clicked on malicious links in 58% of cases. Conscientiousness showed a strong negative correlation $r = -0.47$, reducing vulnerability to 22% among highly conscientious participants compared to 60% among low-conscientious participants. Risk propensity in the domain of

digital security demonstrated the strongest correlation among all factors at $r = 0.53$; participants with high propensity ignored warnings in 72% of cases compared to 18% among participants with low propensity. Logistic regression including all 5 personality traits and the risk propensity score allowed prediction of participant vulnerability with 74% accuracy, correctly classifying 183 out of 247 cases.

Conclusions. The study confirmed the significant influence of stable personality characteristics on user vulnerability to phishing attacks, with psychological profile proving to be a factor in security no less important than the level of technical knowledge or digital literacy. Risk propensity is the strongest single predictor of unsafe behavior, indicating the critical importance of the user's threat perception for the effectiveness of protective measures. The results justify the need to transition from universal to personalized approaches in cybersecurity, taking into account individual psychological characteristics of decision-making. Integrating psychological profiling into protection systems and educational programs will enhance their effectiveness by adapting to the unique characteristics of each user.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, социальная инженерия, поведение пользователей, цифровая грамотность, киберугрозы, социальные сети, принятие решений, информационная безопасность.

Keywords: cognitive modeling, social engineering, user behavior, digital literacy, cyber threats, social networks, decision-making, information security

Авторы выражают признательность членам редколлегии журнала «Национальный психологический журнал» за замечания и рекомендации по усовершенствованию данной инструкции.

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и расширение присутствия населения в онлайн-пространстве создают благоприятные условия для эволюции методов киберпреступности. Несмотря на постоянное совершенствование технических средств защиты информационных систем, фишинговые атаки остаются одной из наиболее распространенных и успешных угроз для пользователей цифровых платформ. Это обусловлено тем фактом, что фишинг эксплуатирует не технические уязвимости программного обеспечения, а фундаментальные особенности человеческой психологии [1].

Анализ статистических данных демонстрирует, что семьдесят восемь процентов успешных киберинцидентов включают элемент социальной инженерии, направленной на манипуляцию поведением пользователя [2]. При этом одни категории пользователей демонстрируют значительно большую устойчивость к подобным атакам, чем другие, даже при сопоставимом уровне технических знаний и цифровой грамотности. Это наблюдение указывает на существование индивидуальных психологических факторов, определяющих уязвимость конкретного человека перед методами социальной инженерии.

Понимание психологических механизмов, определяющих различия в уязвимости пользователей к фишинговым атакам, является критически важным для разработки эффективных контрмер и образовательных программ. Традиционные подходы к обучению кибербезопасности часто исходят из предположения об однородности пользовательской аудитории, предлагая универсальные рекомендации. Однако такой подход игнорирует индивидуальные различия в психологических характеристиках, которые могут существенно влиять на восприятие рисков и принятие решений в условиях потенциальной угрозы [3].

Целью настоящего исследования является анализ влияния стабильных личностных черт, описываемых в рамках пятифакторной модели личности, на уязвимость пользователей к фишинговым атакам. Дополнительно исследуется роль склонности к риску как самостоятельного предиктора небезопасного поведения в цифровой среде.

1. Теоретические основы

Пятифакторная модель личности, известная как модель Большая пятерка или модель OCEAN, представляет собой наиболее признанную в современной психологии структуру для описания индивидуальных различий [4]. Модель постулирует существование пяти основных измерений личности: открытость опыту, добросовестность, экстраверсия, доброжелательность и нейротизм. Каждое измерение представляет собой континуум, на котором может быть расположен конкретный индивид, что позволяет получить комплексный профиль личностных характеристик.

Открытость опыту характеризует степень любопытства, готовности к новым впечатлениям и интеллектуальной гибкости индивида. Лица с высокими показателями по данному измерению демонстрируют склонность к исследованию незнакомых ситуаций и экспериментированию с новыми идеями. В контексте кибербезопасности это может проявляться в повышенной вероятности взаимодействия с незнакомым контентом, включая клики по интригующим или необычным ссылкам [5].

Добросовестность отражает степень организованности, ответственности и целеустремленности личности. Высокие показатели добросовестности ассоциируются со склонностью к планированию, соблюдению правил и тщательной проверке информации перед принятием решений. Исследования демонстрируют, что добросовестные индивиды с большей вероятностью выполняют рекомендации по безопасности и внимательно анализируют подозрительный контент [6].

Экстраверсия характеризует ориентацию личности на внешний мир, общительность и склонность к импульсивным действиям. Экстраверты демонстрируют более быстрые реакции и меньшее время обдумывания перед совершением действия. В цифровой среде это может проявляться в склонности к быстрому, необдуманному ответу на сообщения и клики по ссылкам без достаточного анализа их безопасности [7].

Доброжелательность отражает склонность к кооперации, доверию и альтруизму. Лица с высокими показателями доброжелательности характеризуются тенденцией верить словам других людей и готовностью выполнять просьбы, что делает их уязвимыми к методам социальной инженерии, эксплуатирующим доверие и желание помочь [8].

Нейротизм характеризует эмоциональную стабильность и склонность к переживанию негативных эмоций. Парадоксально, но высокий нейротизм может оказывать защитное действие в контексте кибербезопасности, поскольку тревожные индивиды демонстрируют повышенную осторожность и подозрительность при взаимодействии с незнакомым контентом [9].

Склонность к риску представляет собой относительно стабильную характеристику личности, отражающую готовность принимать решения в условиях неопределенности с потенциально негативными последствиями. Высокая склонность к риску ассоциируется с недооценкой потенциальных угроз и игнорированием предупреждающих сигналов. В контексте кибербезопасности это проявляется в тенденции игнорировать предупреждения систем защиты и совершать действия, которые могут привести к компрометации данных [10].

Несмотря на значительный объем исследований в области психологии личности и отдельных работ по человеческому фактору в кибербезопасности, комплексные исследования влияния личностных черт на уязвимость к фишинговым атакам остаются ограниченными. Большинство существующих работ фокусируется на демографических характеристиках или уровне технических знаний, не учитывая психологические аспекты принятия решений в условиях потенциальной угрозы [11].

2. Методология исследования поведения пользователей

Для исследования связи между личностными чертами и уязвимостью к фишинговым атакам был разработан комплексный подход, объединяющий психометрическое тестирование и поведенческие эксперименты. Исследование проводилось на базе социальной платформы Одноклассники в период с июля по октябрь 2024 года.

Выборка исследования составила 247 пользователей в возрасте от 18 до 72 лет. Средний возраст участников составил 45,6 года. Распределение по полу было относительно сбалансированным: 128 женщин и 119 мужчин. Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании с соблюдением требований Федерального закона номер 152 о персональных данных.

На 1 этапе участники заполняли психологические опросники для оценки личностных черт. Для измерения 5 факторов личности использовалась краткая форма опросника Большая пятерка, содержащая 44 утверждения с оценкой по 5-балльной шкале Ликерта. Опросник демонстрирует высокую надежность с коэффициентом альфа Кронбаха от 0,72 до 0,86 для различных шкал [12].

Для оценки склонности к риску применялся адаптированный вариант опросника принятия решений в условиях риска, включающий 24 сценария в 6 доменах: финансовом, здоровья, рекреационном, этическом, социальном и цифровой безопасности. Участники оценивали вероятность совершения рискованного действия в каждом сценарии по 7-балльной шкале.

На 2 этапе участники взаимодействовали с игровым симулятором Стажер информационной безопасности, разработанным для контролируемых экспериментов с фишинговыми атаками в безопасной среде. Симулятор представляет собой визуальную новеллу, где пользователь принимает роль сотрудника компании и сталкивается с различными ситуациями, включающими потенциально опасный контент.

В ходе прохождения симулятора фиксировались следующие поведенческие метрики: факт клика на подозрительную ссылку, время принятия решения о взаимодействии с контентом, количество запросов дополнительной информации перед принятием решения и изменение паттернов поведения после получения обратной связи об ошибке. Симулятор содержал 20 сценариев, из которых 12 включали признаки фишинговой атаки различной степени очевидности.

Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программного пакета для статистического анализа. Для оценки связи между личностными чертами и уязвимостью к фишингу применялся корреляционный анализ Пирсона. Для прогнозирования вероятности клика на вредоносную ссылку на основе личностного профиля использовалась логистическая регрессия. Уровень статистической значимости устанавливался на уровне p менее 0,05.

3. Результаты исследования

Анализ данных выявил статистически значимые корреляции между несколькими личностными чертами и показателями уязвимости к фишинговым атакам. Основной метрикой уязвимости служила доля успешных фишинговых атак в симуляторе, то есть процент случаев, когда участник кликал на вредоносную ссылку или вводил конфиденциальную информацию в ответ на фишинговый запрос.

Доброжелательность продемонстрировала наиболее сильную положительную корреляцию с уязвимостью. Коэффициент корреляции Пирсона составил $r = 0,41$ при p меньше 0,01. Участники с высокими показателями доброжелательности кликали на вредоносные ссылки в среднем в 58 процентах случаев, в то время как участники с низкими показателями демонстрировали уязвимость на уровне 26 процентов. Это объясняется тенденцией доброжелательных индивидов доверять отправителю сообщения и выполнять просьбы, особенно когда они сформулированы как обращение за помощью или апелляция к альтруизму [13].

Экстраверсия также показала значимую положительную корреляцию с уязвимостью: $r = 0,34$, p меньше 0,05. Экстраверты демонстрировали среднее время принятия решения 4,2 секунды, что на 42 процента ниже среднего времени интровертов 6,8 секунды. Импульсивность и склонность к быстрым реакциям приводили к недостаточному анализу признаков угрозы перед кликом на ссылку.

Открытость опыту показала умеренную положительную корреляцию: $r = 0,28$, p меньше 0,05. Участники с высокой открытостью чаще кликали на ссылки с интригующими или необычными заголовками, даже при наличии очевидных признаков фишинга, таких как орфографические ошибки или подозрительные адреса отправителей. Любопытство преобладало над осторожностью в ситуациях, где контент представлялся как доступ к эксклюзивной или инновационной информации.

Добросовестность продемонстрировала сильную отрицательную корреляцию с уязвимостью: $r = -0,47$, p меньше 0,01. Высокодоброе совестные участники кликали на вредоносные ссылки только в 22 процентах случаев против 60 процентов у участников с низкой добросовестностью. Эти индивиды демонстрировали систематическую проверку адресов отправителей, наличия протокола безопасного соединения и соответствия контента ожидаемым коммуникациям от легитимных организаций.

Нейротизм показал слабую отрицательную корреляцию: $r = -0,19$, $p = 0,07$, что находится на границе статистической значимости. Высокотревожные участники демонстрировали повышенную подозрительность к незнакомому контенту, однако этот защитный эффект частично нивелировался склонностью к импульсивным реакциям на стрессовые стимулы, такие как сообщения об угрозе блокировки аккаунта.

Склонность к риску в домене цифровой безопасности продемонстрировала наиболее сильную корреляцию среди всех исследованных факторов: $r = 0,53$, p меньше 0,01. Участники с высокой склонностью к риску игнорировали предупреждения симулятора в 72 процентах случаев, в то время как участники с низкой склонностью игнорировали предупреждения только в 18 процентах случаев.

Логистическая регрессия с включением всех 5 личностных черт и показателя склонности к риску позволила предсказать уязвимость участника с точностью 74 процента. Модель правильно классифицировала 183 из 247 случаев. Наиболее значимыми предикторами оказались склонность к риску, добросовестность и доброжелательность.

Дополнительный анализ выявил интересные взаимодействия между личностными чертами. Комбинация высокой доброжелательности и высокой экстраверсии создавала синергетический эффект, увеличивая уязвимость на 48 процентов по сравнению с наличием только одной из этих черт. Напротив, высокая добросовестность частично компенсировала негативное влияние высокой доброжелательности, снижая уязвимость на 23 процента.

Время принятия решения также демонстрировало связь с личностными чертами. Участники, кликавшие на вредоносные ссылки, принимали решение в среднем за 4,7 секунды, в то время как участники, отклонявшие подозрительный контент, затрачивали в среднем 9,3 секунды. Корреляция между скоростью принятия решения и вероятностью ошибки составила $r = 0,62$, p меньше 0,01.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о существенном влиянии стабильных личностных характеристик на уязвимость пользователей к фишинговым атакам. Данные демонстрируют, что психологический профиль индивида является не менее важным фактором безопасности, чем уровень технических знаний или цифровой грамотности. Это имеет значительные импликация для разработки систем защиты и образовательных программ по кибербезопасности. Особенно примечательно, что черты, традиционно считающиеся позитивными в социальном контексте, такие как доброжелательность и открытость, могут создавать уязвимости в цифровой среде. Это подчеркивает необходимость персонализированного подхода к обучению кибербезопасности, учитывающего индивидуальные психологические особенности [14]. Сильная корреляция склонности к риску с уязвимостью указывает на критическую важность восприятия угроз пользователем. Индивиды с высокой склонностью к риску систематически недооценивают потенциальные негативные последствия своих действий в цифровой среде. Образовательные программы для таких пользователей должны фокусироваться не столько на передаче технических знаний о признаках фишинга, сколько на изменении восприятия рисков и формировании привычки критического анализа потенциально опасных ситуаций. Защитный эффект добросовестности согласуется с результатами предыдущих исследований поведения в области кибербезопасности. Добросовестные индивиды демонстрируют более систематический подход к проверке безопасности контента и строгое следование рекомендациям по защите. Это указывает на возможность развития защитных навыков через формирование организованных процедур проверки безопасности, которые могут частично компенсировать врожденную склонность к доверию или импульсивности [15]. Результаты исследования имеют прямое практическое применение для разработки адаптивных систем защиты. Знание личностного профиля пользователя позволяет системе кибербезопасности динамически адаптировать свою стратегию защиты. Для пользователей с высокой доброжелательностью и экстраверсией система может автоматически повышать уровень фильтрации входящих сообщений, содержащих просьбы о помощи или призывы к срочным действиям. Для пользователей с высокой добросовестностью система может предоставлять более детальную информацию о признаках угрозы, позволяя им применить свои аналитические навыки. Важным направлением развития является интеграция психологического профилирования в когнитивные системы защиты. Когнитивный профиль пользователя должен включать не только показатели цифровой грамотности и поведенческие паттерны, но и личностные характеристики, определяющие склонность к рискованному поведению. Это позволит создать по-настоящему персонализированную защиту, адаптированную к уникальным психологическим особенностям каждого пользователя.

Заключение

Настоящее исследование продемонстрировало значимое влияние личностных черт и склонности к риску на уязвимость пользователей к фишинговым атакам. Доброжелательность, экстраверсия и открытость опыту коррелируют с повышенной уязвимостью, в то время как добросовестность оказывает защитное действие. Склонность к риску является наиболее сильным предиктором небезопасного поведения в цифровой среде. Результаты исследования обосновывают необходимость перехода от универсальных к персонализированным подходам в обеспечении кибербезопасности. Интеграция психологического профилирования в системы защиты и образовательные программы позволит повысить их эффективность за счет учета индивидуальных особенностей принятия решений пользователями в условиях потенциальной угрозы. Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение возможностей целенаправленного развития защитных психологических установок и навыков критического мышления у пользователей с высокой врожденной уязвимостью. Также актуальной задачей является разработка этических принципов использования психологических данных в системах кибербезопасности для

предотвращения потенциального злоупотребления такой информацией.

Библиографический список:

1. Селиверстов В. В., Корчагин С. А. Анализ актуальности и состояния современных фишинг-атак на объекты критической информационной инфраструктуры //Инженерный вестник Дона. – 2024. – №. 6 (114). – С. 17.
2. Русских Е. И. Прошлое, настоящее и будущее фишинговых атак //ББК 1 Н 34. – С. 6015.
3. Назаров А. К. Некоторые современные средства защиты от киберугроз //редакционно-издательским советом Краснодарского университета МВД России. – С. 76.
4. Токолов А. В. Социальная инженерия в вопросах обеспечения информационной безопасности //Криминологический журнал. – 2024. – №. 4. – С. 175-182.
5. Горбунова Е. А., Сайкинов В. Е. Российская Федерация Проблема фишинга в использовании информационных систем на основе облачных технологий //И74 Информационное общество: современное состояние и перспективы развития: сборник материалов XI международного студенческого форума.–Краснодар: КубГАУ, 2018.–408 с. – 2018. – С. 103.
6. Брюханов В. А., Грызунов В. В., Шестаков А. В. Выявление проблем информационной безопасности методом систематического обзора литературы. – 2024.
7. Серік А. С. Правовые основы предотвращения кибермошенничества: состояние и перспективы развития. – 2022.
8. Сергеев А. Ю., Широкова О. В. Мошенничество в цифровом обществе в условиях социальных изменений //Цифровая социология. – 2023. – Т. 6. – №. 1. – С. 59-71.
9. Мрочко В. Л., Рощина Т. М., Тарасов М. Д. Обеспечение безопасности в сети Интернет: психолого-педагогические аспекты //Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – №. 3 (43). – С. 196-204.
10. Швецова Е. Э. Виды мошенничества в сфере дистанционного банковского обслуживания и способы борьбы с ними //Сборник материалов Всероссийской научной конференции молодых исследователей с международным участием ИНТЕКС-2024–2024–с. – 2024. – С. 269-272.
11. Уваров А. А. Информационная безопасность граждан России: современное состояние //Lex russica. – 2024. – Т. 77. – №. 1 (206). – С. 133-143.
12. Харисова З. И. ГЕНЕЗИС ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ //Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2025. – №. 1 (21). – С. 57-65.
13. Битюкова А. Ф. Направления развития банковских электронных услуг и способы обеспечения их безопасности. – 2019.
14. ГОСТ Р 57580.1-2017. Безопасность финансовых (банковских) операций. Требования к организации и проведению работ по обеспечению безопасности. М.: Стандартинформ, 2017. 26 с.
15. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 14.07.2022). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Saytdjanov Shovkat Nigmatjanovich

PhD Associate Professor

Tashkent State Transport University

E-mail: saytdjanov123@mail.ru

Khusniddinov Fakhriddin Shamisiddinovich

Tashkent University of Applied Sciences, senior lecturer

УДК 371.3:004.032.8.

THE IMPORTANCE OF USING MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES IN TEACHING PHYSICS IN PUBLIC SCHOOLS

Abstract. This article examines the use of modern information technologies in teaching physics in public schools, a competency-based approach to physical education, and the importance of presenting topics through computer-based multimedia materials.

Keywords: public school, physics, modern information technologies, information and communication.

INTRODUCTION

For schoolchildren to successfully master physics, it is essential that they possess a high level of analytical and logical thinking. This undoubtedly develops the student's ability to make quick decisions, discuss and negotiate, and perform tasks step-by-step when solving questions and problems, as well as in various life situations. Through physical thinking, students will achieve a high level of in-depth mastery of general education subjects in the future. Physics is a science that plays a vital role in the development of human intelligence, concentration, determination, and the will to achieve goals, ensuring strict discipline and broadening horizons.

Physics is the foundation of imagination and understanding of the world plays a vital role in the development of production, science, and technology, and in uncovering the specific laws of phenomena and events around us. At the same time, it helps students master the methods and skills that will help solve engineering problems in the future, as well as specific issues related to all areas of physics.

LITERATURE ANALYSIS AND METHODOLOGY

A competency-based approach to physics education involves the development of practical skills that enable students to effectively address situations they encounter in their professional, personal, and everyday lives, as well as strengthening the theoretical and practical aspects of physics education.

Physics also requires generalizing the curriculum to a level that enables students to understand it, grasp the general principles and laws underlying the physical laws, experiments, and facts studied, and understand the relationships between the physical phenomena under consideration. This is primarily due to the study of the properties of physical processes, the relationships between them, and the physical relationships and interactions that underlie practical training and the skills developed in students. It is emphasized that physics is one of the key tools that not only helps students master theoretical, practical, and laboratory training and skills, but also helps teachers establish physical connections between the issues discussed in theory and practice, thereby enhancing the effectiveness of learning.

Given the incomparable place that physics occupies in our lives, a more in-depth approach to teaching this subject in secondary schools requires incorporating mathematics and basic knowledge from the natural sciences into the initial curriculum. In our country, along with all other exact sciences, considerable attention is paid to improving physics education in line with modern requirements, integrating the latest pedagogical and innovative methods, multimedia tools, and information and communication technologies into its teaching.

Using modeling, students can present information graphically using computer-based multimedia materials. As a result, they become more independent in their in-depth study of physics and in the learning process. The use of specialized modern information technologies allows students to present simple physical processes in animated form, visually observe and analyze the process, and create graphs in accordance with laws. Thus, teaching methods enriched with the latest advances in modern science, technology, and information technology are of great importance for enhancing the effectiveness of education and training.

DISCUSSION AND RESULTS

In order for all physics lessons to be interesting and effective, it is necessary to develop various presentations and use them widely in lessons. Of course, this process also improves students' computer literacy. Students independently use presentations outside of class. The use of information and communication technologies ensures a high-quality, understandable, and contemporary lesson. This situation leads to a two-fold development: firstly, the teacher's activity increases, their scientific and methodological potential rises to a new level, and they become modern, advanced specialists; secondly, the quality of education improves, leading to the effective fulfillment of the main educational goal. In the modern era, when new technical means of teaching physics, including computers and other information technologies, are rapidly being introduced, the use of advances in computer science to ensure interdisciplinary integration is a pressing issue.

The introduction of computer technology into educational institutions opens up a wide range of opportunities for optimizing the educational process. Over the past decade, the use of computers in physics teaching has evolved in several key areas.

Using modeling, students can present information graphically in the form of computer-based multimedia materials. As a result, they become more independent in their in-depth study of physics and in the learning process. To quickly and accurately solve a frequently encountered physics problem, a professional physicist can simultaneously perform their professional duties and propose a specific solution.

Another aspect of the convenience of using computers in physics teaching is the modeling of specific educational situations.

A special aspect of teaching should be considered: teaching students how to apply acquired knowledge, skills, and abilities in various settings. This is the beginning of work aimed at preparing students for specialized disciplines. In particular, the importance of connecting the subject to real life, not just academic knowledge, solving practical problems, and engaging students in independent research and learning is immeasurable. Clearly, developing students' logical thinking skills through physics is inextricably linked to developing correct, precise, and concise physics language.

It's important for students to deeply understand that knowledge of physics is useful not only in questions and answers or exams, but also at home, at work, during sports, and at any point in life. To achieve this, teachers of this subject must directly connect the topics being studied to real life and teach students how to solve any examples, problems, and assignments using simple, real-life situations.

When the learning process is organized using specially prepared multimedia applications, videos, and various animations during lessons, this increases students' interest in the subject, fosters practical thinking and imagination, and creates the opportunity for rapid learning.

The introduction of computer technology into educational institutions opens up a wide range of opportunities for optimizing the learning process. These include computer-based knowledge assessment, the development and implementation of various types of educational programs, the development of cognitive physics games, etc.

CONCLUSION

In conclusion, it should be noted that the productive use of new information technologies in the development of modern knowledge and the improvement of the education system has become a modern requirement, and the use of information and communication technologies in the educational process, particularly in physics lessons, has had a positive impact on the formation and development of independent learning activities in students.

Another aspect of the convenience of computers in physics teaching is the simulation of specific learning situations, which is one of their main achievements.

Teaching physics through theoretical and practical exercises reflecting its interdisciplinary connections using modern information technologies contributes to improving the quality and effectiveness of education.

References:

1. Сайтджанов Ш.Н. Физика фани дарсларини замонавий педагогик технологиялардан фойдаланиб ташкил этиш. //Физика, математика ва информатика илмий – услубий журнали. – Тошкент.-2018. -2-сон. -Б. 104-109.
2. Umarova N.N. “O‘rta maxsus, kasb-hunar ta’limida innovatsion texnologiyalar”. O‘quv-uslubiy qo‘llanma. Toshkent-2008 y.

3. Usmonov K.O. “Ta’limda yangi pedagogik texnologiyalar”, T.:2008 y.
4. Сайтджанов Ш.Н., Элмуродов Б., Мирсалихов Б.А. “Tabiiy fanlar (fizika va kimyo)ni o’qitishda talaba-yoshlarni tarbiyalashdagi ahamiyati”. Academic Research in Educational Sciences., Volume 3., Issue 2., 2022 pp-325-328.
5. Сайтджанов Ш.Н., Юсупов Ш.Б. “Физика масалаларини ечишда математиканинг ўрни”. Физика-математика фанлари журнали. 2-жилд 1-сон., 41-46 бетлар.
6. Сайтджанов Ш.Н., Махмудов Ю.Ф. “Изучение темы “Строение атома и химические связи” на уроках химии и физики”. Научно-практический журнал “Высшая школа”. №18/2018. (сентябрь 2018 г.) стр 31-33.
7. Saytdjanov Sh.N., Y. Makhmudov. “BASIC CONCEPT OF NUCLEAR PHYSICS IN SCHOOL COURSE”. European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. Vol.8 №.2, 2020 ISSN 2056-5852. Page 63-67.

Суровцева Екатерина Владимировна

кандидат филологических наук, профессор Российской академии естествознания, старший научный сотрудник, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna

Ph.D., Professor of Russian Academy of natural Sciences, senior researcher, Moscow state University named after M.V.Lomonosov
E-mail surovceva-ekaterina@yandex.ru

УДК 821.161.1, 801.82, 801.733

**А.П.ЧЕХОВ В ЭССЕИСТИКЕ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
(И.Г.ЭРЕНБУРГ, С.П.ЗАЛЫГИН, А.И.СОЛЖЕНИЦЫН)*****A.P.CHEKHOV IN THE ESSAYS BY RUSSIAN WRITERS OF THE SECOND HALF OF THE
20TH CENTURY (I.G.EHRENBURG, S.P.ZALYGIN, A.I.SOLZHENITSYN)**

Аннотация. В статье кратко анализируются три эссе, написанных русскими писателями второй половины XX века о А.П.Чехове. И.Г.Эренбург в тексте под названием «Перечитывая Чехова» (1959), анализируя целый ряд произведений классика, вписывая его в контекст мирового искусства, приходит к выводу, что причина интереса к творчеству Чехова состоит в его человеческих качествах и в том, что писатель смог проникнуть в глубины человеческого сердца. С.П.Залыгин в эссе «Мой поэт. Эссе о творчестве А.П.Чехова» (1969) ставит вопрос, можно ли называть Чехова поэтом, и приходит к заключению, что можно. Залыгин также вписывает Чехова в общекультурный контекст, рассматривает множество его произведений, останавливается на человеческих качествах писателя. Ещё одно эссе Залыгина о Чехове «Чехов в наши дни» (1989) представляет собой отчасти повтор главки «Такт» из «Моего поэта», отчасти зарисовки, касающиеся судьбы личности и творчества Чехова во второй половине XX века. А.И.Солженицын в тексте, озаглавленном «Окунаясь в Чехова» (1998), ставит себе целью войти в «душевное соприкосновение» с писателем, последовательно анализирует произведения Чехова, отмечает особые черты Чехова-писателя, проводит параллели с современными Антону Павловичу русскими писателями, в некоторых случаях критикуя и полемизируя с классиком относительно некоторых идей и языковых оборотов. Введение в научный оборот рассмотренных нами эссе о А.П.Чехове обогатит потенциал чеховских произведений и поможет раскрыть грани творческой природы авторов этих эссе.

Abstract. The article analyzes briefly three essays written by Russian writers of the second half of the 20th century about A.P.Chekhov. In his text titled «Rereading Chekhov» (1959), I.Ehrenburg analyzes a number of Chekhov's works and places them in the context of world art. He concludes that the reason for the interest in Chekhov's work lies in his human qualities and his ability to delve into the depths of the human heart. S.P.Zalygin in the essay «My poet. An essay on the work of A.P.Chekhov» (1969) raises the question of whether Chekhov can be called a poet, and concludes that he can. Zalygin also fits Chekhov into the general cultural context, examines many of his works, and focuses on the writer's human qualities. Other essay by Zalygin on Chekhov, «Chekhov in Our Days» (1989), is partly a reprise of the chapter «Такт» from «My Poet», and partly a series of sketches about the fate of Chekhov's personality and work in the second half of the 20th century. In his text entitled «Diving into Chekhov» (1998), A.I.Solzhenitsyn sets out to enter into «spiritual contact» with the writer, consistently analyzes works by Chekhov, highlights the unique features of Chekhov as a writer, and draws parallels with contemporary Russian authors, occasionally criticizing and engaging in debates with the classic regarding certain ideas and linguistic expressions. The introduction of the essays on A.P.Chekhov into scientific circulation will enrich the potential of works by Chekhov and help to reveal the facets of the authors' creative nature.

Ключевые слова: А.П.Чехов, И.Г.Эренбург, С.П.Залыгин, А.И.Солженицын, эссеистика, русская литература второй половины XX века, критика, эссеистика.

Keywords: A.P.Chekhov, I.G.Ehrenburg, S.P.Zalygin, A.I.Solzhenitsyn, essays, Russian literature of the second half of the 20th century, criticism, essays.

А.П.Чехов оказал огромное влияние на развитие русской литературы, его личность и творчество привлекало самых разных писателей. Это воздействие на культурный и литературный процесс сказалось и в том, что ряд авторов оставили нам свои размышления об Антоне Павловиче. Во второй половине XX века известны три писателя, создавших эссе о своём предшественнике, – И.Г.Эренбург, С.П.Залыгин и А.И.Солженицын.

Эссе И.Г.Эренбурга носит название «Перечитывая Чехова» (1959) (первая публикация состоялась в журнале «Новый мир», № 5 и 6 за 1959 год; 1960 текст вышел отдельной книжкой) [6].

Эренбург формулирует цели своего текста: «Решаясь поддаться с читателями некоторыми мыслями о жизни и книгах Чехова, я, конечно, не помышляю открыть то, что давно открыто, освоено, обжито; я хочу только как литератор новой, непохожей на прежнюю, эпохи попытаться понять, почему Чехов перерос своё время и, породив “чеховщину”, оказался куда долговечнее её» [6, с. 16]. Эренбург ставит вопрос: «В чём же разгадка жизненности Чехова, его глубокой современности, близости людям, живущим в одну и ту же эпоху, но разделённым и в мыслях и в чувствованиях разными верованиями, разной моралью, разным бытом?» [6, с. 7].

Эренбург отмечает скромность, совестливость, гуманизм, патриотизм Чехова. По его мысли, «Наверно, были писатели крупнее Чехова, но, кажется, не было в мировой литературе ни одного честнее, совестливее, правдивее его, и в этом объяснение неослабевающей любви к нему читателей» [6, с. 53], ведь «... в искусстве большую роль играют не только талант и мастерство, не только мировоззрение и среда, но также свойства, качества, характер самого художника. Я осмелюсь сказать, что бывали талантливые, но недобрые писатели; бывали гении, лишённые скромности» [6, с. 35].

Эренбург ставит вопрос: «Но если история давно вынесла приговор России конца прошлого века, то что же мы находим в произведениях Чехова близкого, понятного, сегодняшнего?» [6, с. 109] и сам на него отвечает: «Нет разрыва между злобой дня и поэзией, между темами эпохи и законами искусства: художник показывает то, что волнует его, его современников, и если он способен увидеть не одну только оболочку, заглянуть в глубины человеческого сердца, то он создаёт произведение, которое поможет людям в очередной невзгоде и которое будет потрясать их детей, внуков, много лет спустя после того, как история вынесет им свой приговор, а пыль архивов припудрит давнюю злобу дня» [6, с. 110].

Илья Григорьевич анализирует целый ряд произведений Чехова – подробнее всего «Остров Сахалин».

Текст Эренбурга содержит соображения об изобразительном искусстве – в частности, о различиях графики и живописи – и приходит к выводу, что Чехов – скорее, «живописец», а не «график»: «... Чехов, стремясь раскрыть внутренний мир человека, прибегал к приёмам не графика, а живописца» [6, с. 55]. Эренбург цитирует мысль Л.Н.Толстого об импрессионистической манере Чехова, с которой Эренбург согласен: «Вот этот отказ от точного и подробного рисунка, от сухого, лишённого восприятия мира сближает Чехова с импрессионистами» [6, с. 85].

В эссе сравниваются Чехов и Золя – их «творческие командировки»; говорится об огромном влиянии Чехова на французскую культуру (и это влияние, по Эренбургу, даже больше, чем влияние Э.Золя).

Два раза Эренбург употребляет выражение «поэзия Чехова» и вспоминает Ф.Мориака, сравнивавшего Чехова с Моцартом. Затрагивается также прижизненная критика произведений Чехова. Эренбург отмечает преклонение Чехова перед Толстым, симпатию Чехова к Тургеневу.

С.П.Залыгин озаглавил свой текст «Мой поэт. Эссе о творчестве А.П.Чехова» (1969) [1].

Цель написания эссе формулируется так: «Я не ставил задачи написать литературоведческую, а тем более биографическую работу. Не рассматривал и не оценивал взгляды на творчество Чехова. Я хотел лишь предложить своё прочтение чеховских произведений. Позже может придти желание, даже необходимость, сравнить своё собственное прочтение с прочтением других. <...> Возможно ли, – спрашивал я сам себя, – говорить о Чехове возвышенно, поскольку самому Чехову это было так несвойственно, возможно ли назвать его поэтом, возможно ли, говоря о нём, говорить о своём собственном восприятии искусства? Я так и не нашёл окончательных ответов, однако же узнал, что только в том ключе и только в той манере, в которых написана эта вещь, я могу выразить то, что хотел выразить, принимаясь за работу» [1, с. 401]. Итоговый ответ Залыгина положительный: да, мы можем говорить о Чехове возвышенно, мы можем называть его поэтом (эта мысль, прозвучавшая у Эренбурга как бы походя, у Залыгина является основной).

Залыгин выделяет одиночество и отчуждённость Чехова, его строгость к себе и даже педантизм.

Эссе разделено на главки: «Границы» (чувство меры, чувство неловкости и стыда за себя, умение быть «около», умение точно ставить диагноз; тут же – о взаимоотношениях с Толстым); «Тайна» (тайна как «ощущение границ»; «Вообще его (Чехова – Е.С.) произведения как будто только для переживания, а не для объяснения» [1, с. 432]); «Такт» (по Залыгину, это очень важная черта Чехова); «Норма» (к ней и был устремлён Чехов); «Нерв доктора Чехова» (чеховские «герои делятся на тех, кто обладает “нервом доктора Чехова”, и та тех, в ком этот нерв отсутствует полностью» [1, с. 473]); «Координаты» (задача Чехова – «всегда поиск нового человека, новых координат человеческого существования, тех “общих идей”, от отсутствия которых он так страдал» [1, с. 494]; Чехову «есть на что действовать и есть к чему взывать. Взывать, чтобы люди вышли наконец из существующей такой зыбкой, такой временной плоскостной системы, в которой любые треугольники и многоугольники, любые построения обречены на одноликость и подобие. Чтобы люди вышли из неё и создали новую пространственную координату “Г”. Взывать, чтобы они искали жизнь в новых измерениях, чтобы среди множества рассеянных повсюду возможных точек приложения физических сил человека и его интеллекта были найдены точки и рычаги единственно необходимые, подлинно человеческие» [1, с. 493]).

В эссе содержится ряд сравнений с русскими и иностранными писателями (Мольер, Островский и пр.).

Отмечается также импрессионизм произведений Антона Павловича – чеховское «новаторство заключалось ещё и в том, что он ввёл в отечественную литературу импрессионизм, чем-то напоминающий тот, который уже обрёл права гражданства в мировой живописи» [1, с. 458 – 459].

Залыгин, как и Эренбург, рассматривает ряд произведений Чехова, очень подробно – «Три сестры».

Говоря о Чехове, Залыгин употребляет выражения «наш автор», «наш поэт», однако чаще всего – «мой поэт».

Ещё одно эссе С.П.Залыгина – «Чехов в наши дни» (1989) [2]. Часть текста – это повтор главки «Такт» из «Моего поэта». Весь остальной текст – зарисовки, касающиеся судьбы личности и творчества Чехова в наши дни, во второй половине XX века. Это рассказ Николая Семёновича Гаврилова, работающего в сфере криминалистики психолога, о разводе (причинах и «процессе») его хороших знакомых Нины и Анатолия Прядкиных – разводились они недобро, с руганью, с дележом имущества, с попытками разделить собрания сочинений, собрание же сочинений Чехова они делили «просто»: разрывали тома на две части. Описывается, как маленькие дети супругов находят порванный том и читают там: «Вспомнил я своих товарищей и знакомых, и первая мысль моя была о том, как я теперь покраснею и растеряюсь, когда встречу кого-нибудь из них. Кто же я теперь такой? О чем мне думать и что делать? Куда идти? Для чего я живу? Ничего я не понимал и ясно сознавал только одно: надо поскорее укладывать свой багаж и уходить. До посещения старика моё лакейство имело смысл, теперь же оно было смешно. Слезы капали у меня в рас...» [2, с. 128] (это отрывок из «Рассказа неизвестного человека» – рассказ Залыгиным цитируется, но не называется). Залыгин конструирует ситуацию, как Чехов с револьвером в руках появляется в очереди в прачечную в современной Москве и прекращает вспыхнувшую там безобразную перебранку. Сергей Павлович, доказывая, что Чехов с револьвером – возможность, рассказывает о своём посещении дома-музея в Ялте, где директор музея показывает ему личные вещи Антона Павловича, в том числе – револьвер. Точно так же, с револьвером в руках, Чехов появляется и в ином месте – «в одном из наших министерств» [2, с. 135], где Залыгин в этом «бумажном океане» пытался спасти «“списанные” в никуда и ещё недавно плодороднейшие миллионы гектаров земли» по иску одного из дальневосточных исполкомов на сумму 3,5 млрд рублей [2, с. 135] – и писатель с горечью констатирует, что ложь торжествует (Залыгин вспоминает вопрос В.М.Шукшина: «Что с нами происходит?» [2, с. 135]). И завершает эссе повествование «ещё об одной роли Антона Павловича Чехова, исполняемой им в наши дни» [2, с. 137]. Залыгин пишет о своём разговоре с одним высокопоставленным американцем об «обратной связи» между Россией и Америкой, для проверки этой связи в обе стороны передаются какие-нибудь тексты, и чаще всего – это тексты Чехова, открывается какой-нибудь том его сочинений на какой-нибудь странице и прочитывается текст, там написанный, например: ««Ничего я не понимал и ясно сознавал только одно: надо поскорее укладывать свой багаж и уходить. До посещения старика моё лакейство имело смысл, теперь же оно

было смешно. Слезы капали у меня в раскрытый чемодан, было нестерпимо грустно, но как хотелось жить!» [2, с. 137]. Американец высказывает соображение, что пока читается Чехов, то войны не будет. Залыгин в качестве заключения задаёт вопрос: «Но почему же тогда мы, такие могущественные, такие цивилизованные жители двадцатого века, обращаемся за помощью к беспомощному герою Чехова, который плакал в “раскрытый” чемодан?» [2, с. 137].

А.И.Солженицыну принадлежит текст под названием «Окунаясь в Чехова» (1998) [5] (отметим, этому тексту посвящена интереснейшая статья И.Б.Ничипорова [3]).

Эссе входит в цикл «Литературная коллекция». Цели создания текста формулируются для всей «коллекции» в целом. По признанию Солженицына, сделанному писателем в самом первом тексте «коллекции», «заметки эти – вовсе не критические рецензии в принятом смысле, служащие оценке произведения в потребность современному читателю. Каждый такой очерк – это моя попытка войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял мне самому, – и в мысленной беседе с ним угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил. (А ещё: зорко примечаю лексику автора и в заключение обычно привожу два-три десятка слов и выражений, которыми он в этой книге отметно расширил наш скудеющий языковой поток)» [4].

Солженицын последовательно рассматривает самые разные произведения Чехова (по Ничипорову, это «калейдоскоп лаконичных, “точечных”, иногда провокативных интерпретаций отдельных произведений, их проблематики, персонажного мира, стилистики» [3, с. 53]), сосредоточен на творчестве позднего Чехова – рассказах и повестях 1885 – 1900 годов.

Александр Исаевич отмечает такие чеховские черты, как отражение масштаба судьбы человека в частных эпизодах; воздействие чеховского лаконизма связано с его неявной эмоциональностью, особенностями композиции, описанием поведения персонажей; от бытовых ситуаций – к парадоксам судьбы и характера («Враги»: столкновение «горя от сытости» и «горя от тяготы»).

В эссе есть и критика Чехова – так, «Палата № 6» и «Архиерей» не кажутся Солженицыну удачными. В рассуждениях о «Степи» высказывается такая мысль: «много о ночных птицах, но почему ни разу о летучих мышах?». Рассказы «Агафья» и «Счастье» критикуются за то, мимику и жестикуляцию, описанную Чеховым, в темноте видеть нельзя.

Содержится у Солженицына не только критика, но и полемика с Чеховым – например, с изображением крестьян («Мужики») и лавочников («В овраге»).

Хотелось бы особо остановиться на оценке чеховского языка. В некоторых случаях эта оценка положительная (например, отмечается, что в «Шуточке» «ни единого словесного срыва», а в «Агафье» «чудесные сравнения»), и отрицательная («а слов исконных, корневых, ярко русских – у Чехова почти не бывает (от южного детства?)»). По Солженицыну, Чехову присуща «импрессионистичность портрета» – и при этом у него нет народной лексики.

Александр Исаевич отчасти солидаризуется с критиками-народниками рубежа XIX – XX веков, которые упрекали Чехова в размытости идеалов.

Солженицын проводит ниточки от Чехова к будущей революции и гражданской войны (Соломон из «Степи» – из таких «успешно восстанут “кожаные куртки” военного коммунизма и 20-х годов») и позднейшего советского времени (в «Палате № 6» – «как пророчество: о будущих советских психушках»).

В эссе содержится сопоставление Чехова с классиками (в связи со «Степью» вспоминается творчество Лескова, в связи с «Мужиками» – Горького и Бунина).

По Солженицыну, религиозная и церковная проблематика произведений Чехова – ещё один важный уровень.

В целом эссе о Чехове – «уяснение подвижного баланса чеховских открытий, прозрений, “недоглядов”, “перекосов”», изобразительных неточностей и примечательно пристрастным отбором материала, его осмыслением с позиций позднейшего личного, исторического и литературного опыта» [3, с. 53].

Введение в научный оборот эссе И.Г.Эренбурга, С.П.Залыгина и А.И.Солженицына, посвящённых жизни и творчеству А.П.Чехова, обогатит потенциал чеховских произведений и поможет раскрыть грани творческой природы перечисленных писателей. Каждое из названных и кратко рассмотренных эссе должно быть проанализировано отдельно.

Библиографический список:

1. Залыгин С.П. Мой поэт. Эссе о творчестве А.П.Чехова. Залыгин С.П. Собрание сочинений в 6 томах. Том 5: Рассказы. 1951 – 1980. Мой поэт: Эссе о творчестве А.П.Чехова. М.: Художественная литература, 1991. С. 401 – 237.
2. Залыгин С.П. Чехов в наши дни. Залыгин С.П. Проза. Публицистика. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 125 – 137.
3. Ничипоров И.Б. А.П.Чехов в прочтении А.Солженицына. Art Logos. 2019. № 4 (9). С. 45 – 53.
4. Солженицын А. «Голый год» Бориса Пильняка. Из «Литературной коллекции». Новый мир. 1997. № 1. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/literaturnaya_kollekziya/Solzhenitsyn_A.I.-Golyj_god_Borisa_Pilnyaka.pdf (дата обращения: 17.03.2026).
5. Солженицын А.И. Окунаясь в Чехова. Из «Литературной коллекции». Новый мир. 1998. № 10. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/literaturnaya_kollekziya/Solzhenitsyn_A.I.-Okunayas_v_Chekhova.pdf (дата обращения: 17.03.2026).
6. Эренбург И.Г. Перечитывая Чехова. М.: Художественная литература, 1960. 144 с.

Научное издание

Коллектив авторов

ISSN 2500-1159

Журнал о гуманитарных науках «Гуманитарный трактат»

Кемерово 2026